

Зяма Исламбеков

ДЕЛА

адвоката

РОМАНИ
ВЕРКА

Зяма Исламбеков

Дела адвоката Монзикова

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23788679

Дела адвоката Монзикова: 2017

ISBN 978-5-9909595-0-7

Аннотация

Впервые роман в полной версии вышел в свет в 2007 г. Пиратски попав в интернет, первое из пяти на сегодняшний день произведений Зямы Портосовича Исламбекова стало по мнению критиков – новым направлением в сатирической литературе 21-ого века. Книга печатается с разрешения автора, любезно предоставившего оригинал-макет рукописи. Все перепечатки без разрешения автора категорически запрещены! Рассчитана на людей с чувством юмора и «советской родословной». Детям в возрасте от 3 до 7 лет – рекомендуется в качестве книжки-раскраски. Использовать книжку следует только по прямому назначению. Минздрав России предупреждает: содержащийся на каждой странице свинец способствует возникновению ряда раковых заболеваний, особенно прямой и, может быть, даже двенадцатиперстной кишки. Кроме того, туалетная бумага отечественного и импортного производства в пересчете на погонные метры не намного дороже испачканных свинцом книжных листов. Совет читателям с буйным воображением,

пытливым умом и беспокойными ногами – Не старайтесь найти автора! Ему и самому достаточно непросто живется на белом свете. Вот и пишет он о наблевшем, до боли знакомом и близком... Писал, пишу и буду писать! В ближайшее время выйдут в Свет и другие шедевры, посвященные простым российским обывателям. Готовится к изданию комедийно-приключенческий роман Зямы Исламбекова «Так уж бывает...» И не удивительно, если на экранах телевизоров Вы, дорогой читатель, увидите до боли знакомые персонажи этого или других произведений Зямы Исламбекова. *Книга содержит нецензурную брань.*

Содержание

Часть первая	6
От автора	6
Знакомство с Монзиковым	8
Историко-биографическая глава	13
Трамвайная история	22
На медкомиссии	39
Классное задержание	49
В Ижевск, на поезде...	53
Уже в Ижевске, на занятиях	76
На палке	85
Любитель острых ощущений	104
После Ижевска...	107
Несостоявшаяся любовь	132
Наконец-то...	145
А счастье было так близко, так близко!	157
Часть вторая	161
Новая жизнь	164
Первое дело Монзикова	170
Дело Монарцика	186
Лирическая, обломная...	195
Нарру end	212
Лирическая, забойная	216
Конец ознакомительного фрагмента.	227

Зяма Исламбеков

Дела адвоката Монзикова

© Текст – Зямы Исламбекова, 2005

© МАД, 2005

* * *

*Посвящается всем мужикам высокого роста(от
180 см и выше)!*

Часть первая

От автора

Все, что здесь написано – истинная правда. Более того, эти истории мне рассказал Александр Васильевич Монзилов – один из самых известных адвокатов нашего города. Быть может, в этих рассказах многое упущено, но это лишь оттого, что я испытывал острый дефицит общения с Александром Васильевичем, который особенно не баловал меня своим вниманием.

По профессии я – слесарь-сантехник и за перо взялся впервые. В результате перестройки заработка стали нерегулярными, часто шальными. Да и клиенты пошли не те. Приходишь в квартиру, а там такое... Иногда даже не поймешь, зачем вызывали. Случаи, когда начинаешь путать туалет с ванной или кухней стали типичны в моей профессии. Уже нет у «новых русских» привычных туалетов, нет убогих ванночек и кухонек до 5 м². Часто, очень часто, на вызовах к клиентам приходится надевать тапочки и слова «пожалуйста», «извините», и всякую другую ерунду употреблять вместо мата, т. е. через слово.

Я в жизни кем только не работал. Был и электриком, и плотником, и даже медбратом, хотя образование – 8 классов.

Время теперь такое, что даже депутаты, не говоря уж о...

Читатель, извини, сорвалось, вдруг! Сев писать этот роман, дал зарок – ни слова о политике и ни слова из моего родного лексикона. Вместо мата будут вполне приличные слова. Вот и думаю, теперь, а я ли все это написал?

Когда я рассказал о своих мучениях и мытарствах Петровичу – тоже слесарю из нашего ПРЭО, то он посоветовал мне заняться сексом или кончить пить. Пробовал. Ничего не помогает. Если бросаешь пить, то на баб уже не тянет, а если завязываешь с женщинами, то можно просто спиться. Вот и получается, что надо заниматься чем-то другим. Детьми заниматься мне не надо, т. к. всю жизнь ими не занимался, а они выросли и в жизни теперь преуспевают.

Жена моя – Катенька – на самофинансировании и хозрасчете. Молодец, еще и мне нет-нет, да и поможет. Вот и выходит, что кроме писательства у меня выбора больше-то и не было. Сейчас все пишут. Пишут ведь не только в туалетах и на заборах?

Помню, попал я как-то в милицию, по-пьянке, и заставили меня написать на работе объяснительную. Написал, а начальник и говорит:

– Да, Зяма, ты прямо как писатель. Складно врешь!

Ну, писатель, не писатель, а слова эти мне в душу запали крепко, т. к. был я тогда почти трезвым. С той поры и пишу. Даже когда нет сил, заставляю себя и уж три-четыре главы за вечер «выдаю» легко.

Знакомство с Монзиковым

Если мужчина хочет женщину, то им восхищается большинство. Если женщина хочет мужчину, то тоже большинство ее осуждает.
Парадоксы мужской и женской психологии

Было воскресное утро, ярко светило солнце, стояла обычная, июльская жара. Дома делать было нечего, т. к. еще в пятницу моя Катерина уехала к мамочке. Она застучала меня с Петровичем во время распития второй бутылки спирта Рояля по случаю 300-летия граненого стакана. Вообще пятница – день тяжелый. Впереди два выходных, и, что делать с такой уймой времени – я даже не знаю. Обычно, по выходным, я хожу в гости к новым русским на сложные ремонты, после которых можно неплохо отдохнуть с тем же Петровичем, например, или купить чего-нибудь жене, детям. Но чаще получается, что выходные превращаются в отходные с опохмелением и подготовкой к новой трудовой пятидневке.

И вот, в тяжелые для моего организма часы, трезвый, гладко выбритый, с отягощенным двумя бутербродами с докторской колбасой желудком, я сидел на берегу озера и вяло созерцал купание дачников в двадцатиградусной мутно-зеленой луже, ежегодно цветущей в такую погоду.

Вдруг к скамейке, на которой я сидел, где рядом со мной лежала чья-то одежда, подошел мужчина среднего роста в

мятых брюках и в рваной белой рубашке с закатанными чуть ниже локтя рукавами. С виду – вроде бы обычная хронь – на руках и безобразно волосатой груди были видны наколки. Но что-то сильно контрастировало в нем.

– Можно? – спросил с легким раздражением мой незнакомец и, не дождавшись ответа, лихо сдвинул в одну большую кучу, аккуратно разложенную на скамейке одежду.

Опустив свой непропорционально большой зад на грязную скамейку, незнакомец внимательно посмотрел на меня и спросил: «Курить будешь?»

– Можно, – ответил я.

– Тогда доставай и, это, угощай! Понимаешь мою мысль?

Когда я достал пачку Беломора, незнакомец спросил с явным удивлением: «А что, Мальборо нет?»

– Нет! Есть Беломор.

– Ну, Беломор, так Беломор. Ты, это, видишь вон ту дамочку?

– Беременную? – спросил я и взглянул на своего соседа.

– Сходи, стрельни у нее! Наверняка она плохих не курит. Понимаешь мою мысль, а? – И он начал с безразличием смотреть на озеро, небрежно прикрывая левой рукой почти беззубый рот, разинутый в львиную пасть в неимоверно долгом зеве.

Когда я принес две сигаретки и одну из них протянул соседу по скамейке, то он решительно взял обе, одну – в рот, а другую молниеносно сунул в нагрудный карман рубашки.

– А спички есть?

– Зажигалка. Устроит? – спросил я, продолжая удивляться такому развитию событий.

– Ну, зажигай. Молодец! – уже более миролюбиво буркнул с сигаретой в зубах мой сосед. После первой затяжки, не без гордости, мой сосед протянул мне небольшую и весьма безжизненную ладонь и несколько небрежно произнес – адвокат Монзиков, Александр Васильевич!

Рука была не то, чтобы мокрой или потной, но какой-то слегка влажной с аристократическими пальчиками. По виду Монзиков явно принадлежал к тому классу, который в 17-ом году называли гегемоном. А вот рука у него была, извините, вшивого интеллигента. Уголовные замашки никак не вязались с его миролюбием.

Когда я узнал, что передо мной сидит адвокат, то меня пронзил легкий холод. Затем бросило в жар, после чего начались видения и галлюцинации. Да, удар по психике оказался весьма сильным! При своей профессии я многое повидал. Общался, кстати, и с адвокатами. И если он не врал, то адвокат был, мягко говоря, нетипичен.

Судите сами, когда приходишь на ремонт к инженеру или учителю, то максимум, что может обломиться, так это чирик.

Адвокаты и стоматологи обычно отстегивают только за визит полтинник, а иногда и столярник. Бывает, что кидают зелененькие, двадцатку или даже полтишок. А здесь, адвокат стреляет закурить, да еще берет про запас.

– Зяма. Исламбеков, – вяло промямлил я и как-то судорожно сжал его руку.

– Еврей? Это хорошо! Понимаешь мою мысль, а? Догнал? – и, сощутив правый глаз, Монзиков внимательно стал меня разглядывать сверху донизу.

– Вообще-то я – русский, – как-то обиженно и с некоторым раздражением ответил я.

– Да ладно, уж. Ты это, ну... Давно? – и Монзиков правой ногой носком грязного модельного полуботинка стал пытаться нарисовать на песке какую-то букву.

– Чего давно? – не понял я.

– Ладно, не умничай! Лучше ответь мне, а чё это ты здесь сидишь, а? – невозмутимо рисуя на песке буквы и точки, продолжал беседу Монзиков. – Сходил бы лучше в лабаз, пивка бы купил, понимаешь мою мысль!?

– Ну, ты даешь!?

Моему удивлению и раздражению уже не было предела.

– Ладно, друг, не сердись! Жвачку хочешь? – и Монзиков по-дружески хлопнул меня по колену.

– Давай, – обрадовался я изменению ситуации.

– Это ты давай! Догнал, а!?! – Монзиков серьезно посмотрел на меня, а затем окрикнул проходивших мимо девочек, лет 12-13, и спросил у них два ластика жвачки.

Читатель, не поверишь, но девочки дали Монзикову жвачку! Вообще-то, все, кому я рассказываю о первой встрече с адвокатом Монзиковым, мне не верят, пока сами с ним не

познакомятся.

Мы сидели на скамейке, докуривали: я – Беломор, а Монзиков – халявные Мальборо, лениво жевали и наблюдали за игрой трех привлекательных девиц, то и дело эротично наклонявшихся на прямых, стройных и длинных ногах за падающим на мелководье волейбольным мячом.

– Шалавы, – многозначительно подмигнул мне Монзиков и бросил окурок в кусты сирени, кидавшие тень на нашу скамейку.

– Откуда ты знаешь?

– Раздетые, на пляже, втроем... Я правильно говорю, а? Понимаешь мою мысль? И, это, все время ржут как лошади. Догнал? – Монзиков пристально на меня посмотрел, а затем уже серьезно спросил, – Пить будешь?

– С тобой, что ли?

– А то?

На все это у меня ответа не было.

– Да, чуть не забыл, ты, это, будешь брать водку, так возьми две. Понимаешь мою мысль? – Монзиков при этом сощурился и слегка хрюкнул.

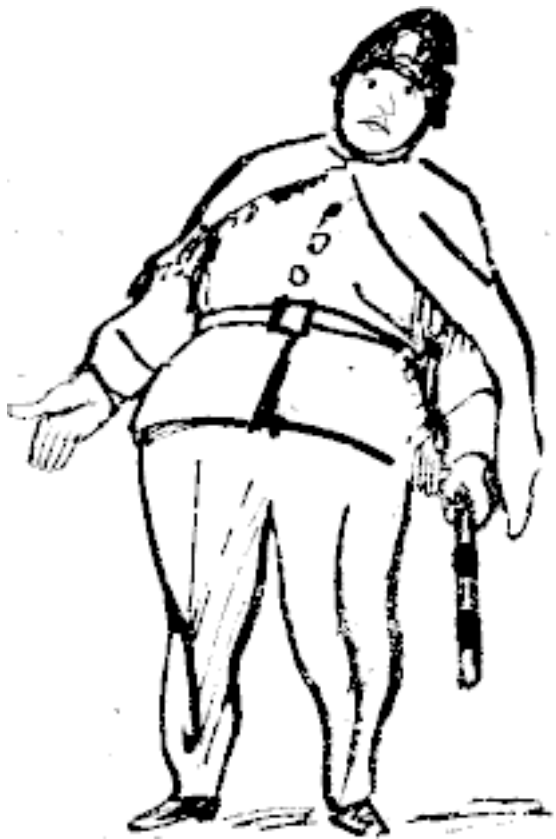
Историко-биографическая глава

Чем больше читаешь, тем больше возникает вопросов, на которые пытаешься найти ответы все в тех же книгах...

Парадоксы человечества

Спустя четыре часа, опустошив две пол-литровые бутылки Столичной, Монзиков рассказывал очередной случай из своей милицейской молодости.

Родился Александр Васильевич в деревне Красненькое, Советского района Новгородской области и был шестым ребенком в потомственной крестьянской семье. Его пять сестер были похожи на отца, а Сашка – вылитая мать. Так уж получилось, что, окончив 10 классов и имея серьезные намерения стать трактористом, Монзикова сначала угораздило сломать руку, а затем и ногу, после чего почти год в гипсе и на костылях шастал бедолага по деревне, приставая то к одной, то к другой девице. В осенний призыв его со сверстниками забрали в армию, точнее сказать – на 3 года на флот. Демобилизовавшись, Александр в деревню не вернулся, а подался в город, где за две недели стал милиционером, получил комнату в общежитии, а через год женился на обычной иногородней девушке, от брака с которой родилась дочка Аня, званная в честь любимой тещи.

Прослужив два с небольшим года в патрульно-постовой службе милиции, Монзиков без экзаменов поступил в среднюю школу милиции. Успешно заочно закончив за 8 лет двухгодичный курс обучения, написав рапорт на перевод из

уголовного розыска в систему ИТУ¹, старший лейтенант милиции, старший опер² Монзиков стал начальником отряда одной из колоний строгого режима. Незаметно прошли годы. За 7 лет Александр Васильевич, уже капитан внутренней службы, получив диплом юриста Высшей школы милиции, перешел на службу в ГАИ³, где честно оттрубил более трех лет на спецтрассе, обеспечивая беспрепятственный проезд делегаций и «первых» лиц города. Набрав денег на отдельную двухкомнатную кооперативную квартиру, отрастив солидную мозоль, уже лысый и совсем ленивый Монзиков подался на работу в следствие, чтобы стать майором и уйти на пенсию подполковником, а может быть и генералом. Прослужив пару лет, набрав 20-летнюю выслугу, Монзиков в 38 лет стал пенсионером от МВД – капитаном милиции в запасе. Решив, что юриспруденция – это его хлеб, Александр Васильевич подался в адвокаты, где за несколько месяцев сумел приобрести скандальную известность и занять свою нишу среди более 600 полуголодных адвокатов своей коллегии⁴.

Работа Монзикову нравилась. Во-первых, она приносила определенные деньги, во-вторых, работая с клиентами, Мон-

¹ ИТУ – исправительно-трудовые учреждения.

² В разговоре опер – оперуполномоченный инспектор.

³ В бытность министра МВД РФ Степашина С.В., доктора юридических наук, профессора, академика, и пр. ГАИ переименовали в ГИБДД (государственную инспекцию безопасности дорожного движения). Но в народе эта аббревиатура так и не прижилась.

⁴ А в городе насчитывалось 6 (!) коллегий.

зиков постоянно что-нибудь читал. То Уголовный кодекс, то Уголовно-процессуальный, то Кодекс об административных правонарушениях. Новые термины, которые он каждый раз впервые для себя открывал, после заучивания удачно ввертывались во время беседы с клиентами, а порой становились и неотъемлемой частью лексикона. Словарный запас его расширялся, и к 40 годам составлял уже более 120 слов, из которых добрая половина были жаргоном и ненормативной лексикой.

Длительный контакт с уголовным миром в колониях и тюрьмах вкупе с патологической жадностью сделали из него классного цирика⁵, с наколками и мелко-уголовными замашками. Работа в ГАИ довершила формирование его характера – он стал необычайно решительным и отважным.

Когда в ГАИ была плановая система штрафов, то Монзиков без труда приносил нужные «палки». Часто делился показателями с товарищами. Дело в том, что во времена перестройки в последние годы в СССР давались директивы, в том числе и правоохранительным органам, суть которых сводилась к тому, чтобы путем наращивания показателей в работе, где бы то ни было необходимо было ускорить строительство социализма, со всеми вытекающими последствиями, углубить процессы реформирования с дальнейшим переходом к рыночной экономике... В ГАИ, в частности, ввели систему отчетности, согласно которой каждое выявленное

⁵ На уголовном жаргоне цирик – надзиратель.

нарушение Правил дорожного движения отмечалось палочкой. Палочные показатели суммировались и учитывались, становясь предметом дискуссии, а порой и гордости инспекторского состава ДПС⁶.

– У тебя, сколько палок сегодня? – спрашивал один инспектор ГАИ после смены другого.

– Двадцать пять, – не без гордости отвечал напарник, – а у тебя?

– Двадцать семь. Из них 25 – водители! – уточнял гаишник. И не зря уточнял, т. к. палка палке – рознь. Пешеходная палка чаще всего была безлика, а вот водительская палка характеризовалась и госномером, и Ф.И.О., и даже пунктом ПДД, который нарушил незадачливый водила. Правда, гаишники чаще всего штрафовали не пешеходов, а водителей, а данные брали либо из головы, записывая родственников, знакомых или сослуживцев, либо от фонаря. Для водителя важнее не то, куда пошли его деньги – на штрафы, в государство, или в карман инспектора, а *сколько и как часто* он платит на дороге. Вообще, не в обиду гаишникам, последние делятся на четыре группы. *Первая группа* – махровые взяточники, *вторая* – осторожные взяточники, *третья* – трусливые или их еще называют принципиальные. Они всем говорят, как впрочем, и осторожные, что взятки не берут, что это им противно, но если кто-нибудь им тихонечко, так чтобы об этом знали только инспектор и водитель-на-

⁶ Дорожно-патрульной службы.

рушитель, засунет в карман бумажку, то гнев моментально сменяется милостью и тогда они с легкостью расстаются с водителем-взятодателем, чуть ли не друзьями. *Четвертая категория* – управленцы. Они на дороге не стоят, но взятки все равно берут. И берут уже не только с водителей и пешеходов, а с граждан-посетителей, с участников ДТП, с самих гаишников, в конце-то концов. Ведь попавшийся за руку гаишник мог оступиться и взять неосознанно. И кто же, как ни управленец может и должен помочь в трудную минуту, советом, разумеется, не бесплатным, или реальной помощью, которая во много раз ценнее и запоминается на долгие-долгие годы.

Александр Васильевич не вписывался, как это ни странно, ни в одну из четырех категорий. К последней, особенно, его при всем желании нельзя было отнести. Однако гаишная си-

стема его не отторгала. А дело было в том, что Монзиков воплощал в себе одновременно характерные черты сразу первых трех категорий. Александр Васильевич, помимо всего прочего, был и неплохим психологом. Он прекрасно ориентировался – с кем можно говорить с матом, а с кем только матом, с кого можно брать деньгами, а с кого и валютой.

Известно, что во все времена брали и берут все гаишники! Но, что удивительно, на Монзикова никто не обижался (сильно!), а если и обижались, то обида быстро сменялась апатией к инспектору и его действиям.

Нельзя сказать, чтобы Монзиков был дебилом или олигофреном, но какая-то ущербность в его лице и жестах бросалась в глаза с первых же секунд знакомства. Люди, общавшиеся с Александром Васильевичем более 10 минут, об этом забывали, но тяжелый осадок от контакта с Монзиковым оставался надолго.

Поступки, слова Монзикова подробному анализу никогда не подвергались, т. к. они, с одной стороны, были алогичны, с другой – кандибоберны. Сам термин, если можно так выразиться, кандибо-берный – означает что-то такое, от чего некоторые люди приходят в легкое замешательство, другие испытывают слабое влечение, а иные впадают в уныние, иногда заканчивающееся легкой прострацией. В толковом словаре Даля данное понятие отсутствует. Да это и понятно. Монзиков родился, когда Даля уже и в помине не было. Кстати, Петрович – специалист по бачкам и унитазам – лю-

бит называть кандибоберными неправильной формы гайки и разбавленную водку.

Трамвайная история

*Be not surprised human nonsense. It has no borders.
Each people has heroes.*

*Что это значит по-русски – не знаю, но на
английском – звучит красиво!*

Однажды, Александр Васильевич, стоя на посту, понял, что даже у профессионалов его класса бывают серьезные упущения в работе. Оказывается, штрафовать ведь можно и водителей автобусов, троллейбусов, трамваев. Когда «горит» маршрут и водитель опаздывает на кольцо к диспетчеру, то он с радостью отдаст без квитанции свои кровные рубли. А как же иначе. Пассажиры нервничают, квартальная премия может накрыться. И все только из-за того, что пожалел несколько рубликов инспектору.

В таких ситуациях платят все, не вдаваясь в подробности и причины остановки.

Однажды, «работая по скорости» в паре с Кепкиным на прямом, как стрела, пустынном и широком проспекте, Монзиков получил по радиации сообщение о том, что водитель белых жигулей проехал мимо Кепкина со скоростью 95 км/ч. Перепутать жигуленка было просто невозможно, т. к. было субботнее утро и машин – кот наплакал. Монзиков решительно вышел к трамвайным путям и остановил двухвагонный трамвай, только что повернувший с соседней улицы.

Молоденькая девчушка с удивлением смотрела на инспектора ГАИ, который, раздраженно махая жезлом, что-то невнятно кричал. Минут через 7-8 девчушка поняла, что надо дать документы. Взяв в руки водительское удостоверение и путевой лист, Монзиков решительно направился через дорогу к стоявшей в соседнем скверике скамейке. Плюхнувшись на планшетку, он стал воровато оглядываться по сторонам, безуспешно ища планшетку, на которой сидел. Из трамвая с шумом выходили женщины и пенсионеры, которые нещадно материли мэра, президента, демократов и, естественно, молоденькую «водилу».

Накинув плащ, девчушка подбежала к инспектору.

– Товарищ капитан, что же Вы делаете, а? Ведь я так не то, что опоздаю, с маршрута сойду! Ведь пробка ж будет. Вы...

– Тыбы... Тихо! Ну-ка сядь! – Монзиков сурово глядел на стоявшую в полной растерянности девчушку, у которой начинали трястись руки и губы.

– Сейчас, вот, мы, это, составим протокол и, это! Понимаешь мою мысль? – Монзиков наконец-то нашел планшетку.

Вынув мятую бумажку, сложенную вчетверо, инспектор с кривой усмешкой взглянул на кусавшую губы девчушку, которая пыталась понять причину негодования инспектора.

Она бы и рада была ответить на вопросы гаишника, да не могла. Ей почему-то вспомнилась мать жены ее брата, которая 30 лет отработала в должности инженера в одном из оборонных НИИ. Пикантность истории была в том, что с обра-

зованием 10 классов инженер за 30 лет не сменил ни стула, ни кабинета, ни большой фаянсовой кружки, из которой раз по 10 в день она гоняла чай. Манера разговора была точь-в-точь как у инспектора ГАИ – набор слов, звуков и жестов.

Неожиданно на помощь пришел сам гаишник.

– Ты что же, это, летаешь, понимаешь ли, по городу? Стольник! А?

– Как стольник, за что? – глаза у девчушки расширились до бутылочных доньшек. Если бы не было ветра, то даже глухой мог бы услышать частое хлопанье ресниц. Удивлению не было предела.

– Это, как это? – вместо слов девица испускала невнятные звуки.

– Ладно, ваньку-то ломать. Лучше скажи, как тебе больше нравится штраф платить: на месте или по протоколу? Понимаешь мою мысль, а? – Монзиков силился найти год рождения в правах.

– А штраф-то за что? – с изумлением проямлила водитель трамвая.

– Так ведь стольник у тебя, понимаешь мою мысль? Догнала?

– Да нет у меня таких денег, да и не пойму я, почему вдруг сразу стольник?

– Ты, что же это, издеваешься, понимаешь ли, а? Ты знаешь, что я могу? Лучше, давай по-хорошему, иначе будет плохому! Вот послушай-ка, чего сейчас будет, – и Монзиков

стал запрашивать Кепкина по радиостанции.

– Семь сорок один! Семь сорок один, я семь сорок один-а. Прием. Как слышишь меня, прием? – Монзиков запрашивал Кепкина, сидевшего в патрульном жигуленке с прибором контроля скорости «Барьер-2» и передававшего в обе стороны движения нарушителей скоростного режима.

– На приеме семь сорок один. Семь сорок один-а, что хотел? – спросил Кепкин – победитель городского конкурса «Самый ленивый инспектор ГАИ».

– Семь сорок один, повтори нарушение.

– Девяносто пять.

– Принял. Ну что, теперь поняла, что дело – шварк? – Монзиков сочувственно посмотрел на водителя трамвая.

– Так ведь трамваи не летают!?! – девчушка уже с легким удивлением взглянула на гаишника.

– В том-то и дело! Я правильно говорю, а? – обрадовался Монзиков. – Я же тебе тоже самое говорю, понимаешь мою мысль, а?

– Не-ет... – уже перестав трястись, нерешительно ответила девушка.

– Что нет? Ты ехала? Ты или где?

– Я ехала...

– Ты слышала, как семь сорок один повторил твое нарушение?

– Мое? Какое нарушение?

– Семь сорок один! Семь сорок один, я семь сорок один-

а. Прием. Как слышишь меня, прием!? – Монзиков опять запрашивал по радиации Кепкина.

– На приеме семь сорок один. Семь сорок один-а, что хотел? – спросил Кепкин.

– Семь сорок один, повтори нарушение.

– Девяносто пять.

– Принял. Ну что, опять не въехала или как? – Монзиков внимательно разглядывал водителя трамвая.

Из оцепенения девушку вывели гудки стоявших в очереди трамваев и теперь уже вереницы легковушек, которые ждали закрытия дверей трамваев, а их было более десятка. Пассажиры то выходили, то входили, не понимая причины остановки. Времени было 11 часов дня. Горели, как обычно, фонари на столбах. Свет на улице был. А трамваи и троллейбусы стояли вереницей. Чудеса, да?!

– Что ж ты делаешь, а? Посмотри, какую пробку организовала. Это просто здорово, что мы с тобой беседуем на скамейке, а то народ бы тебя побил, ха-ха! – Монзиков теперь искал сигареты.

– Товарищ инспектор! А что трамваи теперь летают со скоростью 95 км/ч?

– Ну, ты же сама слышала, как семь сорок один назвал твою скорость? Или как? – Монзиков сильно затянулся сигаретным дымом.

– А кто такой семь сорок один?

– Семь сорок один – это семь сорок один! Ты, вот что, да-

вай кончай! Понимаешь мою мысль, а? Короче, будем платить или как?

– Хорошо. А где этот семь сорок один? – уже решительно спросила водитель злополучного трамвая.

– Что значит этот? – Монзиков даже попытался выпрямиться на скамейке и сделать что-нибудь значительное, что могло бы напугать нерадивую бабенку. – Это он мне – семь сорок один, а тебе, дура – товарищ инспектор. Поняла?

– Ну, это еще надо посмотреть кто из нас дура?!

– А чего тут смотреть? И так ясно, что ты и есть дура, причем круглая! Тут кроме тебя больше дур нет! Догнала? – и Монзиков снисходительно посмотрел на девчущку.

Рация у Монзикова все время пищала. Это пытались с ним связаться *семь сорок один, 366* и «Север» – центральная радиостанция. *366* – командир взвода, где работал Монзиков, сорвался со своей точки и поехал выполнять указания «Севера» – рассосредотачивать пробку, которая могла войти в книгу рекордов Гиннеса. Из-за того, что подъехать к несчастному трамваю с обеих сторон было невозможно – плотно стоял транспорт, *366* истошно запрашивал семь сорок один-а, который в полемике уже ничего не слышал.

Жильцы в недоумении вылезали на балконы, пытаясь увидеть хоть что-нибудь. Ведь уже несколько лет в городе не было брежневских демонстраций, а тут, в субботний день – ни то авария, ни то опять демократы или коммунисты... А может, это – война?

– Ну что, рыбонька, не надоело тебе пререкаться? Лучше заплати и поедешь себе спокойно. Понимаешь мою мысль, а?

– У тебя голова или что? Или в ГАИ все такие? – с сожалением, уже без злобы спросила водитель трамвая.

– Хм, а ты как думаешь, а?

– Думаю, что Новый Год досрочно наступил и передо мной сидит клоун. Или Олейников со Стояновым прикалываются для Городка. Других версий нет. Но то, что ты не мент – это уж точно. Надо же, а я-то дурочка, даже испугалась. Молодец! – и она решительно попыталась вернуть свои документы. Но как только она слегка наклонилась и протянула руку за правами, раздался истошный крик.

– Ну-ка фу! Не мацать!⁷ – и Монзиков вскочил со скамейки, пытаясь принять единственно правильное решение: то ли достать табельное оружие, то ли ударить жезлом по голове, то ли...

– А-а-а-а! – заверещала девица.

На крик быстро сбежалась толпа. И, как это часто бывает, появились свидетели, очевидцы, которые видели, как водитель трамвая, пьяная в дымину, сбила девочку и пыталась скрыться, но доблестный милиционер ее догнал и...

Другие, их было не много, но, тем не менее, они были, рассказывали, что девица эта – воровка из соседнего магазина, которая пыталась спастись бегством через сквер, но на свою беду «нарвалась» на блюстителя порядка.

⁷ На одесском жаргоне *не мацать* – не трогать.

Однако большинство зевак придерживались мнения, что наглый гаишник пристал к красивой девушке и издевается над ней, а она, бедняжка, не может от оборотня вырваться и ей просто нужна помощь. Гул и гвалт нарастали с каждой минутой, грозя перерасти в гигантскую драку, благо в 100 метрах от Монзикова стояло 12-этажное общежитие завода им. Власова, из которого выбегали в основном крепкие парни и протискивались сквозь толпу к незадачливой девице.

Монзиков уже не мог встать, т. к. у него на коленях сидела несчастная девчушка, которую он не то держал, не то обнимал, а толпа грозила смять, растоптать на своем пути эту «сладкую парочку» и слиться воедино. Однако, когда девушка, на которую напирала толпа, упала на колени к Монзикову, то она дико вскрикнула и попыталась врезаться по отвратительной роже похотливого капитана. Но степени свободы для активных действий у нее не было. Боль была адской от жезла и планшета, на которые плюхнулась бедняжка. Вне всякого сомнения, это было что угодно, только не мужское достоинство. Но что бы это ни было, а боль была такой сильной, что, в конце концов, она потеряла сознание. Монзиков, уже запустивший под ее плащ руку, нащупал несколько бумажек, из которых одна была червонцем.

– Ну вот, наконец-то! – раздался радостный крик. Монзиков тотчас ссадил девушку с жезла и передал ее толпе, которая, почему-то вдруг, начала приходить в себя. Правда, разогнуться она не могла, тело болело, голова кружилась. Но са-

мое страшное – на плаще появилось обильное кровавое пятно, увеличивавшееся в размере с каждой секундой. Да и у Монзикова на планшете, белом конце жезла и плаще тоже были следы крови.

Монзиков в левой руке держал документы, в правой – злополучную десятку. На правой руке, на резинке отчаянно болтался из стороны в сторону окровавленный жезл. Девушка истошно стонала. И вдруг какая-то женщина пискляво прокричала: «Люди добрые! Да вы только посмотрите! Да что же это такое!?! Среди бела дня, в форме, на глазах у всех этот мент поганый трахнул такую молоденькую, такую...!».

И толпа сомкнулась.

Через три минуты, подоспевшие на крик омоновцы волокли окровавленное тело растерзанного толпой, стонущего и тихо, но отчаянно матерившегося, Монзикова. О, чудо – пробка рассосалась, народ рассеялся. Через каких-то 10 – 15 минут окна и балконы близлежащих домов уже были пусты, в скверике опять никого не было, по проспекту одиноко пролетали легковушки. И только изуродованные кусты, сломанные три скамейки и человек 40 милиционеров – указывало на то, что что-то здесь все-таки было.

Никаких протоколов, никаких свидетелей на месте происшествия не было и в помине. Скорая помощь увезла Монзикова в третью городскую больницу. Водитель трамвая, высадив пассажиров, с невероятной болью поехала в парк.

Под капельницей Монзиков пролежал четыре дня. Усло-

вия содержания были не ахти. Но, минимальный уход, относительная чистота и тишина, подобие внимания и даже сочувствия уловить можно было без труда. Монзикова из приемного покоя принесли на носилках подвыпившие санитары. Поскольку никаких вещей при полностью загипсованном и перебинтованном бесчувственном капитане не было, то ни родственники, ни сослуживцы его долго не могли найти. Сначала санитары поставили носилки с загипсованным Монзиковым около кучи грязного белья, которое должно было отправиться в прачечную и ждало своей очереди вторую неделю. Проходившие мимо двое – инвалиды-алкоголики – случайно зацепили костылем простынь с грязной кучи белья. Совершенно случайно эта грязная тряпка накрыла Монзикова с головы до ног.

Тем временем санитары, найдя свободную койку в палате, вернулись за носилками. Обнаружив пропажу носилок и сымитировав поиски, полупьяные санитары, безбожно матерясь и чертыхаясь, отправились в столовую, которая была этажом выше.

– Ты только подумай, этого говнюка мы тащили, надрывались, а он взял, да и убег! Паскуда!

– Наверное, в женское отделение. На баб потянуло, чтоб его...!

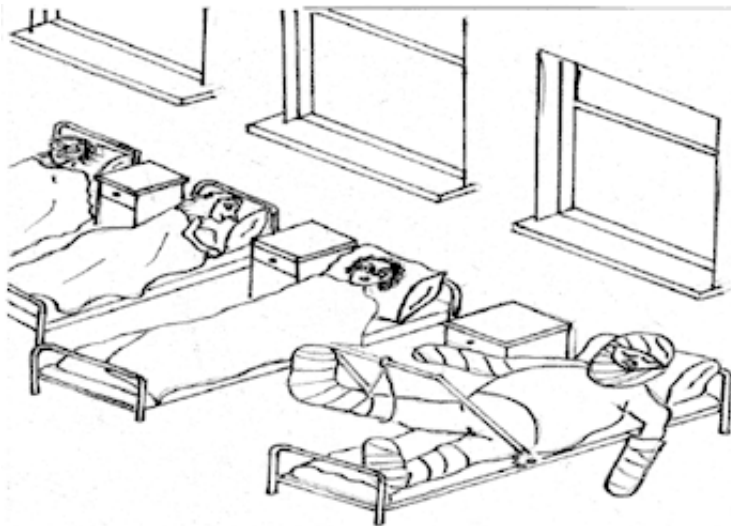
– Слушай, после обеда давай ему вломим, а? Чтоб не издевался над нами! Надо, обязательно надо! Ему же лучше будет. Потом, если выживет, спасибо скажет, что дурь из его

поганой башки вышибли!

Монзиков, на секунду придя в сознание, услышал только концовку разговора и моментально потерял сознание. Крикнуть он не мог – челюсть была сломана. Практиканты-второкурсники впервые в своей жизни наложили ему на челюсть гипс. Поскольку гипса было много, а опыта не было никакого, то уже с расстояния 1-1,5 м то, что раньше, еще утром называлось головой, походило на развороченную австралийскую канализационную трубу. Дело в том, что в Австралии в предместьях Аделаиды обнаружены большие залежи гипса. Аборигены, ведущие свободный образ жизни и добывающие корм на пропитание, в последние десятилетия стали сгоняться, как индейцы, в резервации. Умельцы из их числа стали из гипса лепить трубы, которые, в большинстве случаев, были странной, иногда даже чрезмерно изогнутой формы. Когда гипсовали и бинтовали Монзикова, то никто не мог понять, почему, как только капитан приходил в сознание, так сразу же он свои руки прятал в обнаженную мошонку и похотливо изгибался. Медики с многолетним опытом не смогли понять первопричины, хотя она лежала на поверхности. Дело в том, что в левой руке по-прежнему была зажата злополучная десятка, которая являлась уже по праву «компенсацией» Монзикова за полученный им моральный и материальный ущерб.

После больничного обеда санитары, вконец окосевшие, так и не нашли ни носилок, ни Монзикова, которого еще бы чуть-чуть и увезли в прачечную. Ему крупно повезло. Про-

ходившая мимо медсестра, обронила медицинскую карту с историей болезни 75-летней старухи – Диасомидзе Сулико Акакиевны. Шедшая следом практикантка, поднимая разбросанные по полу бумаги, увидела нечто сопевшее и хрюкавшее, стонущее и шипящее на носилках. Через 5 минут Диасомидзе Сулико Акакиевна – она же Монзиков Александр Васильевич – лежала в 14-местной женской палате для старух, которым было далеко за 70. Бедняги стояли одной ногой в могиле, другой в морге. Они вовсе не догадывались, что случайно задержались на этом свете, где уже были даже не гостями, а так, просто прохожими. К таким пациентам в России обычно применяется клизма, пурген и димедрол. Клизму ставят тем, на кого не действует пурген, но кто, еще хотя бы дышит. Димедрол дают в качестве снотворного активистам, т. е. стонущим, плачущим и требующим лечения старухам.

Лица у Монзикова не было, зато была история болезни и диагноз – перитональный аппендицит, то есть то, с чем не то чтобы долго, а и пару дней не живут.

Грузинские «параметры», гипс и непонятные звуки, исходящие из маленького отверстия в гипсовой трубе, постоянно плачущие глаза – вызывали жалость у медперсонала. Два дня Монзикова пичкали димедролом и клизмой при всем притом, что из еды ему давали капельницу с физиологическим раствором и... димедрол.

Монзиков был не промах. Почуввав опасность еще в приемном покое, Александр Васильевич начал грызть сломан-

ными челюстями гипс. От плача и слюноиспускания на четвертые сутки удалось случайно зашедшую медсестру басом послать на три буквы. Началась паника. К вечеру четвертых суток Монзиков лежал в трехместной палате для выздоравливающих мужчин. Одно только настораживало – никто не приходил навестить больного.

В ту несчастную субботу, когда произошла эта история с исчезновением больного с носилками, бабка – Диасомидзе Сулико Акакиевна – все-таки скончалась, не приходя в сознание. Т. к. документов на нее не было, то валявшаяся рядом с ней история болезни Монзикова была положена в ящик, где хранились дела умерших. Родственников старуха в городе не имела, в больнице оказалась случайно – ее сняли с поезда, следовавшего из солнечной Грузии в Мурманскую область. Вскрытия никто не делал. На ее кремацию и похороны ушло 2 дня.

Водитель трамвая, добравшись «на автопилоте» до трамвайного парка, рассказав о случившемся подругам, через 40 минут давала показания следователю о том, как её изнасиловал гаишник. Руководство ГАИ о гибели инспектора Монзикова проинформировало не только Главк, но и Министерство МВД, откуда пришла телеграмма следующего содержания:

*Начальнику ГУВД
генерал-майору милиции
Васильеву Г.П.*

*Подготовить наградные документы
трехдневный срок отправки спецсвязью присвоения
медали отвагу посмертно капитану милиции
Монзикову.*

Министр МВД

генерал армии С.В. Синица

Совпало, что когда из реанимации Монзикова перевели в обычную палату, а руководство батальона, где служил Александр Васильевич, получило свидетельство о его смерти, медаль ехала спецсвязью для вручения семье милиционера, героически погибшего на своем посту.

Однако из 27 отделения милиции старший оперуполномоченный Уходько с гр. Павловой Н.В. – заявительницей – явились на опознание Монзикова только в воскресенье, когда тело старухи было уже кремировано. Узнав о скоропостижной смерти, уголовное дело даже не было возбуждено.

На пятые сутки своего пребывания Монзиков дал знать своей семье о случившемся через соседа по палате, которого выписывали после трехмесячного пребывания в травматологическом отделении больницы. Домочадцы, получив столь радостное известие, отреагировали на новость своеобразно. Быстро оформив необходимые документы, жена Монзикова получила крупные по тем временам деньги, затем навестила мужа и лишь, когда его выписывали, сообщила на работу о том, что муж ее жив и находится на излечении в городской больнице. Она также обратилась с небольшой прось-

бой – прислать транспорт для доставки супруга домой.

Медаль ждала героя. Но получить ее Монзиков не мог, т. к. везде говорилось о награждении посмертно. Какой-то шутник из отдела кадров ГАИ то ли спьяну, то ли с горя взял да и приписал перед посмертно *не*. Да так удачно, что кто смотрел, так и не мог ничего заметить.

От многомесячного лежания и постоянного клизмирования фигура у Монзикова обабилась. Появились вертлявость и... одышка. Зубов, правда, прибавилось. Взамен 5 выбитым удалось вставить сразу 11, и теперь общее число с родными зубами равнялось 18.

Авторитет Монзикова был на такой высоте, что отцы-командиры даже начали побаиваться его. А не станет ли он вместо одного из них?

Предлагать уйти на пенсию было, мягко говоря, не серьезно, т. к. во-первых, Монзиков заканчивал Высшую школу милиции, во-вторых, у него немного не дотягивало до пенсии, и, в-третьих, на нем все заживало как на собаке и он реально мог работать на дороге. В ГАИ всегда была нехватка личного состава, особенно на низовые должности, хотя желающих было хоть отбавляй. Одних привлекала романтика, других жажда наживы, а третьим надо было просто «отмазаться» от армии. Других, сколь значимых побудительных мотивов для вновь поступавших на службу в ГАИ просто не было.

И руководство затаилось, заняло выжидательную пози-

цию.

А тем временем...

На медкомиссии

And among doctors there are full idiots

Эту историю следовало бы рассказать гораздо раньше, а может быть и вообще не рассказывать, поскольку её и так все знают. Как-то раз, в пивной, летом, приняв на грудь 7 или 8 кружечек пива, я рассказал историю, приключившуюся с Монзиковым Александром Васильевичем, который только-только устраивался на службу в ГАИ. Как и других кандидатов на службу его отправили на медкомиссию.

Председателем медкомиссии, а правильнее – окружной военно-врачебной комиссии (!) – был щупленький, маленького роста, молодой, но уже достаточно лысый капитан, который чем-то смахивал на постаревшего мальчиша-плохиша. Глядя на председателя, невольно возникала ассоциация с гестаповцами-неудачниками, которые никогда не бывали на фронте, никогда не работали в лагерях, которые всегда мечтали о сногшибательной карьере и успехе в амурных делах и которые ничего не могли сделать путного, кроме как где-нибудь, кому-нибудь капитально насрать. У таких людей, как правило, бывает слащавая, приторная улыбка, вкрадчивый голос, утонченные черты лица. Они любят показать свою значимость и оригинальность, делая изо всего фарс.

Александр Николаевич – так, а может быть и не совсем

так, точно не помню, звали председателя, собрал в своем маленьком кабинете всех кандидатов-гаишников и сказал, что после того, как все они пройдут специалистов – венерологов, окулистов, эндокринологов и пр. им предстоит тестирование, которое однозначно определит их умственные способности и позволит врачам, т. е. ему, разумеется, дать кадровикам рекомендации по целесообразности использования их в должностях, которые значатся в направлениях на ОВВК.

– А скоко стоит положительный ответ по тестированию? – Монзиков сначала сказал, а уж только потом подумал и добавил – это как всегда или тоже, того...?

– Чего того? Вы, голубчик, выбирайте, пожалуйста, выражения! И без намеков! Ясно? А то я Вас быстренько отсею, понятно? – капитан картинно насупился, внимательно, неспешно окинул пристальным взглядом стоявших уже только в одних трусах будущих гаишников, которые, почему-то все, как один, скрестили руки возле своих достоинств и то и дело переминались с ноги на ногу.

– Да я же только того! Понимаешь мою мысль, а? – Монзиков криво улыбнулся и зачем-то вдруг щелкнул себя по щеке, как это обычно делают алкаши, приглашая собутыльника на вино-водочную дискуссию.

Александр Николаевич не долго думая, подошел к Монзикову, быстро достал из нагрудного кармана своего белоснежного медицинского халата молоточек, которым пользуются невропатологи, и молниеносно нанес прицельно точный удар

по лбу Александра Васильевича.

– Ты чё? Оборзел, да? – Монзиков раскрыл рот от удивления и стал бешено моргать своими широко раскрытыми глазенками.

– Будешь знать, как пургу гнать! – громко и четко, отделяя каждое слово одно от другого, произнес председатель.

И когда Монзиков хотел, было почесать место удара, т. е. свой лобешник, то он получил быстрый, короткий и сильно расслабивший его удар по пикантному месту все тем же молоточком.

Уже в коридоре один из гаишников, который, видимо, в детстве много читал, т. к. у него были очки-окуляры и ярко выраженное косоглазие, заметил сходство председателя с Джери Финном – героем романов Марти Ларни.

Ожидание тестирования было длительным. В душном и пыльном закутке, куда согнали всех будущих гаишников, слабо мерцала 25-ватная лампочка, которую с довоенных времен никто ни разу не мыл и не протирал. По стенке, напротив Монзикова, ползал здоровенный, усатый таракан, который то и дело срывался вниз. Каждый раз его пытались поймать и раздавить, но толи он был слишком шустрым, толи не было реакции у потенциальных гаишников, толи просто не везло, но только каждый раз, как мужики кидались на таракана, кто-то из гаишников с грохотом падал, после чего раздавался трехэтажный мат перемат.

– Молодые люди, нельзя ли потише?! – Председатель вы-

совывал полголовы в районе дверной ручки и делал вкрадчивым голосом, томившимся в ожидании гаишникам, замечание.

– А чего они того? – лепетали ребята, всё ещё пытавшиеся хотя бы ногой раздавить вредного таракана.

– Да будет вам баловать! Лучше бы готовились к тестированию! – и председатель лукаво подмигивал Монзикову, который был более остальных суетлив и взволнован неудачной борьбой с тараканом.

Часам к 16 к председателю зашли две тетки. Одной было лет 45, другой – между 30 и 70. Возраст определить было невозможно, т. к. по фигуре она тянула на все 100, а по голосу – она должна была бы ещё быть школьницей. Обе нещадно курили. После 15-минутного междусобойчика медики, похихикивая, с беломоринами в зубах, вышли к гаишникам и попросили их проследовать за ними в психофизическую лабораторию, которая располагалась в соседнем здании. Уже на улице председатель вдруг заметил, что лучше бы было мужикам одеться.

– Возьмите-ка свои вещи и подходите к кабинету номер 1, – Председатель показал рукой на обитую ржавым железом дверь одноэтажного барака, имевшее разительное сходство с трансформаторной будкой.

– А это где? – спросил Монзиков у председателя, искренне полагая, что его любознательность будет воспринята хотя бы с должным вниманием.

– Не умничай, умник! Лучше беги за своими манатками! – дерзко ответила молодая медичка.

Через 10 минут к бараку стали подходить взволнованные предстоявшим тестированием гаишники. Они были в обуви, но по-прежнему в одних трусах. Вещи держали в руках.

Когда все были в сборе и, когда от холода тело покрылось мурашками, Монзиков решил ускорить процесс и постучал в дверь кабинета номер 1.

– Ну! – как-то слишком приветливо ответил Александр Николаевич. За большим столом восседал председатель, по бокам на маленьком от него расстоянии примостились медички. – Заходите, пожалуйста. Только прошу всех одеться. Ведь не май месяц?! Ха-ха!

– Так команды же не было? – удивленно пролепетал двухметровый громила.

Все 17 человек быстро оделись. Посадочных мест было много. Но все, почему-то, расселись за последние столы. Видимо, срабатывал так называемый «школьный» рефлекс, когда первые ряды не заполняются. Кстати, подобная картина достаточно типична на всех служебных совещаниях во всех без исключения правоохранительных органах, где не пряники раздают, и где могут спустить три шкуры с ни в чем не повинного козла отпущения. Был бы только сам козел, а повод – всегда найдется.

– Товарищи! Пожалуйста, переседайте поближе. – Председатель старался не волноваться, но видно было, что это ему

дается с трудом. – За один стол садиться по одному. Понятно?

– Понятно, понятно! – хором ответили наспех одетые, еще дрожавшие от холода гаишники.

Через пару минут первые два ряда были забиты. За каждым столом сидело 3-4 амбала. Середина и галерка были свободны.

– Так, я не понял, вы что, а? Вы должны все сесть по одному за стол! – Председатель стал помогать рассаживаться по одиночке гаишникам, которые явно нервничали.

После того, как все расселись по своим местам, медички достали пять коробок и стали ходить по рядам, раздавая каждому деревянный брусок с отверстиями различного профиля и деревянные стержни различного сечения. Отверстий и стержней было соответственно 6. Были профили: треугольник, квадрат, прямоугольник, круг, овал и пятигранник.

– Друзья! – Председатель сделал маленькую паузу, внимательно обведя взглядом весь зал. – Записывать ничего не надо!

– А это что за хренотень? – на этот раз Монзиков молчал. Зато его сосед проявлял повышенное беспокойство, т. к. тестирование проходил вторично – с первого он был удален за то, что не уложился в норматив по времени.

– У каждого из вас на столе лежат стержни и специальная обойма, куда за 5 минут вы должны будете по команде вставить стержни. Понятно? – Председатель внимательно

посмотрел на двухметрового амбала, который пытался найти обойму среди шести стержней.

– Вот, нашел! Вот она, колодка... – радостно заметил Монзиков, поднимая вверх деревянный брусок с семью отверстиями. – Только не могу понять, а почему здесь семь отверстий, а стержней только 6?

– Пожалуйста, не задавайте вопросов раньше времени. Лучше приготовьтесь к тестированию, которое мы начнем после третьего короткого свистка. – Председатель достал из того же кармана свой молоток, в рукоятке которого был сделан свисток.

После того, как прозвучали три коротких свистка, раздался длинный, противный и громкий четвертый свисток.

– Стоп, стоп, стоп! Так не годится! Я же сказал, что тестирование длится пять минут и начинается только после третьего короткого свистка! Вынимайте, пожалуйста, кто успел вставить, и будем заново начинать. – Председатель приготовился к подаче команды.

– А чего вынимать-то? Еще ничего и не вставили. Сами-то, небось, не можете, вот и даете воткнуть другим...

По залу прокатился легкий хохот. Одна из медичек прохаживалась по рядам, другая – наблюдала из-за стола, где лежал список всех 17 испытуемых.

Лишь с третьего захода пошло тестирование. Затем после длинного свистка председатель сделал объявление.

– Пожалуйста, напишите свои ФИО на листочке, который

у каждого лежит на столе и выйдите в коридор. – Председатель хотел было повернуться спиной к гаишникам и пройти к столу, но вдруг добавил, – Да, будете выходить, ничего с собой не берите! А то потом не шесть, а пять будет стержней.

– А у меня на столе два листочка. Мне на каждом писать своё ФИО? – Монзиков изобразил удивленное лицо.

– Нет, можно только на одном, – ответил председатель.

– А на каком из них писать? – Монзиков поднял оба листочка и достаточно артистично показал их Александру Николаевичу.

– На том, который слева! – председатель начинал явно нервничать.

– На этом? – Монзиков поднял выше правую руку.

– Ну, хорошо, на этом! – Александр Николаевич злобно посмотрел на Монзикова.

– Так это же правая рука? – Не унимался Монзиков.

– Да какая разница? – Председатель вдруг яростно зашипел.

– Разница, разница... Зачем же тогда писать и, это, тестироваться?

– Молчать!!! – Председателя всего трясло. В зале воцарилась гробовая тишина.

– Ну, ладно, раз нет никакой разницы, тогда я своё ФИО напишу на обоих листочках, ладно? – и Монзиков не спеша, вывел свою фамилию на обоих листочках.

Не прошло и 10 секунд, как один за другим стали возвра-

щаться на свои места будущие гаишники, чтобы, как и Монзиков, надписать оставшиеся чистые листочки. Те, у которых был только один листок на столе, стали, зачем-то, разрывать его на две части. Медики молча смотрели на всё это, не зная даже что сказать.

Наконец, председатель через полчаса пригласил всех зайти в зал. Гаишники долго не решались, переминались с ноги на ногу, пока первым не зашел Монзиков. Остальные ринулись за ним. В дверях образовался затор. И только окрик Александра Николаевича возымел должный результат. Через 5 секунд все расселись по своим местам.

– Товарищи! Прошу минуточку внимания. К сожалению, должен констатировать, что среди тестируемых нет ни одного, кто бы успешно справился с заданием. – Председатель после непродолжительной паузы и после того, как легкий ропот стих продолжил. Комиссия пришла к неутешительному выводу, что 10 из 17 человек – очень сильные ребята, но, увы, и очень глупые. А другие 7 – очень слабые, но настойчивые.

– Ну, и? – Только и смог выдавить из себя двухметровый амбал.

– Учитывая, что работать в ГАИ практически некому, да и это – стандартный результат для вашего брата, комиссия вынуждена признать всех ограниченно годными для работы в ГАИ.

– А вы обещали рассказать, почему стержней 6, а дырок – 7!? – Всё не унимался громила, который пытался во время

своей речи хотя бы привстать. При этом он ковырял указательным пальцем правой руки в носу, яростно жуя жвачку.

– А ограниченно, это как? – следом задал вопрос Монзи-ков.

– Товарищи, уже время позднее. День рабочий у нас давно закончился. Давайте не будем пререкаться и примем информацию к сведению. Да? – Председатель миролюбиво посмотрел на присутствовавших гаишников.

– Ладно, заметано! – Почти так или близко к этому хором стали отвечать гаишники, поднимаясь со своих мест с ужасным шумом и медленно, что-то невнятное бубня себе под нос, выходя из зала.

Правда, говорят, что данная методика тестирования и до сих пор успешно применяется в ГИБДД, в ФСНП и в ФСБ.

Классное задержание

You try, try, and it turns out as always.

Монзиков сидел в столовой, до конца обеденного перерыва оставалось чуть более получаса и надо было как-то скоротать время, тем более что шел сильный дождь. Глядя в окно, капитан заметил двух мужиков лет 35-40, возившихся с дверцей девятки. Сразу же возникла мысль об угоне. А за пойманного угонщика автомобиля полагалась премия. А премия – это что? Это деньги! Правильно? Нет, не правильно. На премию за угонщика можно лишь пару раз сходить попить пиво с приятелем или обедать всю неделю бутербродами из дома, или... В общем, много чего можно сделать с премией. Почти столько же, сколько с дыркой от бублика.

Премия – это несколько месяцев *спокойной* работы без негласных проверок. Премия – это езда на служебной машине командира взвода. Да, а Вы думали? Премия – это....

А мужики так и мокли под дождем, пытаясь открыть дверцу девятки, которая казалась абсолютно новой. Не долго думая, Монзиков по рации связался с «Севером» – центральной радиостанцией управления ГАИ – и запросил направить в адрес все патрульные машины батальона и РГАИ, на территории которой происходило вскрытие автомашины.

Дежурный по РУВД, куда тоже позвонил Монзиков, ку-

пился на звание *капитан милиции*. Обычно капитаны – это уже маленькие начальнички или управленцы. Хотя в последнее время и майоры стоят на дороге, особенно в Москве или в Питере, но капитан – это... И дежурный взял да и направил патрульную машину к темно-вишневой девятке. За полчаса Монзиков сделал порядка 12 звонков и раз 20 выходил в эфир. Его материли все, кто слышал напрямую и кто не слышал – тоже, т. к. в момент работы «Севера» забивался весь радиоэфир.

Когда Монзиков наконец вышел из столовой и стал подходить к мужикам, возившимся с дверцей автомашины, он вдруг заметил, что другие дверцы открыты и забраться в автомобиль не представляло никакого труда. Более того, в замке зажигания торчали ключи. Чтобы рассеять окончательно сомнения Монзиков решил окликнуть одного из «угонщиков».

– Эй, мужик, глухой что ли? – крикнул Монзиков, глядя почему-то в сторону красивой женщины, проходившей мимо него.

– Эй, а ну стоять! К тебе обращаюсь, понял!? – Монзиков решительно направился к мужикам у девятки.

В тот же момент, проходивший рядом парень резко, рванул вперед и сшиб красавицу – прохожую, которая, упав, начала громко кричать. Монзиков достал свисток и, что было сил, дунул в него. Только что подъехавшая и еще не успевшая остановиться патрульная машина РУВД начала пресле-

дование паренька, которому бежать было некуда. Дом был длинным, подъезды – с другой стороны. Погоня длилась не более минуты.

Паренька скрутили, затащили в машину и вместе с запыхавшимся Монзиковым доставили в РУВД. При досмотре карманов был найден пистолет системы ТТ, 12 граммов гашиша и 700 фальшивых долларов США. Через 2,5 часа «общения» с двумя операми и Монзиковым было установлено, что в 13⁰⁰ паренек совершил разбойное нападение на гр. Тюлькина В.П., проживавшего в доме напротив столовой, убив при этом породистую овчарку. И если бы не страх и не этот козел капитан, то он спокойно бы ушел, как сделал это уже четыре раза.

У Монзикова все же хватило ума не говорить никому о том, что два мужика под дождем пытались вынуть ветку из дверного замка только что купленного ими автомобиля. Ветку засовывал Игорек – пятилетний сынишка одного из родных братьев, которые были навеселе после трехчасовой обмывки нового автомобиля. Никуда они ехать и не собирались, а просто ковырялись в замочной скважине из-за пьяного упрямства. Когда начался дождь, Игорек ушел с мамой домой, а мужики остались в машине. Водка дома кончилась и надо было дожидаться окончания обеденного перерыва в магазине напротив.

Несмотря на поимку по горячим следам особо опасно рецидивиста, премия Монзикову не обломилась. Дело в

том, что покинув свой пост, Монзиков не смог обеспечить беспрепятственного проезда начальника ГУВД, за что чуть-чуть не получил строга. И выговор можно сказать уже был в кармане, но в последний момент зазвонил на столе у комбата телефон. Это был начальник отдела кадров РУВД, просивший отпустить Монзикова к нему на работу в уголовный розыск. Да, если бы звонок раздался чуть позже, то был бы выговор, т. е. действующее взыскание, а, значит, никакого перевода бы не было, а, значит, Монзиков продолжал бы работать в спецбатальоне ГАИ.

В Ижевск, на поезде...

Izhevsk – too city. There too there are people and there too do not love militiamen.

Этот рассказ мне запомнился особенно, т. к. я тоже по-пьяне часто либо в другой автобус сажусь, либо путаю дом, где прожил без малого 18 лет... И, что интересно, воспоминания моих пьяных казусов с годами становятся все острее и острее. Добавляются мелкие детали, на языке крутятся отдельные фразы, перед глазами то и дело возникают до боли знакомые лица.

Монзиков, вернувшись после очередной рабочей смены в свой родной батальон, был несколько озабочен известием от помощника дежурного Купцова, который не без ехидства сообщил, что его срочно хочет видеть комбат.

– Можно? – боязливо и как-то виновато спросил Монзиков, заглядывая в несуразно большой кабинет комбата.

– А, это ты, Александр Васильевич?! Давай, давай! Давно тебя ждем. Ну, как дела, а?

– Какие дела, товарищ майор? У меня никаких дел нет! Я ведь...

– Да ты погоди, погоди! Дела у всех есть. Правильно?

– Товарищ майор, да кто же это настучал Вам про меня? Если это та лахудра, которую я вчера....

– Да не волнуйся ты, не нервничай! – комбат миролюбиво похлопал Монзикова по плечу.

Монзикову было уже все равно. Холодный пот моментально прошиб его насквозь. Моргать и думать он уже не мог. Главное, как ему казалось, надо было дожидаться развязки. Сейчас войдут и....

– Монзиков! Да ты что, оглох что ли? – комбат с нескрываемым раздражением пытался зажечь спичку, которая была уже использована и потому никак не загоралась. – Значит так, поедешь завтра с утра в кадры и получишь командировочное удостоверение, деньги и билеты в Ижевск.

– Как, Ижевск? Почему, Ижевск? Ведь я уже... Это самое, значит, как его...

– Не расстраивайся. Все нормально. Ты переходишь на работу в уголовный розыск. Вопрос уже решенный. Нам велено тебя откомандировать в трехдневный срок.

– А при чем тогда Ижевск?

– Ты что, debil или где? – комбат уже с яростью смотрел на Монзикова, продолжая чиркать маленьким обгорелым огрызком спички по абсолютно лысому коробку.

– Где? – усиленно моргая и тяжело дыша, Монзиков тужился понять смысл услышанного.

– В п...е! В Ижевске находится центр повышения квалификации работников ГАИ. Пройдешь переподготовку, и будешь работать в угрозыске. Теперь понял?

– А зачем мне повышаться, если для угрозыска это на х...

не надо? – Монзиков пытался понять: издеваются над ним или он действительно что-то пропустил мимо своих ушей.

– Интересно, а кого же нам еще посылать в Ижевск на 6 месяцев, если не тебя? Нормальные, гм... Короче, поедешь, отдохнешь. Водочки попьешь!? Да?

– Водочку я и здесь пью! – легко парировал Монзиков.

– Ладно, не умничай! – сказал комбат и сделал последнюю безуспешную попытку зажечь нечто, что еще пять минут назад называлось горелой спичкой. Бросив в сердцах сломанную спичку в дальний угол кабинета, комбат отчетливо громко произнес – А теперь свободен, как сопля в полете! Равняйся! Смирно! Кру-гом! Шагом марш! Ать-два, ать-два!

Монзиков, выйдя из кабинета, решил, не откладывая в долгий ящик, сразу же заехать в кадры. Не сдавая жезла, свистка, радиостанции, нагрудного знака и всего остального, что всегда выдается в дежурной части для работы на линии, Монзиков быстрым шагом направился к дороге, где уже было безлюдно. На палке⁸, т. е. автостопом за каких-нибудь 20-25 минут Монзиков доехал до ГорГАИ. Каково же было его удивление, когда он увидел, что все двери закрыты, свет в окнах не горел, машин у здания не было. Настроение резко понизилось, особенно когда он узнал у дежурного по ГАИ –

⁸ Сейчас, как говорят «бывалые гаишники», на палке никто не ездит, а если кто и ездит, то лишь зеленая молодежь. У нормального гаишника всегда есть своя машина, либо – «капуста на тачку».

который был час. А времени было 22¹⁵.

На следующее утро, гладко выбрившись, сонно улыбаясь, Монзиков явился по привычке к 6⁴⁵ в ГорГАИ. Дождавшись открытия, вместе с толпой посетителей Александр Васильевич в 9⁰⁰ зашел в здание, а еще через 5 мин. сидел в кабинете инспектора отдела кадров Заяядова. Заяядов – 50-летний капитан с лисьей мордочкой – производил впечатление тяжелое, если не сказать удручающее. В свои 50 лет Заяядов также, как и 30 лет тому назад конкретно ничем не занимался. Дежурным вопросом для любого ранга начальника у Заяядова было: «Так куда сбегать-то?» Леша, так Заяядова звали все, ходил в мятых, обосанных брюках, в нечищенных сапогах и в расстегнутом кителе. Заяядовпил, как и все в ГАИ. Но если на других это хоть как-то отражалось, то по Леше нельзя было заметить: пил сегодня утром, или в обед, или утром и днем. Он и трезвый-то соображал туго. Мысль была пространна, а иногда и во все отсутствовала. В разговоре он захватывал всегда пальму первенства. Дело в том, что его нестандартное мышление, мягко говоря, и ответы неупад настолько выбивали собеседника из колеи, что шок проходил не ранее, чем через 10 минут. Мысль у Заяядова скакала с одной извилины на другую. Иногда, она в прыжке падала вниз, больно ударяя по седалищному нерву, и тогда на лице появлялась гримаса, подобная улыбке паралитика или алкаша, сидящего на унитазах в тщетной потуге что-либо вы-

давить из себя. Человек, который зачал Залядова, видимо, не мог представить всего того, что может вырасти и получиться из Алексея. Залядов последние 15 лет бессменной работы в кадрах курировал спорт и спецбатальон. Вошедшего Монзикова, Залядов узнал быстро. Оба были широко известны в милицейских кругах.

– А, Монзиков!?! Заходи! – Залядов в левой руке держал огрызок карандаша, которым отчаянно ковырял в левом ухе, а в правой руке была телефонная трубка. Указательным пальцем правой руки Залядов крутил телефонный диск, левым локтем придерживал аппарат, одновременно ковыряя в ухе, наступивал ногами какую-то мелодию, глядел в окно и... радостно при этом приветствовал Монзикова.

– Алексей Маргеланович! Я слышал, Вы меня вызывали? Так я – это, явился! – Монзиков направился к стулу, чтобы упасть на него и расслабиться. Все равно ничего хорошего для себя он не ждал от беседы с кадрами.

– На, возьми. Давай, только быстро, понял!?! – и Залядов протянул Монзикову маленький ключ.

– А это чего? – глаза Монзикова еще чуть-чуть и выскочили бы от удивления из орбит.

– Ты что, пьяный что ли? Бери и не выпендривайся, а я пока быстро! – Залядов бросил трубку на телефон, встал и с не вынутым огрызком карандаша в ухе направился к двери. Взявшись за ручку, он оглянулся и спросил, – Чего сидишь, а? Ну, давай-давай, быстро!

– Может, я – это? – в растерянности спросил Монзиков.

Залядов, задумавшись на секунду, решил отложить задуманное и, подойдя к Монзикову, отобрал у него ключ.

– Да, будь я на месте, так я бы! А тут, вот на тебе. И главное, что сразу! Сволочи, совсем не хотят работать!

– Не понял!?! – Монзиков хотел, было еще что-то сказать, но не успел. Залядова понесло.

– Чего не понял? Ты посмотри вокруг-то! Видишь, как оно? И, скажу тебе по секрету, многие сейчас!!! – Залядов поднял вверх указательный палец правой руки и заговорщически посмотрел на потолок.

– Да? – только и спросил Монзиков.

– Да, брат, да! Ну да ладно, уж. Ежели оно того, так оно и конечно! – Залядов открыл ключиком ящик стола, за которым восседал Монзиков и достал здоровенную папку.

Через 25 минут Монзиков вышел от Залядова в полном смятении чувств, с командировочным удостоверением, ж/д билетом на Ижевск через Москву (?), хотя было прямое сообщение электричкой, и запиской в кассу для получения денег в неприемные часы. Уже вечером Монзиков выехал поездом в Москву, где надо было сделать пересадку на Казанском вокзале и сесть на 134-ый поезд Москва-Ижевск.

Удачно перейдя с одного вокзала на другой, Монзиков купил ящик пива, палку копченой колбасы, буханку хлеба, пакетик семечек, три больших соленых огурца, луковицу чеснока и два литровых пакета молока.

Придя на перрон и увидев два стоявших рядом состава, Монзиков решил никого не спрашивать и сесть в свой 14-ый вагон, слева. Слева был чистый состав, а справа – только что вышедший из Всемирной Мусорной Свалки. Монзиков, не долго думая, сел в тот, что почище. Проводник даже не спросила у него билета, т. к. Монзиков был еще трезв, с большой импортной сумкой и, самое главное, в милицейской форме.

Зайдя в 4-ое купе и увидев чьи-то вещи на своей верхней полке, Монзиков, не долго думая, стал сбрасывать их на пол. Далее, радостно отметив, что полка его пуста, он разделся до трусов и носков, закинул наверх свои вещи и сумку, а затем с отчаянными стонами сам залез на свою полку. За 2 минуты до отправления поезда в 4-ое купе зашли девушка с бабушкой и, увидев голого рыжего мужика в вонючих носках и черных семейных трусах, жадно допивавшего лежа на «девушкиной» полке 4-ую бутылку пива, обомлели. Бабка с внучкой стали собирать валявшиеся на полу вещи, а когда их собрали, то решили спросить у Монзикова, зачем он это сделал.

Монзиков уже открыл 5-ую бутылку и с жадностью жевал здоровенный шмат колбасы с хлебом, запивая пивом и издавая при этом ужасное чавканье и чмоканье.

– Если Вы со мной, то поедете вниз. Понимаете мою мысль? А? – одновременно раздался внутриутробный звук, донельзя похожий на извержение вулкана или рокот водопроводного крана, из которого вода давно не течет, а воздух

все идет и идет.

– А Вы – наш попутчик? – спросила девушка и с растерянностью посмотрела на бабушку.

– Да, а ты как думала? Догнала? – и Монзиков залпом допил пятую бутылку прекрасного свежего пива.

Когда поезд тронулся, то всем стало ясно, что ночь будет бурной. Монзиков вдруг ясно представил, что пиво скоро кончится и, значит, надо будет где-то купить еще. Он также понял, что попутчицы его всю дорогу будут шушукаться между собой, и имитировать добропорядочных женщин, хотя наверняка у них полно еды, и они могли бы его не только угостить хоть чем-нибудь, но и покормить рыбой или мясом.

Женщины от пивных выхлопов и начавшихся испражнений Монзикова пали в такое уныние, что через каждые 5 минут поглядывали на часы, считая оставшиеся сутки, часы и минуты до прибытия поезда во Владивосток. Им было невдомек как мог один мужчина выпить за каких-то 3 часа пути ящик пива?! А что же будет тогда ночью? Интересно, неужели и он едет до Владивостока? Тогда это будет ужасно!

Когда пиво было выпито, колбаса съедена, Монзиков принялся за молоко. Теоретически, до захода в туалет нормального телосложения мужчина может за раз выпить 6 бутылок пива. Если же еще есть закуска, то, в принципе, можно 7-8. Монзиков выпил ящик! Это был не только рекорд для книги рекордов Гиннеса, но и самое что ни на есть чудо.

Если бы кто-нибудь спросил у Монзикова, зачем он столько пьет, то, может быть Александр Васильевич, попытавшись ответить на столь неожиданный вопрос, и не стал бы за раз выпивать ящик прекрасного свежего пива. Но никто его не спросил. Более того, никто и не мешал.

Через 5 часов в купе войти без противотога было невозможно. Женщины, сидя в полуночной тишине в коридоре поезда, вдали от своего купе, тихо и часто вздыхая, смотрели с глубокой тоской в кромешную даль через грязные вагонные стекла. Они уже запутались в сложных вычислениях и просто, ни о чём не думая, грызли ногти на своих маленьких интеллигентных ручках.

А тем временем, Монзиков сладко спал на абсолютно мокром матрасе, без подушки – она почти сразу упала вместе с одеялом и простыней вниз – в обнимку с двумя последними пустыми пивными бутылками. Алкоголь сразил грозу водителей и пешеходов наповал. Сил и возможности добежать или доползти до туалета у Монзикова не было уже через 8 бутылок. Все остальные бутылки Монзиков открывал, опустошал, скидывал вниз машинально. После того, как пиво кончилось, сознание на несколько минут вернулось и... были выпиты пакеты с молоком. А дальше наступил здоровый безмятежный сон. Монзиков и здесь поставил рекорд, проспав 31 час. Проснувшись среди бела дня от сильной боли в левом глазу – одна из бутылок горлышком давила то на нос, то на левый глаз, в зависимости от профиля дороги и скоро-

сти движения – Монзиков обнаружил пустое купе с разбро-
санными на полу его вещами, бутылками, простынями, оде-
ялом, подушкой. Первой мыслью было ограбление. Видимо,
пока он спал, зашли бандиты, изнасиловали женщин, всех
ограбили и незаметно скрылись. Однако нижние полки бы-
ли нетронутыми. Вещи попутчиц были на месте. Тогда что
же это?

– А чё это Вы там сидите, а? – спросил Монзиков у жен-
щин, дремавших в противоположном конце вагона, высу-
нувшись в одних полуспущенных семейных трусах в кори-
дор.

– А? Что? – с ужасом, отчаянием и... тоской негромко
вскрикнули несчастные женщины.

Проводник вагона тоже провела бурную ночь. Она празд-
новала в соседнем вагоне чей-то день рождения. Обычно, на
таких длинных маршрутах, когда состав идет более 6 суток,
ничего серьезного не происходит, тем более что пройдено
было менее $\frac{1}{4}$ пути. Когда женщины поднялись и робко на-
правились к своему купе, им навстречу показался Монзиков.
При виде Александра Васильевича, шедшего к дальнему от
купе туалету, старуха потеряла сознание и рухнула на пол.
Девушка громко вскрикнула.

Монзиков, в кирзовых сапогах, в трусах, с полотенцем на
шее, с планшеткой через плечо тащил полную пустых бу-
тылок сумку. При этом он отчаянно курил и мурлыкал ка-
кую-то мелодию. В планшетке были деньги, документы и...

туалетные принадлежности.

Пройдя мимо упавшей старухи, Монзиков спросил: «Что, тоже нажралась? Ну, ничего! Сейчас купим пивка, и головка перестанет бо-бо!» После этих слов девушка со стоном рухнула на пол рядом с бабушкой.

– Да, ну и нравы!?! Так нажраться, а? – и Монзиков, отчаянно качая головой, направился к туалету.

Из туалета он вышел только через час, собрав у дверей очередь из 10 человек. Дело в том, что тело его, почему-то сильно чесалось, и он принял, как ему тогда показалось, единственно правильное решение – помыться. Душа в туалете не было, а вот вода и мыло, как ни странно, были. Намыливание всего тела заняло не более 3 минут, а вот растирание, смывание заняли все остальное время. Два резервуара с водой – горячей и холодной – рассчитанные только на то, чтобы помыть руки, почистить зубы, но никак не рассчитанные на двукратное мытье тела, стирку носков и отмывание от рвоты сапог, быстро опорожнились. Сначала кончилась холодная, а затем и горячая вода. Когда воды в кране не стало, то Монзиков, насухо вытерев мыльные ноги рулоном туалетной бумаги, обмотавшись казенным полотенцем, которое было чуть более носового платка, держа в руках сапоги, мокрые трусы, сумку, с планшеткой через плечо, очумело улыбаясь, вышел из туалета и торжественно продефилировал к своему купе. Трижды падало полотенце. Очередь с ужасом провожала глазами Монзикова. Когда Монзиков

вошел в купе, то, увидев женщин, собиравших свои вещи, Александр Васильевич, от радости широко раскинув руки, обнажив свой срам, воскликнул: «Ну, девчата, продолжим, а!?» Женщины, почему-то, опять упали в обморок. Монзиков, решив, что это у них от перепития, не стал их приводить в чувства, а быстро оделся, взял сумку, деньги и пошел искать пиво. А пиво он любил!

На станции поезд простоял 10 минут. Однако Монзикову потребовалось всего 7 минут, чтобы сдать пустые бутылки – свои и те, которые он нашел в тамбуре у туалета, узнать об отсутствии хоть какого-нибудь пива и купить четыре бутылки водки, колбасы, хлеба и соленых огурцов. Молока покупать он не стал, т. к. в животе и так была революция. Граждане с удивлением смотрели на нечто в полумилицейской форме, бегавшее по платформе с большой импортной сумкой. Монзиков, уезжая на 6 месяцев учебы в Ижевск, решил, что кроме формы из одежды брать ничего не надо. Поэтому, одет он был во все милицейское, только без погон. Погоны отскочили еще тогда, когда он раздевался в купе.

Монзиков, вбежав в свой вагон, столкнулся с проводницей. Ей было стыдно за то, что вагон следовал без нее более суток. Поэтому, увидев очумелого милиционера, она с дежурной улыбкой виновато спросила: – Чайку? Кофе?

– Хорошо бы! – только и ответил Монзиков.

– Сейчас или...

– Что? – перебил Монзиков.

– Сразу подавать или попозжее? – продолжала спрашивать проводница.

– Сразу, но с запасом. Понимаешь мою мысль, а? – и Монзиков пошел в свое купе.

Зайдя в купе, Монзиков с такой силой закрыл дверь, что бедные женщины очнулись, тем более, поезд в ту же секунду резко тронулся. Сверху на полулежащих женщин приветливо поглядывал Монзиков. Улыбаясь, он спросил:

– Ну, что? Трахнем по стаканчику?

– А-а-а! – раздался протяжный стон, и девушка упала в обморок. Бабуля смотрела то на внучку, то на Монзикова. Это длилось не долго, т. к. в дверь постучали, и Монзиков сказал, что это к нему. После этой фразы женщина лишилась чувств.

Проводница принесла четыре стакана горячего чая, но как только дверь открылась, то стаканы полетели на пол. От зловония, исходившего из купе, улыбка сменилась сначала испугом. Когда же проводница увидела два бесчувственных тела, то разум ее помутился. Глаза застлала густая пелена. Падая в обморок, она едва успела выставить вперед руки.

Теперь у Монзикова в купе было три женщины, и все они были без сознания. Однако Монзиков не растерялся. Проходившего мимо мальчика лет 13-14 Монзиков остановил и попросил помочь отнести проводницу в ее купе. Когда тело было перенесено, то к ним присоединился отец мальчика с соседом по купе. Эти двое быстро перенесли бабушку и

внучку в тоже купе, где находилась проводница. Монзиков аккуратно, как только мог, сгреб в кучу под дверь соседнего купе сапогом осколки, подстаканники и начал перетаскивать грязное белье, матрац из своего купе в купе для проводников. Затем оттуда он взял чистый комплект белья. Примерно через 25 минут в купе к уже распившему одну бутылку водки Монзикову ворвались три женщины. Однако, увидев мужика в трусах и майке, лускавшего у окна семечки и курившего Беломор, они остановились как вкопанные.

– А, девчата? Заходите! – Монзиков в этот момент засунул левую руку в трусы и яростно чесал в паху. Толи мыло плохо вытер, толи недомыл?!

– Что? – спросила бабуля.

– Давай, давай! Не робей! – Монзиков сбросил шелуху от семечек со стола на пол и полез в сумку за колбасой и хлебом. Когда он начал наклоняться, его неожиданно вырвало. Рвота плеснула всем троим на ноги. Монзиков потерял сознание.

Очнулся Монзиков ближе к вечеру в гордом одиночестве. Кроме его вещей в купе ничего не было. Было впечатление, что купе готовилось к демонтажу. Убрано было все, даже занавески. Ярko горел верхний свет. Дверь была полуоткрыта. Поезд стоял на перегоне.

Монзиков, не долго думая, одел сапоги, фуражку и отправился в туалет по большой и малой нужде.

Войдя и закрывшись, он начал снимать трусы. В тот мо-

мент, когда Монзиков находился на унитазе, поезд резко тронулся, Александр Васильевич не удержался. Падая, он ударился виском о раковину и... потерял сознание. Пассажиры в течение 11 (!) часов пользовались только одним туалетом.

В то время, когда Монзиков находился в бессознательном состоянии, к нему в купе несколько раз заходила проводница, а затем и бригадир поезда. Началась паника. Ве-

щи на месте, человека нет. На уши подняли всех. По радио несколько раз передавали объявление следующего содержания: *«Уважаемые пассажиры! Пропал пассажир 14-ого вагона лет 35-40, одетый в черные семейные трусы, носки. Особые приметы: татуировки на руках, груди, спине и бедрах, несколько золотых зубов, волосы темно-рыжие, лысый, рыжие усы, пьяный. Всех, кто видел или знает о месте его нахождения, просим обратиться к бригадиру или любому проводнику поезда!»*

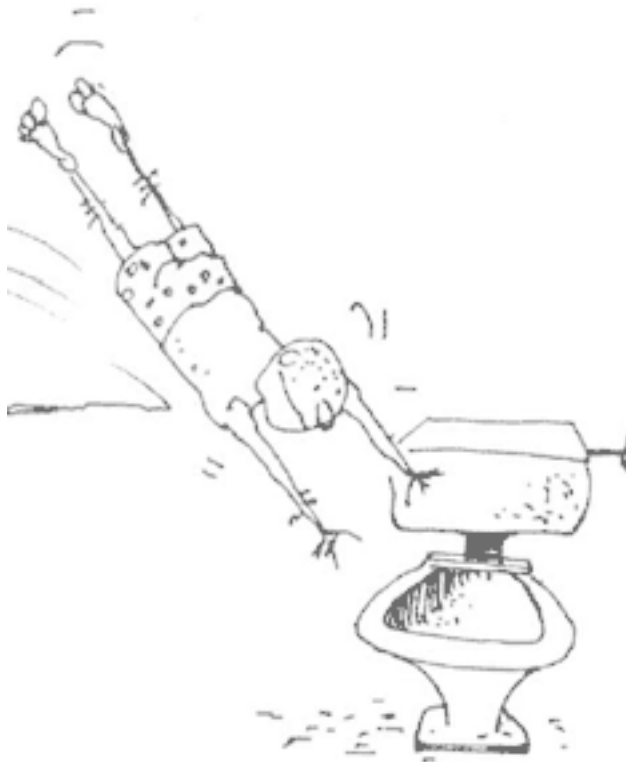
После того, как пассажиры впервые услышали объявление, началась паника. Когда же вторично было объявлено тоже обращение, то все коридоры, туалеты и ресторан опустели. Двери купе были закрыты на блокираторы. Пассажиры, заходившие в поезд на новых станциях, с трудом попадали в свои купе. Когда же они узнавали о пропавшем голом, пьяном заключенном, то их охватывал животный страх. До полного страха нужна была какая-нибудь случайность. И она произошла. Несколько секунд по всему составу проносился сильный грохот, а затем пропал свет.

Дело в том, что было нелепое совпадение. Когда поезд вошел в тоннель, машинист случайно выключил общий свет. Свет погас, но этого никто из машинистов не заметил, т. к. в тоннеле было, естественно, темно. Когда 3-километровый тоннель кончился, свет опять появился. Но...

Пассажиры, оставшись в 19⁰⁰ без света, почувствовав неладное, стали действовать. Кое-кто решил, что поезд за-

хвачен пропавшим ранее уголовником. Люди стали доставать колющие и режущие предметы. Как случилось, что никто не поранил друг друга – сказать трудно.

В тот момент, когда не стало света, люди отчаянно начали стучать и кричать. Монзиков очнулся в полной темноте, валяясь на полу. Он вдруг представил себе, что от натуги у него выскочили глаза из орбит, и он стал слепым. Ужас, страх, боль и отчаяние, жалость к себе и своей семье в одно мгновение пронзили Монзикова. Подняться с пола не было никаких сил. Затем, когда он, преодолевая боль и страдания встал на ноги, он интуитивно почувствовал, что только что стал инвалидом. Александр Васильевич лишился зрения, но слух и обоняние, осязание и разум еще были при нем. Он отчетливо слышал стуки и крики. В полном отчаянии Монзиков выскочил в коридор и стал пробираться в крошечной мгле к своему купе. Пройдя по коридору несколько метров, Монзиков зашел в открытое купе, залез на свою полку и... В тот момент, когда он лег на спину, дали свет. Люди весело закричали, стали поздравлять друг друга. А Монзиков – потерял сознание. Яркий свет, незнакомые вещи и чужие запахи сыграли злую шутку над ослабленным алкоголем Монзиковым. Однако через полчаса Монзиков очнулся от сильного женского крика. Кричала и билась в истерике пассажирка 7-ого купе, счастливый обладатель верхней полки, где безмятежно лежал в кирзовых сапогах дурно пахнущий, небритый Монзиков.

Монзиков, как ни странно, быстро сориентировался: слез с полки и молниеносно перебрался из 7-ого в свое 4-ое купе, где его поджидали два сержанта транспортной милиции. Визит Монзикова на них не произвел какого-либо сильного эффекта, т. к. они, сидя шестой час в купе, решили «приго-

ворить» одну из трех монзиковских бутылок водки. Более того, когда они увидели Монзикова, то даже слегка обрадовались. Через 15 минут Монзиков, Костя и Витек распивали последнюю из монзиковских бутылок. Из закуски оставались только соль и семечки.

Во всем этом многое осталось неразгаданным. Даже сам Монзиков впоследствии так и не смог найти случившемуся какого-либо объяснения. А вопросы были один труднее другого.

Как Монзиков после всего случившегося сумел доехать до конечной станции – г. Владивосток?

Почему у Монзикова не только не пропали деньги и документы, но и добавилось еще 850 руб.?

Почему за все время пути Монзиков ни разу не поинтересовался ни маршрутом, ни станциями, ни временем прибытия и т. д.?

Откуда у Монзикова появилась раскладушка и детская коляска?

Когда поезд прибыл во Владивосток, то Витек и Костя помогли Монзикову выйти на платформу. Более того, Костя показал Александру Васильевичу ручные камеры хранения, куда были сданы его вещи.

А далее были сильные рукопожатия, объятия и мужские прощания.

Простившись, небритый, с недельной щетиной, в мятой и зловонной милицейской форме, без погон Монзиков напра-

вился искать ул. Урицкого, где находился центр повышения квалификации работников ГАИ.

Что удивительно, никто из милиционеров не знал, что на ул. Урицкого, которой во Владивостоке никогда не было (!), есть центр повышения квалификации работников ГАИ. Долго бы мучался Александр Васильевич, если бы не военный патруль, остановивший его для проверки документов.

– Майор Мунько. Документы, пожалуйста! – вежливо, но очень настойчиво потребовал майор в окружении двух матросов. Матросы были маленького роста, около 160 см., а майор был похож на лилипута.

Монзиков сначала подумал, что дети играют поздно вечером на улице, и даже удивился, что у них почти настоящая форма. Но когда он увидел глаза всех троих, то понял, что в Армию, на Флот также как и в милицию чаще всего попадают мужики маленького роста. Маленькие мужички – всегда вредные и поганенькие. А если еще и в погонах, то, как говорят, туши свет. А если еще учесть, что хохлов в погонах не менее 30 %, то становится очевидным, почему в последние годы население изменило отношение к людям в погонах на диаметрально противоположное.

Раз уж Монзиков подумал о военных, то может быть имеется аналогия с политиками? А бывают миллионеры, президенты, или просто большие начальники настоящими мужиками, т. е. ростом за метр восемьдесят? А ученые? Интересно, почему только мелкие добиваются высот в ЖИЗНИ? Или

высокие могут быть только спортсменами?

– Майор Мунько. Документы, пожалуйста!

– Капитан милиции Монзиков, Александр Васильевич!

– Почему в таком виде? – спросил несколько резковато майор.

– Так ведь с поезда я. На учебу. А ваши – даже не знают города, – сказал Монзиков и при этом смачно высморкался прямо на асфальт.

Патруль проверял документы, ища хоть малейшую зацепку для придирки. Минут десять, если не больше. Не найдя ничего подозрительного, майор предложил лишь пройти с ними в ближайший пикет милиции, где есть телефон и где можно испить горячего чайку.

На самом деле у Мунько была проблема, и ему нужен был совет специалиста. Вот уже три года, как майор не мог сдать на водительские права. Когда он садился за руль, то ему без подушки или еще чего-нибудь под задницей не было видно дороги. Гаишники, издеваясь, советовали сдавать вождение стоя, а всякие подкладки убирали. В итоге, не было еще гаишника, который бы вошел в положение и принял бы у майора экзамен. Все бы было ничего, но в довершение всем бедам, природа обошла майора и в голосе. С таким голосом, как у него, надо было работать в платном женском туалете и посетителям кричать: «Занято! Свободно!»

И вот только в пикете милиции Монзиков вдруг узнал, что вместо Ижевска он заехал во Владивосток. Силы поки-

нули его. Мужество, воля, мужское достоинство – улетучились вмиг. Монзиков сидел на грязной деревянной скамейке и тихо плакал. Ему вдруг стало обидно, что он не взял с собой записной книжки, где были адреса его сослуживцев по флоту и с кем он мог бы не только встретиться, но и распить ни одну бутылочку.

Уже в Ижевске, на занятиях

– Монзиков!

– Я!

– Как Вы полагаете, какие есть дополнительные стимулы у инспектора ГАИ для увеличения и роста показателей, направленных на повышение уровня безопасности и снижение аварийности в условиях рыночной экономики в новой геополитической обстановке? – спросил преподаватель тактико-специальной подготовки центра повышения квалификации работников ГАИ старший лейтенант милиции Шуваев Николай Залманович.

– Да, уж! Это точно. Хотя, если вдруг, то... Понимаете мою мысль, а? – Монзиков внимательно всматривался в ка-

менное лицо молодого маленького препода.

– Поясните, пожалуйста, что Вы имеете в виду? – и Шуваев понял, что перед ним стоит так называемый «мыслитель».

– В каком смысле? – и Монзиков посмотрел на взвод, который с напряжением наблюдал за дискуссией.

– Вы сказали, если я Вас правильно понял, что диссипация?..

– Не, не сипация, а это, то есть когда бывает, что в эфире пройдет команда об этом, ну, как его? А! И вот тогда все, и даже военные, подключаются, чтобы взять и – это... – Монзиков начинал раздражаться тупоумию Николая Залмановича, который не мог понять элементарной вещи и который чуть ли не 30 минут подряд мучил не только его – Монзикова, но и весь учебный взвод своими дурацкими вопросами.

Неожиданно для Шуваева раздался звонок, известивший о конце занятия. После команды дежурного все разошлись. Уже в столовой Александр Васильевич вдруг вспомнил, что надо бы позвонить домой. С момента отъезда в Ижевск он ни разу не звонил. То пьянка, то вечеринка, то наряд по главному корпусу, то еще что-нибудь. Словом, все время были какие-то причины, чтобы не позвонить родным. А ведь надо было столько узнать: как идет учеба у Аньки? Как дела у супруги? Как дела на работе? Не звонили ли с работы по поводу его опоздания в Ижевск более чем на три недели?

– Ну, что размечтался? Будешь на баб пялиться или плакать? – нахально выкрикнула толстая, рыжая кассирша Мон-

зикову, который ссутулился у её кассы с полным подносом и как-то по-особенному глядел на обедавших слушателей.

– Ладно, давай считай, моя большеглазая! – улыбаясь, буркнул Монзиков.

– Ты хлеба сколько взял? Один или два?

– А тебе-то какое дело? – вдруг ни с того ни с сего завелся Монзиков. – Сколько взял, столько и взял! Сам знаю, сколько надо. Поняла?

– Ах ты, хам рыжий! Да я тебя сейчас... – и кассирша стала пытаться встать из-за кассы, но, будучи непомерно толстой, она застряла. Причем, если бы она была бы стройной или хотя бы весила килограмм на 80-90 меньше, то было бы видно, как она согнулась градусов на 35-40. В дополнение ко всему в живот с силой вдавился ящик от кассового аппарата. Кассирша чем больше дергалась, тем больше застревала на своем месте.

Монзиков не долго думая, схватил один из кусков хлеба и засунул его с силой в рот кассирше.

– На, подавись! Жаба нерусская! – эта фраза стала переломной.

В столице Удмуртии местные жители, как правило, все рыжие, щербатые, с большими веснушками, кривоногие, не высокого роста. Толстых, а особенно жирных – днем с огнем не найти. Но в торговле, особенно в системе блокпищеторга – каждая вторая – пышка или булочка. Удар же по национальности был столь неожидан, что местная гордость – тол-

стая кассирша – даже опешила. Чаще бывало наоборот, когда из-за скудости интеллекта она обзывала очередного неудмурта. Но чтобы ее обозвали, да еще вот так!!!

Засунув хлеб, Монзиков вдруг расслабился и уже спокойно пошел с подносом в зал. Увидев свободное место за длинным столом, Монзиков быстро разгрузил поднос и сел между двумя капитанами, которые налегали на суп и громко чавкали.

Примерно через пять минут Александр Васильевич увидел следующее: толстая кассирша, которая с огромным трудом вылезла со своего рабочего места, в разорванном грязно-белом халате с большими счетами в правой руке подбежала к сидевшему в 10 метрах от Монзикова капитану и крича на всю столовую смачно врезала счетами по лицу. Затем схватила стоявший рядом стакан и плеснула по-жириновски в лицо своему мнимому обидчику.

– Мужики! Эта сучка совсем охренела! Меня обхамила, капитана избивает! – Монзиков поглядывал то на одного, то на другого своего соседа.

– Наверное, у нее месячные? – высказал предположение сосед Монзикова слева.

– А может, чего-нибудь съела, а? – сказал сосед справа.

– Я думаю, у них это – национальное! – Монзиков с улыбкой посмотрел сначала на одного, потом на другого.

– Что значит национальное? – бросив ложку в тарелку с супом, спросил с легким акцентом сосед слева.

– А? – подключился сосед справа.

– Мужики! А вы разве удмурты? – быстро спохватился

Монзиков.

– А ты то кем будешь, а? – не унимался сосед слева.

– А! Наших бьют! – закричал Монзиков, и что было сил, рванул из-за стола.

Началась обычная драка. Били всех, кто был в радиусе 50 метров от кассирши. Объективности ради надо заметить, что еще несколько лет тому назад такого даже и представить себе было нельзя. Но сейчас, когда плоды демократии давали о себе знать на каждом углу, потасовки становились довольно обычным явлением.

Придя в казарму, Монзиков достал бутылку Рояля, стакан и стал внимательно изучать учебное расписание на следующую неделю. День выдался трудный. Надо было снять напряжение. В комнате с Монзиковым жили капитан из г. Владимира и старший лейтенант из Краснодарского края. Краснодарец Курченко был лет на десять моложе Монзикова, но в спиртном вопросе имел большую квалификацию. Марценюк из Владимира все время повторял, что он не пьет, но запросто, на халяву, мог выкушать литр водки без какой-либо закуски.

Раздавлив литр спирта с соседями-жильцами, Монзиков ударился в воспоминания.

Дело было в феврале. Погода стояла отвратительная. Монзиков работал тогда зам. начальника отряда и одних

только заключенных у него было более 250 человек.

– Представляешь, значит, сижу я, это, и вдруг – бац! Влетает в окно камень, завернутый в тряпку. Я разворачиваю, а там – малява. – Монзиков посмотрел на Марценюка, отпил немного спирта, закурил.

– Так уж и записка? – Марценюк тоже хлебнул спирта, но поперхнулся и начал истошно кашлять. Собутыльники решили ему помочь и прошлись что было сил по спине кулаками. Кашель моментально перешел в стонущий вопль.

– Ладно, слушай. Значит, стал я читать записку, а в тот момент раздается стук в дверь. Заходит дневальный и докладывает, что некто Гога, из под Жмеринки, хочет меня видеть. Я быстро встаю и иду к нему в барак.

– А чего в записке-то было? – перебил Монзикова Курченко.

– Не спеши! Спешка нужна только при поносе и при ловле блох. Иногда при пожаре. Понимаешь мою мысль? Догнал? – Монзиков сильно затянулся дымом и продолжил.

– Прихожу я к Гоге, значит, а он мне и говорит.

– Ну что, начальник, согласен?

– Не понял? Ты о чем?

– Ты что ж это, читать разучился, а? Тебе ж только что маляву передали.

А я же ее так и не успел прочесть. Думаю, ладно, поговорим с тобой не у тебя, а у меня. Я и говорю тогда:

– Зайди ко мне после ужина, поговорим.

– Зайду! – Гога пристально взглянул на меня.

Когда я вернулся к себе, то ни камня, ни тряпки, ни записки в кабинете не было. В окне стояло нормальное стекло. Я подошел к окну. Замазка была свежей, но никаких следов битого стекла или еще чего-нибудь не было.

После ужина пришел Гога.

– Ну что, Гога, поговорим?

– А чего с тобой говорить? Ты скажи только да или нет.

– Кто тут начальник, ты или я? А?

– Сам подумай, – Гога нахально смотрел на меня.

– Петренко! Уведите заключенного! – скомандовал я дневальному.

Оставшись наедине, я начал вспоминать последние события недели. Сначала, в понедельник, пропали двое заключенных. Во вторник, когда приехала комиссия, у двух из трех проверяющих членов пропало табельное оружие. И это все при мощнейшей охране, во время моего пребывания. В четверг, когда подошло время к отбою, неожиданно, на 10 минут, погасло лагерное освещение. Когда дали свет, я велел произвести переключку. Недосчитались еще четверых. Кресло подо мной могло вылететь в любую секунду.

– Васильич! Тост вспомнил. Давай выпьем за то, чтобы где бы мы ни были, где бы мы, ну... одним словом, за дружбу! – и капитан залпом выпил половину стакана.

– Ты, Мишунь, молодец! Дай я тебя поцелую! – Монзиков по-брежневски засосал Курченко.

– Короче, мужики, только я начал прикидывать, как слышу, вдруг – легкий шум за окном. Я выскочил на улицу, а там сидит окровавленный зек и держит в руке листок с одним только словом – ПОДУМАЙ! – Монзиков перешел на шепот. Потом, правда, оказалось, что Гога хотел меня вовлечь в торговлю наркотиками, которых на зоне более, чем достаточно. Мне помог случай. Да, именно случай. Приехала очередная московская комиссия и мы устроили всеобщий шмон. Искали все и всех. Гога тогда прикинулся больным, и его положили в лазарет. В лазарете он стащил каким-то образом димедрол и вскоре как-то ночью его нашли мертвым. Он валялся весь скрюченный, с ужасной гримасой у двери. Мужики! Мне просто повезло. Ведь я даже не знаю, что могло бы со мной стать, если бы он выздоровел...

Пауза длилась несколько минут. Затем как-то все перешло на шуточный тон. Стали раздаваться шуточки, смех и... тосты, тосты, тосты.

Офицерское братство тем и сильно, что любой вопрос решается под стаканом за 5 минут. Если же собутыльники в чем-либо клянутся, то пока они пьяные, им можно верить. Стоит лишь протрезветь, и они все сразу забывают.

На палке

Ridiculous histories never should be malicious. To laugh it is necessary above an incident, instead of above human defects.

Кто хочет, тот всегда прочтет!

Однажды, в обеденный перерыв, когда оставалась лишь последняя пара занятий – физкультура – к Монзикову подошли Звягинцев, лейтенант из подмосковного Клина и Румянцев, тоже лейтенант, только из Новгорода, и стали рассказывать случаи, которые – по их мнению – происходили и происходят в жизни каждого инспектора ГАИ.

Монзиков с потрясающей легкостью дожевывая пятую котлету, запивая вторым пакетом молока, с грустью вспоминал дом, семью, работу. Да, именно работу, т. к. денег оставалось совсем немного, а впереди еще было более 4-ех месяцев учебы. Конечно, практические занятия на дороге, где отрабатывались и закреплялись навыки регулирования железом, положительно влияли, прежде всего, на толщину кошельков. За каких-нибудь 30-40 минут надо было «отшкурить» минимум 10-15 водителей, получить с них деньги и отпустить. Нюанс и сложность ситуации заключались в отсутствии квитанций, отсутствии хоть какой-нибудь истинной причины даже для остановки, постоянстве водительского контингента.

Улица Урицкого находится на окраине города, в стороне от магистралей и артерий. Машин в час-пик проходит «в час по чайной ложке». Идут, как правило, грузовики, которые изо дня в день проходят свои маршруты точно и аккуратно. Некоторые гаишники приезжают на учебу со своими, местными квитанциями, некоторые берут «на реализацию» у своих коллег, у которых есть излишек. Но в любом случае либо водитель получит «странную» квитанцию, либо не получит ничего. Жаловаться водители перестали давно, т. к. руководство центра, понимая жизненную необходимость и истинную сущность гаишников, просто все спускало на тормозах. Конечно, пойманного за руку инспектора журили, пугали, но на выпуске из центра ему вручали прекрасную характеристику и учебную ведомость, где средний бал был 5,0.

Монзиков, набив до отвала свое пузо, раскурив папироску, ласково поглядывал то на Звягинцева, то на Румянцева.

– Вот, говоришь, на палке можешь проехать 30 км? Это все – х...я! Я, например, всю страну изъездил на палке. Да! – и Монзиков, слегка прикрыв глаза, затянувшись дымком, положил обе руки на абсолютно круглое пузико, торчавшее изпод нестиранной и мятой рубашки.

– Не трепись! Хватит тюльку-то гнать! – и маленький, толстенький как колобок, абсолютно лысый, с редкими, пшеничными усишками Звягинцев насмешливо окинул ироничным взглядом всех присутствовавших гаишников.

– Ты, мерин беременный! Ты феню-то фильтруй! – Мон-

зиков уже серьезно, начиная заводиться, готов был вступить в словесную перепалку, но тут, вдруг, в разговор ввязался Румянцев.

– Васильич! Расскажи мужикам, как ты из Владика на палке приехал! – Румянцев даже подсел к Монзикову поближе.

– А чего рассказывать-то? Взял палку, да и приехал. – Монзиков вилкой ковырнул в столе дырку и стал доставать следующую папироску, одновременно собираясь с мыслями и решая, с чего начать свой рассказ.

– Короче, когда я вечером понял, что вместо Ижевска я – во Владике, то настроение мое было очень хреновое. И что обидно, корешей у меня во Владике навалом. А записная книжка осталась дома.

– Так ты бы по ЦАБу⁹ узнал адреса и телефоны дружкабанов, – и Звягинцев весело посмотрел на стоящих вокруг Монзикова гаишников.

– Да ты что, дурак, что ли, или где? Я же говорю тебе русским языком, что книжку я забыл! А там все адреса и телефоны моих корешей. Я что, по-твоему, должен еще и фамилии ихние помнить? Понимаешь мою мысль, а? – Монзиков смотрел на Румянцева с нескрываемым удивлением. – Ведь если б я помнил хоть одну фамилию или имя? Все ведь в книжке моей записной. Догнал, а?

– А-а-а! – только и услышали от отличника и гордости взвода Румянцева.

⁹ ЦАБ – центральное адресное бюро.

– Я ж, понимаешь ли, с флота с ними не виделся. Может, кто-нибудь и помер, или еще того хуже – переехал в другой адрес? Я правильно говорю, а? Смекаешь?

– Да уж, это точно! – вставил Звягинцев.

– Я же всего только три года, почитай, вместе с ними прослужил. Разве ж запомнишь так сразу и имена, и фамилии, и адреса? Ты сам-то посуди? Я правильно говорю, мужики?

– Васильич! Ты б тогда лучше бы нажрался, что ли? – решил вставить Румянцев. – Раз такое дело, то я бы нажрался, обязательно бы нажрался бы.

– Правильно мыслишь, лейтенант! Молодец. Старлеем будешь! – и Монзиков со Звягинцевым и подошедшим к ним старшиной Мансуровым дико заржали. Гомерический смех длился с минуту.

– Ладно, ржать-то! Давай рассказывай лучше, – занудливо, но несколько напористо произнес Румянцев.

– Я, значит, вышел из ментовки¹⁰ и пошел сразу же на дорогу. Смотрю, значит, стоит восьмерка. Фары выключены, а двигатель работает. А уже темно, ночь почти. Думаю, не иначе как что-то не то. Я правильно говорю, а?

– Да. У меня тоже был случай, когда я подошел к мотоциклисту и говорю ему... – Румянцев не успел закончить, как Монзиков продолжил.

¹⁰ Существует явный антагонизм между гаишниками и милиционерами. Большинство гаишников себя с милицией не отождествляет, считая всех милиционеров более «низшей кастой».

– Подошел я к нему, значит, тихонечко, дверцу рванул на себя. Он как заорет благим матом. Спросонья. Я и говорю, документики, мол, предъявите!

– Надо было ему сразу в торец бить! – и Мансуров резко ударил маленьким пухленьким кулачком по своей ручке.

– Тот, козел, получил у меня сразу палкой в нос. Он тут же откинулся, а юшка¹¹ как потечет, как потечет... – глаза у Монзикова заблестели, на губах появилась пена, слюна так и брызгала.

– Молодец, а!? – с восторгом вставил Звягинцев.

– Ну, думаю, сейчас я тебе покажу, как на меня х... складывать. Я быстренько сдвинул его на соседнее сиденье, сел в тачку и дал по газам. Как я выехал на трассу – даже не помню?! Только этот козел очнулся на 80-ом километре от Владивостока в сторону от Хабаровска. Он долго не мог понять, в чем дело. Когда начал вякать, то я ему посоветовал заткнуться и не вянькать. А он, козел, как будто ничего и не слышал. Начал хвататься ручонками за меня, за руль, за ключи...

– Во падла, а? – с возмущением заметил Петренко, младший лейтенант из Мурманска, который только-только подошел к рассказчику.

– Короче, пришлось мне еще разок двинуть вот этим местом, – и Монзиков показал на правый локоть, – двинул я ему так, что у него вся спесь вышла в одну секунду! Гляжу на

¹¹ Юшка на жаргоне – кровь.

него и думаю, чего это он зеньками¹² не хлопает, а? Оказывается, он опять вырубился. Ну, думаю, и попутчик же мне достался?! Решил я его в больницу сдать. Все ж мужик ведь, жалко.

– Ну, ты даешь!?! Я б его удушил после всего того, что он с тобой сделал! – со злобой и в каком-то экстазе сказал Петренко и плюнул на пол.

– Я, значит, заехал в Дальнереченскую больницу, спрашиваю, значит, где у них реанимация, т. е. травматологическое отделение. Короче, этот козел мне еще и там нервы-то попортил. Часа два, если не больше, я с ним промудохался. Пару раз он приходил в сознание и сразу же начинал хвататься за грудки. Ну, я, естественно, его отключал. Во падла, а!?! Его же я, которого он так оскорбил, определил в больницу, а он, сволочь...!?! – Монзиков даже закашлялся.

– Не, я бы точно этого урода урыл! – вставил Петренко.

– Короче, я только успел записать данные этого козла и поехал на его восьмере из Дальнереченска¹³ в Хабаровск. Когда я въехал в Хабаровский край, то у меня вдруг кончился бензин и на выезде из г. Бикина я бросил эту поганую восьмерку, оставив ее прямо на дороге в закрытом состоянии. Документы были все у того козла, в больнице. Да, надо было все-таки его загасить, я правильно говорю, а? А чтобы ее

¹² Зеньки – глаза (уголовный жаргон).

¹³ Дальнереченск – город в Приморском крае, расположенный на северо-западе, у границы с Китаем.

никто не угнал, я проколол все четыре колеса.

– Ну, молодец! Вот, что, значит, иметь голову на плечах! Это тебе не бабам сиськи крутить! Понял? – Звягинцев с восторгом посмотрел на Румянцева.

– Я почти сразу же поймал КАМАЗ и до Хабаровска замкнул на массу. В Хабаровске мы простояли часа два. Была такая пробка на мосту через р. Амур, что от скуки я с мужиками даже чуть не нажрался. До Биробиджана мы ехали медленно, т. к. шел страшный ливень и ни хрена не было видно. А как только подъехали к Биробиджану, так сразу же дождь кончился. Но была уже ночь и мужики предложили заночевать в машине. Мы подъехали к КП ГАИ¹⁴, где и заночевали. Я пошел спать в домик, а мужики остались в машине. Когда около 7 часов утра я проснулся, то моих охламонов уже не было, а ребята всю работу, проверяли водителей и транспорт.

– А вещи-то они оставили или тоже увезли? – живо спросил Мансуров.

– Да какие вещи? Все же было при мне. Хорошо, я вспомнил, что у меня же остались ключи от той восьмерки. Короче, когда я поймал следующую тачку, то оставил ключи ребятам с просьбой передать их в стол находок. Там-то уж разберутся, что к чему?!

– Черт его знает!? Могут и не разобраться. Ведь восьмерка-то осталась в другом регионе, да и далековато до нее бу-

¹⁴ КП ГАИ – контрольный пост ГАИ.

дет, более суток пути. – Лещенко, самый пожилой из всех слушателей – ему недавно исполнилось 55 лет, а он уже был старшим лейтенантом, – с сомнением посмотрел на Монзикова.

– Да ладно, уж, чего там!? Найдут, не найдут... Какая разница? Главное – урок будет этому козлу, как надо себя вести! – Петренко достал сигарету и закурил.

– Да, уж... – задумчиво произнес Монзиков. – Может оно и так, только надо было мне, наверное, ключи не отдавать. Пусть бы помучился козел со своей восьмерой. А то на х... посылать?! – Монзиков громко высморкался и стал продолжать рассказ.

Пока я искал попутку, я помог «выполнить план» мужикам по штрафам. Да, должен вам сказать, навыков у них, практически, нет. Короче, задатки есть, а школы – ПР-ПУ-ПРПУ! – Монзиков издал такой необычный звук, что к нему сразу же подошло еще человек 6-7, а может и более.

– Васильич! А чего ж ты делал, все-таки у жидов, а? – Миронов, капитан из Москвы, в котором весу было килограмм 40-45, да и то с мокрым веником, отчаянно заливался детским смехом. Он был достаточно долговязым и в свои 158 см роста казался великаном, т. к. был настолько узкоплеч и худосочен, что при желании мог бы легко спрятаться за шваброй.

– Дятел ты! Какие ж в Биробиджане жида? Жида – это у Вас там, в Москве, в Питере, а там осталось одно только

название. Одни рязанские морды, да и только. А вообще-то, мне – все равно: еврей ты или жид! Какая разница? Я правильно говорю, а?

Гаишники, среди которых не было ни одного еврея, дружно начали поддакивать и кивать своими толстыми мордами. Однако если бы их всех собрать, раздеть и построить перед фашистами после бани, то была бы как минимум еще одна Хатынь или Майданек. Ведь, как известно, бьют не по паспорту, а по лицу. Сколько случаев знает история, когда люди из-за слабоумия или природной трусости, скрывая наличие благородной крови и хороших генов, начинают «оригинально» отвечать на вопросы о национальности.

– Вы кто по национальности? Еврей?

– Кто, я? Евхрей? Да вы сами евхрей! Я-то хрусский, а вот Вы-то – евхрей!

Спор, иногда, переходит в драку, иногда – затухает, иногда заканчивается братанием. Но всегда у истинно русских людей это вызывает либо недоумение, либо гадливость. Ведь если разобраться, то какая разница – еврей или русский? Главное, чтобы гниль внутри было поменьше!

Из-за падения нравственности и образованности большинство уже и не помнит, что 300 лет татаро-монгольского ига и 70 лет Советской власти не могли пройти бесследно. Россия, так же как и Украина или Белоруссия – многонациональное государство. У каждого в крови есть хоть немного, но чужая кровь.

Монзиков не был ни сыном юриста, ни кем-нибудь еще... Однако, похож он был, ох похож! Темно-рыжие волосы, неправильный прикус, нос с горбинкой, голубые, немного выпученные глаза, средний рост, большая задница, ленивый, ну очень и очень ленивый и в тоже время – не шибко умный. По крайней мере, такое складывалось первоначально впечатление от первого знакомства с ним.

– Васильич! Так ты так и не сказал, что ты делал в Биробиджане!?! – не унимался Мансуров.

– А че? Я остановил одного пацана, который ехал на мопеде. Проверил у него документы – их не было. И, это, экспроприировал мопед. Ха-ха!

– Шо, в натуре? – Подшайский, схватив Монзикова за рукав, хотел услышать подтверждение. Он даже выгнулся как интеграл или уж на сковородке.

– Ну, пацана я взял с собой, тем более что он был, это...

– Голубой? – быстро спросил Румянцев.

– Сам ты голубой! Ну, как его, это...

– Мужики! Ну, дайте же вспомнить! Не мешайте же! – взмолился Федотов, который слушал рассказ с раскрытым ртом и таким интересом, что не замечал уже ничего вокруг, кроме Монзикова.

– Малой! Во! – вспомнил, наконец, Монзиков.

– А-а-а! – тихо, почти хором подхватили собравшиеся.

– Я решил его проучить. Думаю, сяду сам за руль, а его посажу сзади. Отъеду подальше от родных мест, найду какой-нибудь КАМАЗ или Татру, которая шурует в Ижевск, паренька отпущу. Ему, конечно, я этого ничего не сказал, а велел только сесть сзади и не рыпаться.

– Голова! Во дает, а!? – Мансуров глядел на Монзикова с нескрываемым восторгом и легкой белой завистью.

– С пацаном на мопеде мы проехали почти до Тырмы. Когда кончился бензин на его пукалке, я остановился, паренька отпустил, а сам поймал трактор Кировец, на котором проехал километров 40-50. Это был самый, пожалуй, трудный день, т. к. машин было мало и все они шли куда угодно, но только не на Ижевск. И вот, около полуночи, меня, вдруг, осенило, что ведь я могу на палке доехать до Ижевска с пересадками. Главное, чтобы попутки следовали в нужном мне направлении. И только я об этом подумал, как навстречу мне летит здоровенный трейлер. Да не один, а целых два. Я оста-навливаю, а оттуда вылезают?.. Ну, кто бы вы думали, а?

– Тот водила, у которого ты слямзил восьмеру? – высказал предположение отличник и гордость взвода Румянцев.

– Сам ты водила! Корейцы. Они везли бананы в Усть-Кут, на БАМ. Меня взяли с радостью, но сказали, что я поеду не в кабине, а если будет рэкет или ГАИ, то я должен буду им помогать. Я согласился. Но гаишники меня достали. Останавливали на каждом посту. Я все время вылезал из рефрижератора и разводил корейцев с гаишниками. Когда всю ночь я пробегал туда-сюда, то утром я был как выжатый лимон. Одно было приятно, что бананов я мог сожрать столько, сколько вам и не снилось! – Монзиков, вспоминая те времена, ненадолго прикрыл глаза.

– Ну, и сколько же ты съел бананов? – с неподдельным интересом спросил Федоров.

– Сколько съел, сколько съел? – передразнил Монзиков. – Все, что съел – все и вышло. Понос был от этих бананов такой, что вам и не снилось. Спасибо гаишникам, которые останавливали фуры через каждые 30-40 минут. Как только машина останавливалась, так я бежал испражняться, затем к гаишникам, а потом опять в рефрижератор, жрать бананы.

– Дак зачем же ты их жрал, если тебя от них несло? – с недоумением спросил все тот же Румянцев.

– Так ведь халява же, ха-ля-ва! Понимаешь? – Монзиков поднял вверх указательный палец и отчаянно им погрозил.

– Действительно, чего же не жрать, если халява! Халява, брат, и в Африке халява! – и мужики начали, было развивать

эту тему, но Румянцев и тут вмешался в разговор и Монзиков продолжил рассказ.

– За неполных четыре дня пути я сожрал три коробки бананов, ящик апельсинов, пять здоровых арбузов и несколько комплексных обедов в придорожных столовых. Причем, мужики, все это я жрал на халяву! – Монзиков не без гордости медленно, с достоинством окинул взором глотавших слюну гаишников. Затем он не спеша, закурил, и только после того, как в полной тишине выкурил половину папиросы, стал продолжать свой рассказ.

В тоже время раздался сильный звонок. Пора было выходить на плац для построения в физкультурной форме. Гаишники, словно дети, бросились к выходу из столовой с визгом и улюлюканьем.

Каждый пытался выбежать первым, чтобы пораньше оказаться в раздевалке и одним из первых среди опоздавших явиться на физкультуру. В результате образовалась куча-мала. Минут пять, а может и больше, гаишники, маленькие, толстенькие, обычно ленивые и сонные, пытались протиснуться в открытую дверь. Летели пуговицы и погоны, раздавались стоны и крики, кто-то кому-то угрожал. Когда же силы стали кончаться, и возня поутихла, первым из двери выскочил Звягинцев в разорванном кителе, с расстегнутой ширинкой, без фуражки, с мятой общей тетрадью в исцарапанной руке. Монзиков выскочил то ли четвертым, то ли пятым. Вид у него был еще ужаснее. Одно только лицо, или,

точнее сказать – морда лица – была настолько помята, что могло сложиться впечатление, что сначала Монзиков пробежал дважды без остановки марафонскую дистанцию, причем оба раза – в армейском противогазе. Затем он был часов шесть-семь в русской бане. Одновременно им было выпито несколько литров водки, без какой бы то ни было закуски....

Усы, пшеничные и редкие, торчали как редкая щетина на зубной щетке, использовавшейся для чего угодно, но только не по назначению. Волосы на голове стояли как у панка. Левая щека непрерывно дергалась, из носа торчала большая зеленая козявка. Рот был широко открыт, а дыхание было как у паровоза.

Через 10 минут весь взвод, дружно опоздавший на физкультуру – из-за Монзикова, – стоял на плацу в таком виде, как будто занятие уже закончилось и все ждали команды «Разойдись!».

Юсупов, преподаватель физкультуры, пребывал в прекрасном расположении духа. Он даже не сильно расстроился из-за группового опоздания и реальной угрозы срыва итогового занятия. Предстояло на оценку сделать серию упражнений, после которых был запланирован 1000-метровый кросс. На турнике, кроме Зарецкого, никто не смог ни разу подтянуться. Все висли на перекладине и болтались как мешки с дерьмом. Зато Зарецкий повис и, слегка раскачавшись, лихо подтянулся полтора раза. Увидев бесперспективность затеянного, Юсупов решил перейти к кроссу, для чего взвод

был разбит на 4 группы, которые стартовали одна за другой с интервалом в 30 секунд. Дистанция проходила вокруг главного здания, клуба и столовой. Бежать надо было по аллее со стрелками. Когда прошло 5 минут и никого не было видно, Юсупов начал беспокоиться. Спустя еще 10 минут преподавателя охватила паника.

Через 20 минут Юсупов был в кабинете начальника цикла Удиева и плаксиво докладывал об исчезновении целого учебного взвода. Через час весь центр искал пропавших.

Монзиков, оказавшийся в первой группе, уже на 2-ой сотне перешел с семенящего шага на спокойный, а, спустя еще 15-20 метров, – на медленную ходьбу. Сработало стадное чувство. Все, кто его рано или поздно догонял, замедляли шаг и дружно начинали ковылять рядом с Монзиковым. Когда было пройдено почти 250 метров Монзиков истошно прошептал: «Все, мужики! Больше не могу! Бегите без меня. Я пошел в подвал!»

В подвале находился большой спортзал с теннисными и бильярдными столами. Взвод, прореагировал на признание Монзикова по-своему. Все дружно, как один, поплелись за Монзиковым. Через пару минут не было свободного места ни на одном из столов. Везде валялись тяжело сопевшие, потные бегуны.

– Васильич! Слышь, чё хочу сказать-то, а? – почти шепотом спросил Курченко, – я, в натуре, так и не понял, а ты до Усть-Кутато доехал с корейцами, а?

– До Усть-Кута меня довели. Я даже особенно и не заметил, т. к. все время либо жрал бананы, либо, ХА-ХА, икру метал. – Монзиков и остальные начали смеяться.

Каждое неверное движение болью отдавалось во всех частях тела. Все старались не шевелиться, но этого не удавалось никому. И когда боль неистово пронзала какой-нибудь участок тела, то смех моментально превращался в стон.

– От Усть-Кута до Омска я ехал в почтовом вагоне, лежа на здоровенных тюках. Какие-то кооператоры везли колбасу, сыр и соленые огурцы. Банановая история повторилась. Что интересно, в почтовый вагон я попал совершенно случайно. Я уже договорился с бригадиром поезда насчет купе и готов был плюхнуться на полку, но он попросил меня ему помочь и мы подошли к почтовому вагону. В тот момент, когда, открыв замок и отодвинув тяжелую дверь, я собирался принять от него здоровую коробку с колбасой, его по рации кто-то запросил. Он все бросил и попросил немного подождать его. Убежал. А я залез в вагон, развязал один из мешков и начал читать письма. Так зачитался, что не заметил, как закрылась дверь и тронулся поезд. Если бы в Омске дверь не открыли, то так и ехал бы я до самого Киева. С голода я не умер, но до сих пор не могу смотреть на бананы, колбасу и апельсины. От Омска до Ижевска я добирался вместе с раллистами, которых остановил на кольцевой дороге у Волочаевки. Ребята ехали из Семипалатинска в Киров и обратно. Я, когда Петровичу рассказал о своих приключениях, даже

не ожидал, что он с готовностью помочь мне добраться, изменит маршрут движения. Наша колонна состояла из 9 жигулей разных моделей и 6 мотоциклов марки К-125 М, которые ломались через каждые 30-40 км. Все машины были спортивными, т. е. посадочных мест в каждой было по два. И куда бы я не садился, везде я был третьим. У меня до сих пор болит задница. А когда я вспоминаю г. Пугачево, то мне становится нехорошо. Дело в том, что от Пугачево до Ижевска целый час я ехал на мотоцикле с Емельяновым – серебряным призером прошлогоднего чемпионата страны по мотокроссу. Мотоциклы-то все были кроссовые. Пассажир сидит на самом верхнем кончике сиденья, которое было почти на уровне плеч водителя. Когда меня снимали с мотоцикла, то я мысленно с благодарностью обратился к Богу. Честно говоря, я уже не рассчитывал остаться в живых.

– Да, брат, тебе не позавидуешь! – задумчиво прошипел Петренко, который так и не отошел от кросса.

– Мужики, а который сейчас час, а? Ведь мы же на дистанции. А ну за мной, вперед! – Мансуров первым выскочил на улицу и побежал.

Когда в 17²⁰ компактная куча показалась на финишной прямой, то надо было сфотографировать испуганные лица Юсупова и Уциева, случайно оказавшихся у финишной черты. Финиш был кучным и очень медленным.

– Ну, и где же вас черти носили, а? – спросил Уциев у лидера Монзикова.

– Что, значит, где? Мы бежали! Да! – легко ответил Монзиков.

– Что, все это время вы бежали? Да? – и Юсупов ехидно посмотрел на Удиева.

– Да, товарищ капитан! – не моргнув глазом, выпалил Монзиков.

Преподаватели несколько минут ничего не могли понять. Из оцепенения их вывела фраза последнего бегуна Фетюшкина.

– Еще один такой кросс и я умру! – только и прошептал Фетюшкин и рухнул на стоявшую рядом скамейку.

– Вы, что же, бежали 30 км, вместо 1000 метров? – растерянно спросил Юсупов.

– Да, бежали! – хором дружно и громко ответили бегуны. Удиев сквозь зубы процедил что-то Юсупову и быстро удалился к себе в кабинет.

Юсупов, не приходя в сознание, автоматически скомандовал: «Взвод! Равняйся! Смирно! Вольно! Разойдись! Конец занятия».

Все поплелись в казарму.

Любитель острых ощущений

*И коли не знаком с партнёром, Не лезь без форы
на рожон, А лучше, посоветуйся с маркёром, Чтоб
не продуться, как пизжон.*

В.Н. Пивоваров

Однажды, в один воскресный вечер, Монзиков с компанией решил погонять шары. Бильярдная находилась рядом с центральными банями. Монзиков и еще двое оделись «по гражданке»: милицейские бриджи с кирзовыми сапогами, милицейская рубашка без галстука и погон и обычный ситцевый халат грязно-белого цвета для работы на кухне. Четверо других гаишников вместо халатов нацепили на себя бадлоны и свитеры.

Когда гаишники зашли в бильярдную, то там воцарилось гробовое молчание. Предводитель Монзиков подошел к маркеру и спросил у него какой из столов свободен.

– Вы же видите, все столы заняты и до 23⁰⁰ вряд ли освободятся, – ответил маркер.

– Ладно, понятно, значит, давай нам пока организуй по пиву и через 5 минут освободи вон тот вот столик, – и Монзиков указал на стол, стоявший в углу большой комнаты.

Всего было семь 12-футовых и три пуловских стола. Было видно, что в Удмуртии русский бильярд только-только начал развиваться.

Читатель, наверное, представил себя на месте маркера, который почему-то сразу сообразил, что имеет дело с блюстителями правопорядка на отдыхе. Парень оказался смышленным и решил задачу блестяще.

– Пожалуйста, не обижайтесь, но на этом столе играют два профессора из госуниверситета. Они – игроки слабенькие. Вы предложите им сыграть на деньги. Когда Вы их обыграете, деньги у них кончатся, и столик будет ваш. – Маркер произнес настолько уверенным и убедительным тоном, что Монзиков не задумываясь согласился.

– А по чем они играют? – спросил капитан Миронов, который у себя дома, в Москве, последние три года активно играл в «Американку».

– Да по 50-100 рублей за партию. Не дороже. Откуда у профессуры деньги? – Маркер мило улыбнулся и пошел к профессуре.

Тем временем поднесли свежее холодненькое пиво. Пока профессура пыталась закончить партию, гаишники успели заказать еще по кружечке, а затем перешли на водку и шашлыки. Через полчаса стало ясно, что два седовласых профессора и понятия не имеют о русском бильярде.

Предложение сыграть на деньги старики, а каждому из профессоров было далеко за 50, восприняли спокойно, даже без особого энтузиазма. Более того, они предложили даже снизить ставку, но проигравший угощает водкой и закуской (по выбору, разумеется). Они так же заметили, что играют

на бильярде редко, но сегодня у них особый случай – они получили большой гонорар за серьезную книгу.

Времени на часах было около 13⁰⁰. К 17⁰⁰ гаишники проиграли 11 партий с разницей в счет в 1-2 шара. Водки было выпито столько, что кто-то предложил поднять ставку и играть не на партию, а на разницу в забитых шарах. Видимо, гаишники не сразу поняли, что нарвались на гастролеров. Профессора стали с кия класть по 5-8 шаров. За неполный час они сыграли 7 (!) партий, из которых все были 8:0 в пользу профессуры.

Часам к 10 вечера, деньги у гаишников закончились, и игра прекратилась. Лишь на следующий день, сидя на лекции по основам административного права, был подсчитан общий материальный ущерб, составивший рыночную стоимость новенькой автомашины ВАЗ-2109. Одно утешало, что удалось не только все проиграть, но и водочки попить, и закусить, как следует, и оттянуться по полной программе.

И только потом, кто-то из местных гаишников рассказал об этих профессорах, которые в сумме вряд ли имеют 10 классов образования, а кормятся лишь бильярдом. Ведь для бильярда академий и институтов заканчивать не надо! Наоборот, чем интеллект бильярдиста слабее, тем он психологически устойчивее. Вспомнить хотя бы бокс. Все великие спортсмены не отличались ни интеллектом, ни умом, ни ораторским искусством. Кстати и у гаишников что-то есть от спорта, да?

После Ижевска...

Незаметно пролетели остальные месяцы учебы, и Монзиков успешно закончил курсы. После двухдневной отвальной гаишники на автопилоте, кто поездом, кто самолетом, разъехались по своим регионам, дав мужскую клятву – не забывать друзей.

Когда Монзиков прибыл в родной спецбатальон, то комбат ему сообщил, что Монзиков теперь уже не гаишник, а старший опер, но для всех он по-прежнему желанный гость, друг и наставник.

На следующий день Монзиков с выпиской из приказа о переводе в РУВД явился в отдел кадров, где его встретил аля-Залядов. Кефилов – старший инспектор отдела кадров РУВД, майор милиции, всю свою сознательную жизнь работал в кадровом аппарате, был вершителем человеческих судеб. Личные дела сотрудников он практически не изучал, а мнение о милиционерах основывал на первом впечатлении, которое оставалось, как правило, от первой и единственной встречи.

Монзиков ему понравился, т. к. не задавал никаких вопросов. Более того, он, пока Кефилов делал записи в личном деле Александра Васильевича, с интересом читал лежавшие на столе стихи, автором которых был сам Кефилов.

*Если тебе не хочется есть,
Надо решить для себя навсегда!
Если тебе не хочется пить,
Что в жизни главное:
Значит, тебе нужно просто сесть,
Работа, еда иль семья?
Чтобы обдумать: как быть и как жить!*

Последняя строчка не появлялась и не рифмовалась. Монзиков вслух произнес одно лишь слово *славное* и Владимир Николаевич на него посмотрел с большой благодарностью и теплотой. Ведь над этой рифмой он безуспешно бился третий день. И теперь, когда было найдено ключевое, очень сильное слово, то не было никакого сомнения в том, что стихотворение будет к концу дня закончено, тем более что это было последнее четверостишие.

Монзиков, сам того не ведая, приобрел за считанные минуты надежного и верного друга-кадровика. От нахлынувших теплых чувств Владимир Николаевич не заметил, как вписал Монзикова А.В. не в ту часть приказа. А Монзиков, не зная тонкостей делопроизводства, не стал даже вчитываться в предложенные ему бумаги.

На следующее утро, придя на новое место службы, Монзиков в канцелярии расписался в приказе, подготовленном отделом кадров РУВД, и с удивлением узнал, что он назначен на должность следователя 34 отделения милиции РУВД. Зайдя к Кефинову, он застал его в прекрасном располо-

жении духа. Кефилов несказанно обрадовался Монзикову, схватил его за руку и подвел к своему столу.

– Вот, Александр Васильевич, посмотри! – и Владимир Николаевич показал ему на груди исчириканных листков, поверх которых лежал чистовик с очередным шедевром.

*Дружба – это когда всегда
Друг рискует ради тебя!
Дружба – это когда везде
Вы постоянно вместе!*

*Дружба – это всегда и везде
Друг приходит на помощь к тебе!
Дружба – это радость побед!
Вместе с другом приятен обед!*

*Друг всегда придет на помощь,
Друг всегда поможет в беде,
С другом легко победить немощь,
Друг поможет всегда и везде!*

Монзиков прочел, затем посмотрел с легкой грустью прямо в глаза Кефилову и сказал: «Да, уж...»

– Вам нравится? Да? – Кефилов снизу внимательно глядел Монзикову в глаза, которые были уже «на мокром месте».

– Видите ли, я вдруг вспомнил второй курс вышки, т. е. школы, – и Монзиков рассказал историю, которую он вспомнил благодаря прекрасным стихам Кефилова.

Был холодный январь. Монзикову предстояло сдавать экзамен по уголовному праву. Времени на подготовку явно не оставалось, т. к. официальные дни, положенные на экзаменационную сессию ему руководство не предоставило, и он работал и... сдавал экзамены. Сдавал как все. Бутылки, презентики, услуги. Кто как мог, так и выкручивался.

Полковник Двинов Анатолий Иванович – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса – был одним из самых подготовленных и авторитетных преподавателей школы. Отработав почти 20 лет в прокуратуре, он однажды переаттестовался, надел милицейскую форму и стал работать, сначала преподавателем, затем старшим, а после защиты кандидатской диссертации на тему «Роль политорганов системы МВД в расследовании преступлений в рамках уголовного законодательства» доцентом кафедры. Как и большинство преподавателей, он был маленького роста, редко улыбался и все время что-то читал. Его аккуратная борода и усы вместе с кожаной папкой, с которой он никогда не расставался, даже в туалете, придавали ему уверенность и солидность. Говорил он всегда спокойно, уверенно, с явным превосходством над всеми остальными. Свой предмет он любил и пытался привить любовь всем остальным. Однако сколько лет он ни преподавал, читая изо дня в день одни и те же лекции, одному и тому же контингенту слушателей – милиционерам, он так и не мог понять, почему слушатели не любят не только его, но и уголовное право. Видимо, одной

из причин было то, что в каждой из учебных групп оказывался хотя бы один милиционер, внимательно прочитавший уголовный кодекс и хоть что-нибудь из него запомнивший. И если вдруг такой слушатель бывал на лекциях или семинарах Двинова, то он не мог не заметить того, что все, о чем говорил полковник, мягко говоря, не стыковалось с кодексом – основой всего учебного курса. Случалось это всегда тогда, когда Двинов пытался своими словами пояснить прочитанную статью из кодекса или во время объяснения какого-нибудь термина из того же кодекса. А когда Анатолий Иванович вдавался в исторический экскурс или «влезал» в соседние правовые дисциплины, то у тех, кто попадал в когорту «читателей-аналитиков» наступал шок.

Тем не менее, Анатолий Иванович был на хорошем счету у руководства школы, и служилось ему легко и радостно.

Монзиков взял билет и сел готовиться за последний стол. В билете было три вопроса, читая которые снова и снова, Александр Васильевич все больше приходил к выводу, что нужна как минимум шпаргалка. Шпаргалки у Монзикова не было. Ведь на написание даже шпаргалок требовалось время, труд, усилия, в конце концов. Однако выход был найден и Монзиков уже предвкушал заветную пятерку.

– Монзиков, – негромко позвал к себе полковник Двинов.

– Я!

– Пожалуйста, идите отвечать. – Анатолий Иванович бесстрастно посмотрел на Монзикова и рукой показал подошед-

шему слушателю на стул.

В тот момент, когда Двинов открывал зачетную книжку, а Монзиков сел за стол, Александр Васильевич взял верх-

ний листок из стопки, лежавшей между ним и Анатолием Ивановичем. На листке была одна из лекций доцента Двинова по уголовному процессу – новому курсу, который Анатолий Иванович читал всего четвертый год. Чтобы не допустить ошибок хотя бы на лекциях по уголовному процессу, Двинов переписывал учебник и задиктовывал слушателям каждое слово. Он тщетно пытался выучить свои лекции и, поэтому всегда брал их с собой на экзамены. Во время подготовки он, внимательно наблюдая за каждым слушателем, одновременно читал свои лекции. В результате, прочтя очередную лекцию, Двинов через 5 минут все забывал и снова и снова принимался за чтение своих опусов.

– Билет № 19. Вопрос первый. Что такое преступление? В чем разница между преступлением и правонарушением? Виды преступлений. – Монзиков читал вятно и неспешно.

– Так, слушаю Вас. – Двинов изучал очередную лекцию и ожидал начала ответа Монзикова.

– Преступление – это то, чему посвящено большое количество научных трудов по юриспруденции, а также по теории уголовного права. Обычно за каждым преступлением следует конкретное наказание. Вот я, например, работаю в колонии строгого...

– Так! Я что-то не пойму, причем здесь колония и Ваша работа? Давайте по существу! – и Двинов начал внимательно разглядывать свои аккуратно постриженные ногти.

– Я просто хотел сделать мостик, т. е. рассказать историю

вопроса, но...

– Пожалуйста, переходите к сути вопроса! – Двинов начинал нервничать.

– Значит так, в судопроизводстве по уголовным делам допускается участие представителей общественных организаций и трудовых коллективов. Представители общественных организаций и трудовых коллективов могут быть по определению суда допущены к участию в судебном разбирательстве уголовных дел в качестве общественных обвинителей или общественных защитников. Они выделяются общим собранием общественной организации или трудовым коллективом предприятия, учреждения, организации, а также коллективом цеха, отдела или другого подразделения, которые в письменном виде... – Монзиков внимательно читал каракули Анатолия Ивановича, стараясь как нельзя увереннее и четче произносить каждое слово, каждую фразу.

– Так, хорошо, достаточно. Переходите, пожалуйста, ко второму вопросу Вашего билета. – Двинов смутно понимал, что где-то он уже это слышал, а может быть и читал. И если бы ему сказали, что это было содержание, причем дословное, статьи 250 Уголовно-процессуального кодекса, то, скорее всего, Анатолий Иванович с этим бы даже согласился, но только после своих добавлений и уточнений. Вероятность того, что у доцента Двинова возник бы вопрос о связи статьи с первым вопросом билета равнялась нулю.

– Вопрос второй. Основное содержание принципа пре-

зупмции невиновности. Вина. Пределы и...

– Не надо читать вопрос. Я и вы – грамотные люди. Мы оба знаем, что написано в билете. Начинайте ответ, и по существу! Не надо тянуть время. Ясно? – Двинов поглаживал свою бороду и внимательно рассматривал обои, которыми недавно оклеили половину аудиторий за свой счет слушатели Высшей школы милиции.

– Общественный защитник вправе представлять доказательства, принимать участие в исследовании доказательств, заявлять перед судом ходатайства и отводы, участвовать в судебных прениях, излагая суду мнение о... – Монзиков продолжал читать статью 250 УПК.

– Достаточно. Переходите к третьему вопросу. – Двинов начинал нервничать, т. к. слушатель слишком уверенно и слишком хорошо излагал суть каждого вопроса. Было очевидно, что что-то здесь не так! Но что? На этот вопрос не мог ответить даже сам Двинов.

Монзикову ничего не оставалось, как начать чтение статьи 250 УПК опять с начала. На этот раз Двинов слушал Монзикова с особым вниманием. Он ясно понимал, что тот говорит абсолютно правильно. Более того, некоторые вещи Двинов слышал впервые и ему, поэтому, было очень интересно. Когда статья была прочитана, то Монзиков произнес решающую для него фразу: «Ну, вот, значит, это, можно сказать, если коротко, все».

– Ну, что же, неплохо, неплохо. Очень даже неплохо! А Вы

знаете, что я очень редко ставлю на экзаменах пятерки, а?

Монзиков не сразу ответил. Вначале он надул щеки, потом почесал в затылке и только затем с философским видом изрек – Да, уж...

– Я не буду Вам задавать дополнительных вопросов, ладно?

– Почему, товарищ полковник? – изумился Монзиков.

– А Вы что, действительно хотите? – и Двинов покровительственно посмотрел на Монзикова.

– Если честно...? Если честно, то – да! – несколько кокетливо выдавил из себя Монзиков и сразу же стал красным как рак.

– Ну не сердитесь, не сердитесь! Не надо кукситься! Ну!? Я Вам лучше пятерочку нарисую в зачеточке, хорошо? – и Двинов взял свою перьевую ручку и аккуратно, почти печатными буквами сделал столь желанную для каждого слушателя запись.

Монзиков даже не знал, как на это реагировать. Ведь надо было что-то говорить, что-то делать. Но что? Чисто машинально, не отдавая отчета своим действиям, Монзиков быстро, с этаким вот гусарством, раза три или четыре расстегнул и застегнул молнию на ширинке милицейских брюк.

– Надо же, как интересно! – Двинов внимательно всматривался в брюки Монзикова, прекратив даже поиски его фамилии в экзаменационной ведомости, чтобы продублировать пятерку.

– Да, вот!

– Да, да, да, конечно! И ведь это, наверное, очень и очень? – Двинов даже немного вспотел.

– Конечно. А ты как думал, а? Понимаешь мою мысль, а? Догнал? – и Монзиков с гордостью оглянулся на слушателей, сидевших с раскрытыми ртами и наблюдавших за диалогом полковника с капитаном-слушателем, заработавшим впервые в жизни свою пятерку.

– Огромное Вам спасибо, Александр Васильевич! Как только приду домой, так сразу же дам жене брюки и попрошу ее вшить в них молнию. Ведь вот такая удобная штука! Надо же?! – и Двинов, для большей надежности, сделал небольшую пометку у себя в еженедельнике. – Александр Васильевич! А можно я Вам позвоню? Ну, скажем, через пару дней, например? Я расскажу Вам как у меня получилось, а? – Двинов с надеждой смотрел на Монзикова.

– Ладно. Только, это, ну... Когда будете звонить, то, это...

– Конечно, конечно! Вы не беспокойтесь, все будет хорошо! – и Двинов, сердечно пожав Монзикову руку, проводил его до самой двери.

Монзиков не верил своему счастью. Впервые в своей жизни, впервые для слушателей – заочников Монзиков получил пятерку у самого полковника Двинова! Это было чудо.

Тем временем Фролов, который брал билет после Монзикова, сел на место Александра Васильевича, чтобы начать свой ответ.

– Так, слушаю Вас, – сказал Двинов и, найдя его фамилию в ведомости, поставил «монзиковскую» пятерку. – Начинайте, пожалуйста.

– Билет № 6. Вопрос первый. Что...

– Давайте сразу ответ! Не надо тянуть время. Вас много, а я – один! Слышали, как Ваш коллега отвечал? Вот также, пожалуйста.

Фролов понял слова Анатолия Ивановича дословно и взял оставшийся после Монзикова «двиновский» листок, начал неторопливо его читать.

– Достаточно. Переходите ко второму вопросу, пожалуйста. И давайте сразу, по существу! – Двинов с некоторым мучением пытался вспомнить, а что же он забыл сделать, что забыл написать в ведомости?

– Ответ по билету закончен. – Фролов, пока преподаватель раз десять, не меньше, прочел все шесть экзаменационных ведомостей, дважды с самого начала прочел статью 250 УПК.

– Дополнительных вопросов Вам тоже не будет. Ставлю пять. Молодец! Давайте следующего, – и Двинов машинально вписал пятерку в зачетку.

Следующие трое полностью повторили монзиковскофроловский прием ответа и все получили по пятерке. Дело шло неплохо. Группа блестяще была готова к экзамену и уверенно отвечала по билетам.

Неожиданно вошел дежурный и сообщил Двинову, что

его просят подойти к телефону в кабинете начальника цикла. Экзамен пришлось прервать. Был объявлен 5-минутный перерыв.

Через 45 минут после разговора с женой Двинов продолжил экзамен. За оставшиеся 4 часа он с удивительной легкостью принял еще троих человек, поставив каждому по тройку. Как и остальные преподаватели в системе учебных заведений МВД двойки, как правило, никогда не ставились.

Однажды, молодого преподавателя Двинова вызвал служивший тогда полковник Бровский Владимир Васильевич – заместитель начальника высшей школы МВД по учебной работе и отчитал его как мальчика за то, что тот поставил три (!) двойки на своем экзамене.

– Ты что, не соображаешь, что творишь, а? Ты понимаешь, что наделал? – Бровский зло сверлил водяными глазками стоявшего в струнку Двинова.

– Так, товарищ полковник, ведь...

– Молчать!!! Ты что же не знаешь, что любой милиционер – уже на три бала юрист? А? – Бровский метался из угла в угол своего «деревянного» кабинета.¹⁵

– Товарищ...

– Ты что же, умнее меня или где? – спросил кандидат пе-

¹⁵ Так уж повелось, что каждый руководитель в МВД «отделывает» свой кабинет либо деревом, либо ДСП, либо еще чем-нибудь деревянным. Причем всегда есть цветной телевизор, видик, компьютер, факс, холодильник и... обязательно диван. Многие вещи и приборы стоят в кабинете «для балды», т. к. пользоваться ими хозяин не умеет. А отдать в пользование подчиненным – жалко.

дагогических наук Бровский. – Ты знаешь, что теперь будут обо мне думать, умник сраный!? Ты знаешь, что...¹⁶

Раздался стук в дверь. Зашел начальник кафедры Двинова полковник милиции Корефанов, который был одного роста со старшим инспектором отдела кадров РУВД Кефириновым – метр с кепкой. Они были даже чем-то похожи. Те же ужимки, те же манеры, схожие голоса. Только Корефанов был постарше и потучнее.

– А, это ты? Ну, что скажешь, Юрий Владимирович? Знаешь, сколько твой умник бананов наставил? И кому? Ты, Двинов, хоть знаешь, кто у нас в городе кто? Ты фамилии когда читаешь, то у тебя хоть что-нибудь ёкает или ты носишь бестолковку на плечах только для фуражки? А? ХА-ХА-ХА – живот трясся от смеха, и складывалось впечатление, что он, т. е. живот, выпрыгнет из штанов и укатится далеко-далеко.

– Владимир Васильевич! Не сердись! Он же еще молодой, пацан. Мы его обрабатываем! – Корефанов показывал потихонечку Двинову кулак, а сам игриво улыбался, глядя на Бровского.

С тех пор Двинов ни разу не поставил ни двойки, ни пятерки. Двойки ставить было нельзя, а пятерки – не за что.

После разговора по телефону с женой Двинов уже не мог задавать умных вопросов и ухватывать главное из ответов

¹⁶ Обычно Бровский вставлял матерные слова для связки слов через слово или, иногда, через два. Здесь же был мат на мате, мат – перемат.

слушателей. Не читались и его собственные лекции. Оставалось только одно – курить и продолжать прием экзамена.

Монзиков только спустя много лет узнал, что его пятерку поставили другому, а в диплом пошла тройка, которая никак не портила общего среднего бала диплома – 3,0.

* * *

Кефилов, внимательно слушавший рассказ Александра Васильевича, спросил у Монзикова, а не хочет ли Монзиков, например, тоже заняться литературой.

– Понимаете, Александр Васильевич! В нашей тяжелой работе нужна отдушина. У одних – это водка, у других – бабы, извините, пожалуйста, ну а у нас с Вами – это стихи. Ведь как приятно прочесть где-нибудь в транспорте или еще где-нибудь хорошие, красивые стихи, которые сразу же уносят в даль, которые зовут тебя всего, без остатка... Ну, как? Вы согласны? – и Кефилов, как только мог, с силой сжал обеими руками руку Монзикова.

– Владимир Николаевич! Дак ведь я – это...

– Ничего, ничего! Вот лучше послушайте, что у меня получилось ко Дню милиции, – и Кефилов встал у окна, поднял правую руку, а затем, вытянув по-ленински вперед, подбоченясь, начал громко и не спеша декларировать очередной шедевр.

*Весна пришла и солнце начало светить,
Запели птички весело и громко,
И стало ясно, что на свете жить
Легко и радостно!*

*А осенью листва желтеет быстро,
И ветки оголяются всегда,
И лед бывает светится искристо,
И не видна уже нигде трава...*

Монзиков пребывал в глубоком раздумье. Он не помнил уже начала разговора и цели своего визита. Хотелось курить, курить и еще раз курить.

– А знаете что? Мы вот прямо сейчас, здесь, с Вами напишем прекрасные и добрые стихи, и посвятим их нашей дружбе! Вот, давайте... – Кефилов всунул в руку Монзикова слюнявый карандаш и полузаполненный чей-то протокол. – Пиши. Давай! – и он, быстро семена из угла в угол, начал диктовать очередной милицейский шедевр.

*У природы нет плохой погоды!
Всякая природа благодать!
Если только беды и невзгоды,*

*Не печалься, только не печалься
Если вдруг любовь ушла совсем,
Ты возьми котенка, да и сжался*

Надо все бросать, бросать, бросать!

Верь мне! Это – помогает всем!

– Получилось! Получилось! – Кефилов радостно бегал по кабинету. Он был на вершине счастья. Вдохновение, посетившее его, не уходило. Ему хотелось творить, творить, творить!

– Да, товарищ майор, я – это, вспомнил. А ведь я теперь, почему-то, стал следователем... – и Монзиков нерешительно взглянул на Кефилова.

– Поздравляю, поздравляю Вас, Александр Васильевич! Это просто прекрасно, что...

– Но ведь я должен был бы быть опером?! – несколько нерешительно перебил Монзиков витавшего в облаках предстоящего литературного успеха Владимира Николаевича. – Старшим, – тихонечко добавил Монзиков.

– Все хорошо, все хорошо! Все очень-очень хорошо! – Кефилов вдруг начал выпроваживать Монзикова из кабинета, ссылаясь на то, что у него очень много работы.

Как только дверь за Монзиковым закрылась, РУВД содрогнулось от протяжного крика, исходившего из кабинета отдела кадров. Закрывшись на два оборота замка, Кефилов в экстазе и предвкушении литературной славы начал творить. До глубокой ночи на бумагу строчка за строчкой ложились прекрасные рифмы, наполненные искренностью и чистотой, пафосом и большой жизнеутверждающей силой.

Тетя Клава – уборщица, убиравшая раз в неделю кабинеты отдела кадров, зайдя к Владимиру Николаевичу в 8⁰⁰ утра, увидела маленького майора, сладко спавшего с непосредственной детской улыбкой за большим, заваленным исписанными и скомканными листками столом. Она тихонечко взяла из рук спящего Кефилова оконченный очередной шедевр и по слогам в полголоса начала читать.

*Солнце светило, птицы кричали,
Звери и птицы радостно бегали,
Только коровы уже не мычали,
Они отдоились и уже не прыгали.*

*Природа гордилась своими детьми,
И солнце, и небо было прекрасно.
Люди! Будьте всегда Людьми!
Любите друг друга сильно и страстно!*

*Пусть будет удача везде и всегда!
И каждый праздник будет прекрасным!
А боль и беда уйдут навсегда,
Чтоб жизненный путь озарился светом ясным!*

Тетя Клава, закончив чтение, с грустью и тревогой посмотрела на сладко спавшего Кефилова. «Бедненький! Со всем зарпортовался! Пора тебе, касатик, в отпуск! Ох, пора, бедненький мой!» И она нежно погладила его по головке.

Через полчаса, после уборки в кабинете начальника РУВД, Кефилов был вызван на ковер к начальнику управления.

– Ну, Кефилов, рассказывай! Как это ты дошел до того, что стал втихаря писать стихи? А?

– Товарищ полковник! Виноват! Больше не повторится. Даю Вам честное...

– Ты подумай только, пишет давно и помногу, а я ничего и не знаю!? Да?

– Товарищ полковник! Виноват! Больше не повторится. Честное слово...

– Ну, наглец, а? Думал, что это все останется в тайне, да? – начальник явно был в ударе.

– Товарищ полковник! Виноват! Больше не повторится!

– Да ты не перебивай, когда я говорю! А ну говори, быстро, это ты написал, что мне показали? – и начальник протянул несколько скомканных, сжеванных клочков бумаги.

– Я, товарищ полковник, – промямлил Кефилов.

– Молодец! Ну, Кефилов, действительно правы те, кто считает, что кадры решают все. А чего же ты мне ничего не посвятил, а? – начальник смотрел на Кефилова с надеждой услышать, что у него есть и для начальника столь же прекрасное, столь же чистое и невинное.

Но Кефилов, словно воды в рот набрал. В течение 15 минут, что говорил любимый начальник, Владимир Николаевич только стоял, как шпиль, и тяжело, и виновато взды-

хал. В конце часовой беседы начальник спросил у Кефилова: «Скажи мне, Вовик, только честно, это ты сочинил?» И начальник, сильно картавя и заикаясь от охватившего его вдруг волнения, прочел следующие стихи:

*Мы все избегаем капризов
И многого хотим достичь,
А завтра случайно с карниза
По черепу трахнет кирпич!*

*Сегодня имеем зарплату
И в бане кричим: «Поддавай!»
А завтра с лучами заката
На нас наезжает трамвай!*

*Сегодня имеем мы булки
И платим за даму в кино,
А завтра на водной прогулке
Пойдем утюгами на дно!*

Кефилов стоял как вкопанный. Он очень любил Пушкина. Можно было даже сказать, что Александр Сергеевич был ему как отец, а может быть и больше. Однако эти стихи были намного прекраснее всего вместе взятого пушкинского наследия. В них столько было человеческой экспрессии, столько гармонии, такая чистота слога и стиля, что хотелось просто громко рыдать от охватившего восторга, от колоссальной радости, которую так редко мы испытываем от соприкосно-

вения с прекрасным.

Неожиданно, резко, очень резко зазвонил прямой телефон. Дежурный по РУВД сообщил начальнику управления, что на территории района совершено убийство и машина с оперативно-следственной группой только что выехала на место преступления.

– Вызывай Диму, а мы с Кефириным уже спускаемся, – еще плаксивым, сильно вибрировавшим от только что пережитого волнения сказал в трубку начальник управления.

– Дима на месте, Вас ждет! – быстро, по-военному ответил дежурный.

– Давай, Кефиринов, собирайся, хватит прохлаждаться! По-едем, делом займемся. Труп посмотрим. Это тебе будет полезно. Заодно в машине поговорим.

Волга начальника управления «летела» по городу к месту происшествия. Через 12 минут Дима подъехал к уже ожидавшим эксперту-криминалисту, следователю прокуратуры, следователю 34 о/м Монзикову, оперуполномоченному уголовного розыска с того же отделения милиции, откуда был Монзиков.

Для Монзикова это было первое дело, которое ему дали в первый же день работы. Так уж случилось, что когда прошла информация о совершенном преступлении, то все были на выезде: кто – где. А Монзиков ходил из угла в угол дежурной части как неприкаянный.

На земле, в большой луже крови лежало мужское тело без

какой-либо одежды. Сверху, на 11 этаже виднелось распахнутое окно, из которого, видимо, и выпало «лицо кавказской национальности». Невдалеке стояли очевидцы – три бабули, которые видели все от начала до трагического конца. Со слов очевидцев около 12 часов дня сверху раздались матерные ругательства и в оконном проеме появился абсолютно голый молодой человек, которого сильно шатало из стороны в сторону. Пьяным голосом, с сильным кавказским акцентом и очень плохой дикцией Алискер – так звали погибшего – несколько минут призывал всех прохожих и жильцов соседних домов обратить на него внимание. Когда же внизу собралась толпа – человек 40-50, то Алискер раскрыл дамский зонтик и шагнул вниз. Умер дитя гор мгновенно. Квартира, из которой был совершен столь отчаянный прыжок, была закрыта. Мощная железная дверь с тремя замками преградила путь милиции, которая хотела проникнуть во внутрь и составить протокол осмотра, снять отпечатки следов и т. д.

Монзиков сразу же подключился к следствию. Он предложил обыскать труп, проверить карманы и попытаться найти ключи от квартиры, откуда было совершено отчаянное падение.

– Ндак ведь он же – голый! Какие ключи, а? – глядя с недоумением на нового следователя, спросил Семенов – эксперт-криминалист.

– Какие, какие? От квартиры, где деньги лежат! Вот какие, – раздраженно ответил Монзиков. – Заодно проверим –

есть ли у него машина и имеются ли у него водительские права?!

– А это-то зачем? – с недоумением спросил все тот же Семенов.

– А ты сам-то подумай! Я правильно говорю, а? – Монзиков окинул покровительственным взглядом присутствовавших на осмотре труп милиционеров.

– Это еще кто такой? – спросил у Кефирова начальник РУВД, показывая пальцем на Монзикова.

– Наш новый следователь, товарищ полковник. Монзиков. Капитан Монзиков, кстати, тоже поэт! – быстро ответил Кефиров.

– Да, так ты мне так и не сказал, чьи это я читал тебе стихи? Твои? – начальник пристально посмотрел на майора.

– Если честно, то мне так здорово не написать... – промямлил Кефиров.

– Тебе, значит, тоже понравилось, да? Хм. Я когда впервые их прочел, так сразу же ох. л от переизбытка чувств! Да, что ни говори, а талант себе дорогу всегда пробьет. Вот собрать бы всех талантов вместе, в нашем РУВД, вот было бы здорово, а!? – и полковник мечтательно посмотрел на Кефирова.

Минут через 30 была собрана исчерпывающая информация по данному происшествию. Алискер Бабкаев, уроженец г. Избербаш, 1973 г.р., холостой, нигде не работавший и не имевший постоянного места жительства прибыл в город с

большой партией наркотиков. За три дня проживания на квартире двоюродного старшего брата Кисленко только единолично Бабкаев выпил 9 бутылок водки, два ящика пива, выкурил травки ни на одну машину. Находясь в сильном алкогольном и наркотическом опьянении, Алискер принялся читать себе вслух детские сказки и после прочтения сказки о Колобке, Бабкаев решил геройски прыгнуть с зонтиком вниз. Как правильно думал Монзиков, у Бабкаева никогда раньше не было водительских прав, хотя машину он водил, и не один год.

Сослуживцы поздравляли Монзикова с крупной победой. Дело было раскрыто по горячим следам, наркотики изъяты. Это был успех.

Монзикову начинала нравиться его новая работа.

Обычно, следователи форму не носят. То ли стесняются, то ли боятся чего-то, предпочитая простенькие дешевые костюмы и платица. Вообще, в следствии работают и женщины, и мужчины, которых не намного больше. Образование у всех либо среднее специальное, либо неоконченное или даже просто высшее. С высшим юридическим образованием следователей в милиции процентов 15-20. В основном – это выпускники высшей школы милиции и других милицейских учебных заведений, где *упал-отжался, лечь-встать* и другие команды изучают несколько лет на таком же уровне, что и остальные предметы.

На частых междусобойчиках сами следователи не раз рас-

сказывали истории о том, из чего складываются оценки на экзаменах. Подход – пять, доклад – два, отход – пять. Итоговая оценка – хорошо.

Монзикову дали большой 12-метровый кабинет, где стояло 4 стола, 4 сейфа-холодильника и 8 металлических стульев. На каждом столе стояли местные телефоны, позволявшие связаться с дежурной частью отделения и был один городской телефон с длинным шнуром. Черный, образца конца 40-ых годов, телефон в основном работал только на передачу, т. к. в кабинете все время стучали пишущие машинки, постоянно шли допросы, все время кто-то что-то делал, что-то говорил.

У двух стенок валялось немыслимое множество разных предметов, которые именовались вещдоками¹⁷. Монзикова, дипломированного юриста, посадили на уголовные дела особой сложности. Он вел убийства, мошенничества, угоны и кражи автотранспорта, изнасилования.

¹⁷ Вещдоки – вещественные доказательства.

Несостоявшаяся любовь

Монзиков оказался в окружении трех следователей: Ольги Михайловны, старшего лейтенанта юстиции, которой было в интервале между 25 и 40, Нины Михайловны, капитана юстиции и Динары Саидовны или как ее все называли Евдокии Сергеевны. Нине и Даше было под 50, а может быть и более. Да и на Монзикова они смотрели как-то по-особенному, по-матерински, что ли. А вот Ляля Михайловна глаз положила сразу.

– Чайку не желаете? Вам сколько ложечек сахара? Четыре или пять?

– С моими-то зубами только с сахаром и пить?! – без особого энтузиазма ответил Монзиков.

– А Вы женаты? – не унималась Ляля Михайловна.

– Да, уж.

– А дети есть?

– У кого? У меня, что ли? – сразу не поняв, ответил Монзиков.

– А Вы – шутник, Александр Васильевич! Ха-ха, ха-ха-ха!

– А у Вас варенье или конфеты есть? – вдруг ни с того ни с сего спросил Монзиков.

– Конфеты? Какие конфеты? – Ляля Михайловна даже опешила от такого простого и в тоже время трудного вопроса.

– Шоколадные. Можно эти, ну... – Монзиков отчаянно зашелкал пальцами, пытаясь вспомнить название.

– Белочка?

– О! Точно! Молодец, – и Монзиков широко улыбнулся, показав здоровенные пустоты в почти сплошных искусственных зубах.

Даше надо было идти в детский садик, за внучкой, а Ничка просто торопилась домой. Обычно у женщин по пятницам всегда бывают наполеоновские планы. Надо было закупить продуктов на выходные, приготовить обед, постирать, погладить, убрать квартиру, проверить уроки у детей... Короче, надо было, как всегда, заняться мелочевкой. Это у мужиков только глобальные и важные семейные проблемы – землетрясения, цунами, война, пожар. А женщины только и делают, что отдыхают. И когда усталый, слегка подвыпивший, после сытного ужина муж ложится на диван с газетой в руках, чтобы посмотреть телевизор или перекинуться по телефону какими-нибудь важными для всей страны (!) или даже человечества (!) новостями, то обязательно к нему начинает приставать жена с нелепыми просьбами.

– Сходи в магазин! Купи картошки, хлеба,...

– Щас! Все брошу и побегу!?! Тебе надо? Ты и иди!

– Ах ты, паразит, такой – эдакий! Я, понимаешь ли...

И так изо дня в день, из года в год.

У Монзикова тоже была семья. Также была среднестатистическая жена. И торопиться домой не было никакой при-

чины. Более того, Ляля Михайловна ему понравилась как только он ее впервые увидел. У нее была миниатюрная фигурка, тоненький, очень приятный голосок и от нее очень вкусно пахло. Она была такая миленькая, что Монзиков ассоциировал ее с абсолютно новенькой автомашинкой Окой – несбыточной мечтой брежневской молодежи. Ведь это же при Брежневе еще говорили, что будет выпущен новый молодежный автомобиль, который без проблем смогут приобрести студенты и пенсионеры, домохозяйки и инвалиды. Одним словом все те, у кого хватает денег только на туалетную бумагу да на противозачаточные средства, чтобы не плодить нищету.

Ляля Михайловна была замужем за инженером, с которым она вместе училась в институте, от которого родилась Вика – девочке было 21 год, – и который постоянно ее огорчал своими невероятными выходками. То он, вдруг, хотел заниматься сексом прямо среди ночи. И тогда он будил ее самым нахальным образом и после очередной маленькой победы моментально засыпал, издавая такой храп, что соседи начинали стучать в стенку. То, вдруг, плотские желания возникали у него после столовского обеда. И тогда он приезжал к Оленьке на работу и занимался с ней любовью прямо на ее рабочем столе, пока ее коллеги находились на выезде или на обеде. Одним словом, муж ее был сам настоящим половым гангстером, террористом. Причем, он любил всех и все, что только могло или просто шевелиться. В подъезде, где жила

Ляля Михайловна, почти в каждой квартире жили маленького роста, рыжие, конопатые и щербатые, кривоногие девочки и мальчики, похожие как две капли воды на ее единственного супруга. Даже в транспорте он не мог ехать спокойно – все время к кому-нибудь приставал. И что интересно, при росте в 164 см он имел колоссальный успех у женщин. О своих желаниях Александр Павлович обычно говорил конкретно и сразу.

– Познакомьтесь, пожалуйста, это – Александр Павлович, мой супруг, Викин папа... – обычно представляла в гостях своего мужа Ляля Михайловна.

– Александр Павлович! – Щеничкин протягивал свою маленькую волосатую ручку, здоровался с дамой и тут же заключал ее (ручку) в страстный поцелуй.

– Галина Павловна... – со смущением отвечала хозяйка или тоже одна из гостей дама.

– Галина Павловна! Извините, пожалуйста, но мне надо Вам кое-что сказать! Очень важное! Пожалуйста за мной, пожалуйста! – и как только под ручку или, держа рукой за талию, они отходили в сторону, Александр Павлович начинал страстно и пылко целовать и обнимать очередную избранницу. Самое удивительное заключалось в том, что в большинстве случаев дамы от подобных атак падали в обморок. И тогда они становились легкой добычей полового гангстера Щеничкина. Если была в квартире свободная комната с диваном или столом, то через каких-нибудь 10 минут с вероят-

ностью в 90 % происходило внебрачное зачатие.

Друзья и подруги Щеничкиных об этом прекрасно знали, но сделать ничего не могли. Более того, рогоносцы-мужья из года в год приглашали чету Щеничкиных к себе в гости, заранее зная, что какая-то из женщин будет опять оплодотворена Александром Павловичем.

Если глаз Щеничкина падал на крупную даму, которая была много дороднее и выше него, то в ход пускался испытанный прием. Сначала даму надо было пригласить присесть на диван, а затем – следовала молниеносная атака.

Ляля Михайловна знала, что даже если ее супруг ей изменил на работе, после работы, то вечером и ночью он все равно с ней сделает тоже самое. Все годы, которые она прожила вместе с Александром Павловичем, Ляля Михайловна мечтала только об одном – чтобы муж ее уgomонился, чтобы он стал пусть даже импотентом, но только прекратил свои половые выходы. Правда она не знала, да и не могла знать, что значит иметь мужа-импотента. Но как часто в жизни бывает, что несбыточные мечты придают особый шарм и специфический смысл нашему бытию.

Вот уже вторую неделю Александр Павлович находился в командировке и у Ольги Михайловны происходили непонятные процессы в ее измотанном и истерзанном сексуальным маньяком – мужем – теле. Ее тошнило, она не могла заснуть, все время мучил голод, была жажда, кружилась голова. Тепло знобило. Состояние было отвратительное. Не сознаваясь

даже себе, Ольгу Михайловну просто потянуло на мужика. Да, вот такое примитивное, но сильное, желание возникло у старшего лейтенанта юстиции Щеничкиной Ольги Михайловны.

В тот вечер, в пятницу, Ляля Михайловна однозначно для себя решила лишиться невинности любой ценой уже ставшего известным в РУВД Монзикова. Женатику Монзикову надо было сразу догадаться, что без греха он домой не вернется.

Оставшись с Ольгой Михайловной наедине, Монзиков вдруг обратил внимание, что окна уже занавешены, дверь закрыта, а один из столов – абсолютно чист. Ляля Михайловна продолжала крутиться вокруг Монзикова, приятно щебеча и все время, как бы случайно, прижималась к нему. Монзиков стал курить одну папиросу за другой, то и дело, поглядывая на часы.

И тут вдруг Ольгу Михайловну словно ударило молнией. Она решила повторить все незамысловатые приемы своего бывалого и многоопытного в амурных делах муженька.

– Александр Васильевич! Я, право, даже не знаю, мне так неловко, что...

– Ляля Михайловна, да в чем дело? – Монзиков захабарил папироску и внимательно посмотрел на Щеничкину.

– Александр Васильевич! Могу я рассчитывать на Вас, как на мужчину? – Ляля Михайловна тяжело и часто дышала. Ее маленькая грудь вздымалась и падала. Глаза неистово блестели. В месте, где бывают заеды, была видна крошечная

пенка.

– Гм! А как же?! – только и успел сказать Монзиков.

– Александр Васильевич! Только Вы можете мне сейчас помочь! – страстно, с надрывом выпалила из себя Щеничкина.

– Ну, Вы – это, говорите, говорите! Я все сделаю.

– Александр Васильевич! Вы такой мужественный и благородный! Вы такой интеллигентный! Вы – единственный мужчина у нас, у несчастных женщин!..

– Это точно.

– Александр Васильевич! Мне так плохо, так плохо! – Ляля Михайловна с хрустом заломила пальцы, пытаясь показать в жестах всю силу ее страдания и всю палитру ее переживаний.

– Ляля Михайловна, не терзайтесь и не мучайте меня, пожалуйста! – Монзиков участливо смотрел на маленького милиционера в погонах и юбке. – Говорите, я все сделаю в лучшем виде.

– Александр Васильевич! Только поймите меня правильно! Мне нужна Ваша помощь. Мне может очень и очень помочь Ваш массаж. Понимаете?

– Конечно! – Монзиков встал и начал снимать свои грязные кирзовые сапоги.

Ляля Михайловна растерялась. Она ожидала всего, но только не такой легкой победы. Плотское желание почти сразу исчезло. Совершенно машинально она начала расстеги-

вать свою рубашку.

– Ляля Михайловна! Рубашку и кофту можно не снимать. Ложитесь на стол животом вниз. Я уже готов.

Монзиков стоял босиком на полу с закатанными рукавами на кителе и рубашке. Из карманов бриджей¹⁸ Монзиков вынул грязный носовой платок, расческу, ключи, зажигалку и клочки газеты, оставшиеся после похода в туалет.

– Ляля Михайловна! Сначала будет немного неудобно и даже больно, а потом появится тепло, боль исчезнет и, как это часто бывает с женщинами, Вы захотите спать. Вся процедура займет минут 15-20, и, если одного сеанса будет маловато, я сделаю еще разок. Моей жене, чаще всего, помогает с первого раза, после чего она спит до утра. Как будет с Вами – даже не знаю?! – и Монзиков начал сильно потирать ладони.

– Александр Васильевич! Может быть, мне все-таки снять трусы? – сказала Ляля Михайловна и легла на стол как велел ей Монзиков.

– Да нет, не надо! Я даже сам не раздеваюсь, понимаете мою мысль, а?

– Александр Васильевич! Вы меня интригуете...

– Да нет же, это только в первый раз страшно, а когда мы сделаем это, то последующие разы будут и легче и интереснее!

– А Вы так только с женой делаете? – с ярко выраженным

¹⁸ Бриджи – милицейские брюки, концы которых заправляются в сапоги.

удивлением и слегка дрожащим голосом спросила Ляля Михайловна.

– Если честно, то и с Анькой – дочкой моей – по-тихому, чтобы жена не знала, я уже делал. Был в Ижевске, так мужики просто балдели от меня.

После этих слов Ляля Михайловна потеряла сознание.

Монзиков, решив, что «клиент готов», кряхтя и чертыхаясь, залез на стол, где лежала бесчувственная Ляля Михайловна, и начал босиком ходить по ее маленькой спине, по нежным плечикам.

Ляля Михайловна сначала тихо застонала, затем, открыв глаза, увидела в настенном зеркале Монзикова, топчущегося на ее спине.

«Садист» – только и промелькнуло в ее сознании, и она опять лишилась чувств. Монзиков начинал входить во вкус. Он выделывал такие пируэты и кренделя пяткой, стопой, большим пальцем, что даже Джерри Финн – главный специалист по хиропрактике¹⁹ – не владел таким набором приемов, столь необходимых массажисту-профессионалу.

У жены Монзикова был остеохондроз и только «ножной массаж» снимал боль и дискомфорт, который не давал ничего делать. Монзиков продолжал топтаться на спине Ольги Михайловны. Вдруг ему захотелось курить.

¹⁹ Марти Ларни – известный финский писатель, автор юмористического романа «Четвертый позвонок или мошенник по неволе». Джерри Финн – главный герой нескольких произведений популярного писателя.

Монзиков слез с бездыханного тела Ольги Михайловны, взял захабаренную чуть ранее беломоринку, чиркнул спичкой, пытаясь раскурить небольшой окурочек. Но спичка сломалась. Головка зажглась, но упала на средний палец висевшей правой руки Ольги Михайловны.

Раздался тихий крик. Сознание к женщине вернулось, а разум – нет. Она попыталась хотя бы привстать, но тело ее не слушалось. Единственное, что ей удалось, так это повернуть голову и найти глазами Монзикова, сладко затягивающегося папиросным дымом. В глазах стало рябить.

– Ну, понравилось, а? – спросил Монзиков и опять полез на спину Ольги Михайловны.

– А-а-а! – только и успела простонать горе-любовница.

– Сейчас, сейчас! Не торопи меня, все будет хорошо! – Монзиков уже стоял и не спеша переминался с ноги на ногу на маленькой женской спинке. Ляля Михайловна опять потеряла сознание. Монзиков, решив, что женщина просто расслабилась и как это говорится – балдеет, стал увеличивать скорость и силу топтания.

Более того, его массаж перешел сначала на поясницу, а за-

тем и на ягодицы. Через 25 минут, порядком приустав, Монзиков, весь потный, тяжело дыша, слез с Ольги Михайловны и плюхнулся на свой стул.

Когда на следующий день Ляля Михайловна пришла на работу, она увидела сидевшего за столом, как ни в чем не

бывавшего, Монзикова, с некоторым безразличием смотревшего в окно.

Наконец-то...

Было обычное сентябрьское утро, когда руководство следственного отдела пригласило Монзикова для консультации. Требовался совет специалиста.

– Васильич! Проходи, не стесняйся, – сказал маленький полковник милиции Лещев Виктор Яковлевич.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – и Монзиков первым протянул руку Виктору Яковлевичу – замполиту, пережившему в своей должности 9 начальников РУВД.

Лещев ни чем особенным не выделялся. Он был такой же лодырь, как и многие другие его коллеги, любил выпить на халяву, мог легко что-нибудь украсть, что плохо лежало. Но была у него одна черта, которая и позволяла ему оставаться на плаву. Он хорошо зажигал народные массы и... вовремя исчезал, чтобы, как говорил В.И.Ленин, не сгореть самому синим пламенем. Говорил Виктор Яковлевич всегда уверенно, бойко. Мог быстро сменить тон и направленность разговора, придав ему обвинительный или похвальный характер – как того требовала ситуация.

– Александр Васильевич! – Виктор Яковлевич положил ручонку Монзикову на плечо, давая понять ему, что следует присесть в старое кожаное кресло. – Вот, ты – специалист по машинам! Скажи, какую бы ты машину купил, если бы у тебя был выбор: жигуленок после второго капремонта, новую ше-

стилетную мельницу или кузов – второй ремонт, от Волги?

– А машина то когда-нибудь была, а? – Монзиков по-доброму с интересом взглянул на маленького Лещова, толстенькие щечки которого горели как красный сигнал светофора.

– Видишь ли... Сейчас такое время, что надо во что-нибудь вкладывать деньги, иначе они пропадут, да!?

– А-А-...?! – Монзиков даже попытался привстать от такой точной и своевременной информации.

– Сиди, сиди. Вот я и думаю, что же мне из техники-то купить? Понимаешь, и денег нет! И покупать что-либо надо!

– Да, уж...

– Вот, скажи, Петров – твой сосед – он купит у меня «запор», если я ему продам?

– Да ведь он даже права не имеет! Зачем ему машина? – Монзиков с удивлением посмотрел на замполита, который с напряжением листал толстую засаленную тетрадь.

– Васильич, ведь дело не в том, что есть права или нет! Деньги-то небольшие. Для него. А купит у меня машину, может быть и должность получит...

– Так, может, я тогда куплю чего-нибудь, а? Я ведь уже давно в капитанах хожу!

– Ты тоже чего-нибудь купишь, не волнуйся, только не сейчас. Надо подождать. Теперь главное все прокрутить побыстрее, чтобы...

– Виктор Яковлевич! А знаете, я бы дал тому, кто мне даст майора...

– Слушай, не скули! Еще успеешь дать. Ты что же думаешь, что тебе никто не помогает? Ничего подобного. Еще как помогают, но?... – Лещев встал и выпил полстакана белой жидкости, после чего смачно крякнул и начал нюхать правый рукав своего кителя. – Очень много у тебя врагов, очень много! Да! И завистников тоже очень много!

– Да чему же завидовать? – Монзиков выпучил на Лещева глаза и наклонился вперед, словно готовясь к прыжку с трамплина.

– Ладно, Васильич, давай, иди, у меня столько дел, столько дел сегодня! – Виктор Яковлевич что-то искал в шкафу, одновременно бормоча под нос простые, но столь емкие слова.

Когда Монзиков пришел к себе в кабинет, то долго не мог сосредоточиться. Он никак не мог взять в толк: намек на взятку или же что-то еще? И тогда он рассказал девчонкам. Девчата стали смеяться.

– Шурик! Да он просто хотел выпить! – весело заметила Даша.

– Или хотел тебя, простака, проверить! – добавила Нина.

– Девчата, а может и вправду надо Александру Васильевичу что-нибудь купить у Лещева? Купит – там и служба пойдет. – Ляля Михайловна все еще чувствовала себя несколько виноватой перед Монзиковым за тот неладный вечер.

С того дня Монзиков стал носить с собой большие суммы денег в расчете на то, что при случае сможет «купить» себе

майора.

И вот однажды Монзикову дали одно очень сложное дело. Сложность заключалась в том, что никто из руководства не представлял себе судебную перспективу и правовую позицию следователя.

В четверг вечером в дежурную часть милиции обратилась гражданка Власова Ирина Никифоровна с заявлением об изнасиловании ее... собственным мужем. Дежурный, который принял заявление, долго не мог понять: чего же хочет прилично одетая женщина, еще достаточно привлекательной наружности от простого старшего лейтенанта милиции.

– Товарищ капитан!

– Старший лейтенант, пока еще, – поправил Власову дежурный.

– Ну, да, товарищ лейтенант!

– Старший лейтенант! – и дежурный поднял палец вверх.

– Да Вы выслушайте меня, пожалуйста! Ведь я к Вам пришла, чтобы Вы этого негодяя наказали. Насильник! Взял меня и изнасиловал, понимаете?

– Да, да...

– А! Ничего Вы не понимаете! Вас вот когда-нибудь насиловали, а? – Власова с какой-то надеждой посмотрела на дежурного.

– Кого, меня?

– А... Я так и знала, что сытый голодного не разумеет! Вот я Вам уже целый час повторяю, что меня изнасиловали,

причем несколько раз подряд, а Вы даже не принимаете никаких мер.

– Да Вы не расстраивайтесь, пожалуйста! Вы успокойтесь. Ведь с кем ни бывает, когда домой придешь, а тебя вдруг муж берет за уши, да как...

– Так Вы, значит, все видели?! Значит, Вы все знаете? А что же я тут сижу целый час, пытаюсь «достучаться» до Вас?

– Да нет же, нет! Все не так просто как Вы думаете. Ведь Ваш насильник – Ваш муж?

– Ну да!

– А дети у Вас есть?

– Двое. Старшему 15, а младшему скоро семь.

– Хорошо. Представим себе, что Вас изнасиловал Ваш муж.

– Что значит представим? Я же говорю Вам, что меня изнасиловал...

– Тихо! Не перебивать! Ишь!.. Ты что же думаешь, что мы тут в бирюльки играем?

– Товарищ капитан! Миленький, ну накажите Вы этого паразита, пожалуйста!

– Серега, ты чего это такой взъерошенный, а? – Монзиков участливо посмотрел на потного дежурного.

– Да вот, Саня, заявительница говорит, что ее муж изнасиловал.

– Раз изнасиловал, значит, составляй материал. Бабу – на экспертизу, мужика – сюда. Будем крутить. Этих насильни-

ков – мы быстро, да? Догнал? Я правильно говорю?

– Ох, получу я по шапке, ох получу!

– Не дрейфь! Давай бабу ко мне! Я ее быстро! Понимаешь мою мысль, а? – и Монзиков пошел к себе в кабинет.

Щеничкина печатала на машинке обвинительное заключение, а в голове у нее все время вертелось одно глухое дело, когда был убит подросток из пистолета с глушителем. Убийство произошло около 11 часов утра, в Сухобздеевском переулке. Милиция, прибывшая на место происшествия, очевидцев и свидетелей не зафиксировала. Однако все только и говорили о какой-то женщине, стоявшей на остановке автобуса и видевшей все это с начала до конца.

Монзиков плюхнулся в свое старое кресло, и тяжело уставился на заваленный бумагами старый стол. Затем достал из сейфа чистый бланк протокола допроса и...

Неожиданно раздался телефонный звонок. Ляля Михайловна сняла трубку.

– Алё. Нет, это не Александр Васильевич, это – Ляля Михайловна, да.

– А где же Александр Васильевич? Его ищет наш новый начальник отдела кадров Кефилов! – дежурный по РУВД тяжело дышал в трубку. Видимо он уже порядком потрудился, чтобы дозвониться до Монзикова. Дежурный одновременно разговаривал еще с несколькими абонентами.

– Позвать Вам Александра Васильевича? – Ляля Михайловна игриво посмотрела на Монзикова.

– Пусть лучше дует в РУВД и, чем скорее, тем лучше! – Дежурный повесил трубку и оставил Ольгу Михайловну с полуоткрытым ртом.

– Александр Васильевич! Только что звонили из РУВД, дежурный сказал, чтобы Вы срочно прибыли к новому начальнику отдела кадров Кефинову.

– Сейчас ко мне приведут одну...

– Кого приведут?

– Короче, надо ее допросить с пристрастием! Понимаешь мою мысль, а? Я думаю, что она чего-нибудь, да расскажет, я правильно говорю, а?

– Так Вы хотите, чтобы я ее поколола? – Ляля Михайловна смотрела с некоторым удивлением на Монзикова, который уже собирался выйти.

– Только учти, надо допрос начать издалека! – сказал Монзиков и вышел из кабинета.

Через несколько мгновений дверь раскрылась и на пороге появилась Власова Ирина Никифоровна.

– Ой, извините, пожалуйста, здравствуйте! Кажется, я ошиблась?! – и женщина собиралась закрыть дверь, но Ляля Михайловна спокойно ей ответила, чтобы она не волновалась, а присела бы к ней поближе для беседы.

– Вас как зовут? – Ляля Михайловна задавала вопросы совершенно невинным, ангельским голоском и быстро записывала ответы в протокол допроса.

– Власова Ирина Никифоровна!? А...

– А когда и где Вы родились?

– Простите, а для чего это Вам...

– Число, месяц, год рождения. Место рождения. Национальность, образование, – невозмутимо, продолжая писать, задавала вопросы Ляля Михайловна.

Когда первая страница протокола с данными допрашиваемой была заполнена, Щеничкина ласково заметила, что судьба сейчас находится только в ее – Власовой – руках и от того, поможет она следствию, или нет – будет зависеть очень и очень многое.

– Извините, товарищ следователь! Но я уже рассказывала там внизу Вашим сотрудникам...

– Слово к делу не пришьешь! Для этого и составляются протоколы. Понятно? А будете хамить, так мы тогда тоже, изменим свое отношение!

– Да я...

– Давайте договоримся сразу! – Ляля Михайловна стукнула своим кулачком по столу и строго посмотрела на сидевшую перед ней женщину. – Я задаю вопросы, Вы – отвечаете! Я спрашиваю, Вы отвечаете! Итак. Что Вы делали около 11 часов утра на ул. Киевской, у дома № 32, там, где остановка автобуса?

– Простите, но я что-то не понимаю? Какое это имеет отношение к моему делу?

– Во-первых, это уже давно не Ваше дело, а во-вторых, давайте не будем запираться!

– А что, он еще кого-нибудь изнасиловал?

– Не волнуйтесь! Следствие установит все. И кого, и когда, и где...

– Боже мой! Боже мой! И это человек, который...

– Давайте все по порядку, итак..., – теперь уже Ляля Михайловна перебила Власову. – Итак, я повторяю Вам еще раз свой вопрос: что Вы делали около 11 часов утра на ул. Киевской, у дома № 32, где произошло убийство подростка?

– А, Вы про тот случай, о котором недавно писали все газеты города? Да?

– Да! Ну?

– Так ведь это была Портнянская Нелли Сергеевна. Я с ней вместе работаю. Она еще несколько дней подряд все нам рассказывала и говорила, что раньше видела убийцу в кафе «Романс», которое находится рядом с нашей работой.

Уже вечером вернулся на работу подвыпивший Монзиков. Зайдя в кабинет, он застал метавшуюся из угла в угол Ольгу Михайловну, которая за это время успела допросить Власову, найти, доставить и допросить Портнянскую и, которая ждала привоза подозреваемого, чтобы сразу же провести первый допрос и опознание. Такого у нее еще не было.

– Ну, как, расколола? – спросил с нескрываемым интересом Монзиков.

– Александр Васильевич! Александр Васильевич, да Вы просто гений! – Ляля Михайловна готова была даже расцеловать Монзикова, но тут раздался стук в дверь и ввели мо-

лодого человека, так себе одетого.

Когда он проходил по коридору, то раздался негромкий женский крик. Кричала Портнянская, узнавшая в нем убийцу.

Монзиков очень быстро сообразил, что сейчас они могут с Ольгой Михайловной «расколоть» убийцу и показать все-му следственному аппарату города как надо работать! Единственное, чего еще не мог понять Монзиков, так это то, что парень сначала убил подростка, а затем еще изнасиловал женщину, которая хоть и была еще достаточно симпатичной, если не сказать более, но по возрасту скорее годилась ему в матери.

– Потапов! Зови скорее начальника отделения! Скажи, что мы нашли убийцу того подростка, о котором писали в газетах. – Ляля Михайловна курила одну сигарету за другой и в разговоре с дежурным все время затягивалась дымом.

– А самих понятых и вообще...? – живо подключился к разговору Потапов.

– Всех! Всех давай к нам! Сейчас мы его расколем и отправим в ИВС.

Через 15 минут Баранов – убийца подростка – был опознан в присутствии понятых и половины милиционеров всего отделения милиции. А еще через 30 минут он горько рыдал и что-то бормотал себе под нос. В убийстве он сознался полностью. Более того, всплыли еще две карманные кражи у иностранцев и одна краженка табельного оружия у спавшего

в пикете милиции милиционера.

Милиционер, доставивший в пикет подвыпившего Баранова, был сильно простужен и до составления протокола, решил принять таблетку аспирина-UPSA. Взяв стакан воды и бросив туда таблетку, он на несколько секунд отвернулся от задержанного, который, не растерявшись, достал упаковку димедрола и бросил поштучно в стакан к милиционеру. Когда сержант подошел и взял в руки стакан, то был крайне удивлен: на дне лежали 12 маленьких таблеток.

– Во дают, иностранцы чертовы! Пишут, что растворяется за несколько секунд, а тут вон, чудеса! Посмотри! Была одна большая таблетка, а стало 12 маленьких. Ну, и чего теперь делать, а?

– Возьми да размешай, – посоветовал Баранов.

Милиционер долго мешал таблетки, а затем залпом все выпил.

Гадость, очевидно, была еще та! Через 20 минут в пикете стоял сильный храп от лежавшего на полу сержанта милиции. Полузаполненный протокол и пистолет тогда исчезли. Милиционера из органов уволили. Никто даже не стал и разбираться. Более того, двум начальникам объявили по выговору. И это, несмотря на то, что днем раньше сержант принес больничный лист, где было зафиксировано ОРЗ. Но начальник тогда сказал, что либо он будет болеть, а затем искать себе новую работу, либо – будет работать, работать и еще раз работать и уже только потом, в свободное от службы

время, болеть. Бедняга выбрал последнее.

Когда руководство решало вопрос о наказании сержанта, то ни у кого даже не промелькнуло, что он мог быть и ни причем.

Было около 1 часа ночи, когда Монзиков и Ляля Михайловна довольные и очень усталые закрывали дверь своего кабинета.

– Да, Александр Васильевич! Ну и денек у нас с Вами выпал!? – Ляля Михайловна была вне себя от счастья.

– Да, кстати, а ведь меня, наверное, скоро на другую работу переведут. Сегодня был у Кефинова, и он дал понять, что... – но договорить Монзиков не успел. Щеничкина с такой грустью смотрела на Монзикова, что могла бы запросто сыграть в кино роль беременной слонихи, которую разлучили с семьей и заточили в клетку для кролика.

– Александр Васильевич, неужели же Вы, после такого успеха, сможете нас бросить? Неужели же..., – но дальше говорить она не смогла из-за нахлынувших на нее внезапно слез. Раздавались лишь сильные рыдания и громкие вздохи, которые снова и снова переходили в женские охи и частые всхлипывания.

А счастье было так близко, так близко!

– Владимир Николаевич! Здравия желаю! Вызывали?

– А, Александр Васильевич!? Как хорошо, что Вы пришли ко мне. Видите ли, у меня есть к Вам маленькая просьба личного характера. Только прошу Вас, никому ни слова! – Кефилов поднес к губам палец, и заговорщически посмотрел на Монзикова.

– Владимир Николаевич! Вы же знаете, что я ничего никому не скажу.

– Александр Васильевич, меня вызвал сегодня сам, – и Кефилов поднял вверх указательный палец правой руки, – начальник, и говорит, что стихи мои ему очень и очень понравились.

– Какие стихи? – Монзиков непроизвольно состроил такую физиономию, как будто съел кислый-прекислый лимон. Он никак не мог включиться в разговор.

– Ох, ну как же какие!?! Ну, те, которые мы с Вами тогда написали, помните?

– А-а, те, ну да, конечно?! – и Монзиков стал оглядываться по сторонам.

– Да Вы не волнуйтесь. Сейчас мы с Вами закроемся! С руководством я уже все согласовал. Начнем, да?

– А зачем нам закрываться? – Монзиков с удивлением

взирал на Кефилова.

– Ну, как же! Ведь нам надо написать прекрасную поэму для нашей газеты «Криминал», с редактором которой есть договоренность. Наш начальник сказал, что уже сегодня он ему привезет новую поэму.

– Можно позвонить?

– Можно, конечно можно! Вам все можно! – Кефилов закрыл дверь кабинета на два замка, достал бутылку водки и три бутылки пива. Затем из шкафа, что стоял в углу его нового отдельного кабинета, извлек остатки от докторской колбасы, пол-огурца, плававшего в трехлитровой банке и надкусанный батон.

Разгон начали с водки без закуски. И только после третьего тоста, когда бутылка была распита – пили из граненых стаканов – и на столе оставались лишь крошки да окурки от монзиковских папирос, поэты перешли к пиву. Именно под пивом и родились прекрасные строки, которые Владимир Николаевич каждый раз надиктовывал по селектору своему подчиненному.

В. Кефилов ***Тяжелые милицейские будни***

*Наша служба и опасна и трудна,
И работа наша тоже не легка.
Если вдруг порой раздастся где-то взрыв,*

Значит, это прогремел коварный взрыв.

*И тогда наряд прибудет очень скоро,
Всех задержит, и преступников найдет!
Верьте нам, что будет очень здорово,
Если криминал из города уйдет.*

*Все устали, нервы уж ни к черту!
Сколько можно в прятки всем играть?
Эй, бандиты! Не собьете вы нас с толку!
Руки вверх! А то начнем стрелять!*

*Обыватель, не грусти, не надо!
Не роняй слезу за воротник,
Лучше помогай бороться с гадом!
Выходи и залезай на броневик!*

*Будем бить совместно всех бандитов,
Чтобы легче стало всем дышать.
И тогда на деньги от кредитов,
Мы построим рай и благодать.*

*Тяжела работа у милиции,
Нет ни счастья, ни восторга от нее.
Это – как у западной полиции,
Только тяжелее, все равно!*

Кефиоров был настолько счастлив, что даже не заметил, как в творческом порыве выпил не только весь огуречный

рассол из трехлитровой банки, но и сгрыз два новеньких карандаша.

Через два дня, на второй полосе, шедевр Кефилова был опубликован. Уже вечером сначала в редакцию газеты «Криминал», а затем и в ГУВД начали звонить граждане. Все звонки «сводились» к тому, что в милиции сейчас много случайных людей. Что есть оборотни, есть психически ненормальные. И очень важно, чтобы руководство видело таких людей, и избавлялось от них.

Каждый звонивший интересовался наличием медицинского освидетельствования, или, проще говоря, медицинской комиссии, которая должна выявлять всех придурков и шизиков. Но что интересно, так это то, что все без исключения полагали, что автор стихотворения Кефилов – психически ненормальный человек, которого обязательно следует не только уволить из органов, но и изолировать от общества.

История эта была бурной и с очень печальным концом. Весь груз, вся тяжесть испытаний злого рока судьбы пала на плечи... Монзикова. Да, да! Начальник РУВД отрекся от своего Кефилова, а тот в одночасье забыл, что Монзиков – один из самых результативных следователей не только РУВД, но и всего города.

Монзикову предложили написать рапорт на увольнение по собственному желанию.

Часть вторая

Для чего писатели берут эпиграфы, цитаты? У них что, не хватает собственных идей, эрудиции? Или это – веление времени, или это – т. н. социальный заказ? Или их мысли совпадают с идеями классиков? На этот вопрос никогда и никто не давал и не сможет дать однозначного, правильного ответа. Вместо эпиграфа ко второй части я попытался лишь предположить, что у Александра Васильевича Монзикова началась структурная перестройка, его жизнь круто изменилась. И действительно, у каждого человека в жизни бывают определенные вехи, этапы, которые оказывают решающее воздействие не только на него самого, но и на окружающих его людей, и, прежде всего – на его родных и близких.

Мне бы очень не хотелось, чтобы, читая этот роман, Вы, дорогой читатель, лишь пытались узнать в его героях прототипы своих знакомых и близких. К сожалению, должен оградить Вас от подобных попыток, поскольку дело это – утомительное и бесперспективное. При этом следует помнить, что на Земле хороших людей – немало! А плохих? А «ни рыба, ни мясо»? А в абсолютных и в процентных величинах?

Сегодня многие писатели показывают внутренний мир бандюганов, политиков, артистов... А ведь есть и другие ко-

лоритные фигуры, окружающие нас в нашей повседневной жизни. Это и взяточники всех мастей, и болтуны, и шарлатаны, и просто лодыри и бездельники. Так что же теперь с ними со всеми делать, а? Писать о них романы, прославлять их черные дела? А будет ли это интересно хоть кому-либо из читателей, кроме близких их врагов и потенциальных недругов?

Ни на один из перечисленных выше вопросов, я, дорогой мой читатель, ответить ни сегодня, ни завтра не смогу. И не потому, что у меня скудоумие или дефицит кругозора, а потому лишь, что только правда может быть полезной и интересной. И я готов поклясться самым дорогим, что только есть у меня на свете, что все факты, описанные не только в этом романе, но и в других моих произведениях имели место быть. Фамилии, безусловно, могли быть искажены. Имена и города – вымышлены, но факты все без исключения взяты из нашей жизни.

И если мои герои Вам не симпатичны, то это лишь от того, что Вы чем-то на них похожи. Горькая правда еще никого не радовала и никогда не была бальзамом для души и сердца.

Должен признаться, что в этом романе я постарался по мере своих сил максимально, насколько это возможно без ущерба для всего произведения в целом, отойти от политики, лирических отступлений, ненормативной лексики и многословных описаний природы. Насколько мне это удалось –

судить Вам, мой дорогой читатель.

Вторая и третья части романа выгодно отличаются от первой, которая была написана за четыре дня и три ночи, на одном дыхании. Вторая часть создавалась несколько сложнее, т. к. было очень много рутинной работы. А вот третья часть оказалась настоящим шедевром кулуарно-кейного творчества. Дело в том, что с Монзиковым я уже больше не встречался, и дальнейшая судьба его мне, к великому сожалению, досконально не известна. Забегая вперед, скажу лишь, что в конце 2004 г. Александр Васильевич выехал на Украину, где активно включился в политическую борьбу, для чего еще загодя стал изучать украинский язык. Несколько раз его видели в Киеве на Майдане Незалежности. Но что он делал в толпе сторонников Виктора Ющенко, никто не знает. Затем ходили слухи, что он пытался заняться бизнесом, для чего предпринял попытку создания транснациональной корпорации по международной торговле салом и горилкой. Но то ли сало быстро закончилось, то ли горилка – так никто толком и не знает до сих пор. Только известно, что в России его теперь не найти и связь с ним, скорее всего, утратилась навсегда...

Новая жизнь

Уволился Монзиков за одну неделю. Когда начал устраиваться на гражданке на работу, то заметил, что куда бы он ни обратился, везде ему отказывали, узнав о его двадцатилетней службе в «ментовке». Отказывали по-разному. Одни – смотрели в глаза невинным лучистым взором, другие – смотрели в сторону. Некоторые имитировали заинтересованность и записывали на листочек координаты и данные Монзикова.

Теперь уже бывшие сослуживцы стали вдруг чураться и сторониться Александра Васильевича. Даже с Анечкой и Катериной стали происходить какие-то метаморфозы. И вроде бы все и всё как прежде, да вот незадача – результаты стали диаметрально противоположными.

Пенсия была у Монзикова небольшой – 50 % от должностного оклада и звания. Силы и желание работать – ещё были.

И вот, стоя как-то в очереди приемного пункта посуды, Монзикова осенило, что самое главное в этой жизни – занять свое место под солнцем, занять свою нишу.

«А что, если пойти работать в адвокатуру, а?» – подумал Монзиков. И ему вдруг на душе стало так спокойно и радостно, что он даже не заметил, как сдал две сумки бутылок, получил деньги и вышел на улицу. Состояние было необычным.

На следующее утро, надев милицейскую форму – китель без погон с «гражданскими» пуговицами и брюки с выпоротым кантом, перекрашенную в черный цвет рубашку, Монзиков направился в городскую коллегия адвокатов. Поднявшись на третий этаж старинного особняка в центре города, Монзиков увидел предмет своего желания. По длинному коридору мимо охранника сновали взад-вперед адвокаты. Тут же велась торговля юридической литературой по ценам выше рыночных раза в два-три. Прямо в коридоре сидели клиенты, которые с надеждой ожидали своих спасителей – адвокатов. Непрерывно звонили телефоны, кто-то кого-то искал, спрашивал. Была обычная деловая суета.

Монзиков, не долго думая, вступил в разговор с охранником.

– Скажи, пожалуйста, а где здесь самый главный? – спросил Монзиков, продолжая оглядываться на снующую публику.

– В конце коридора – приемная президента, – невозмутимо ответил охранник.

– А как его зовут? – и Монзиков достал ручку с блокнотом.

– Иван Петрович Садков. Но если Вы к нему, то надо записаться на какой-нибудь день и время у секретаря или управляющего делами.

– А как зовут этих, ну, как их там? – Монзиков пытался вспомнить нужные слова, но на помощь опять пришел

охранник.

– Секретаря – Наташа, а управляющего делами – Иван Алексеевич. Его Вы сейчас легко застанете.

– Ага, спасибо! – и Монзиков направился в приемную.

– Здравствуйте, Наташа! А где Иван Алексеевич?

– Иван Алексеевич у... – несколько растерянно начала отвечать Наташа.

– А, у Ивана Петровича, да? – подхватил Монзиков.

– Да. – Наташа пребывала в легкой растерянности. Лицо Монзикова ей было абсолютно незнакомо, но что-то ей напомунало о недавнем инциденте, который произошел с ней на улице. Утром, среди бела дня, когда толпы народа переходят улицу как попало и где придется, к ней пристал средних лет гаишник и стал требовать оплаты штрафа за переход улицы по красному сигналу светофора. Девушку он довел до слез, штраф получил, квитанцию не дал.

– Если меня кто-нибудь будет спрашивать, то скажите, что я у Ивана Петровича. Пусть ждут! – Монзиков решительно открыл дверь и оказался в большом зале, в котором легко можно было бы играть в волейбол или даже баскетбол. Вдали стоял большой дубовый стол с зеленым сукном, за которым величественно восседал Иван Петрович. Прямо по центру стола был приставлен небольшой столик – банкетка – длиной метра 3-4 и шириной около 1 метра. Слева и справа от Президента были выстроены в длинную линию дорогие черные с тефлоновым покрытием офисные столы. Удобные

кресла, пепельницы и стаканчики с минералкой свидетельствовали о том, что все важные события происходят именно здесь. И событий этих, судя по всему, было предостаточно.

– Вы кто? – спросил Иван Петрович.

– Юрист Монзиков, Александр Васильевич. Хочу работать у Вас в коллегии. – Монзиков спокойно смотрел на Президента.

– А как Вы сюда зашли? Вы разве не знаете, что существует особый порядок, и исключений я ни для кого не делаю.

– Дело в том, что у меня есть очень выгодное для Вас предложение. Понимаете мою мысль, а? Мы можем очень и очень неплохо заработать на одном дельце. – Монзиков не дожидаясь приглашения, присел за банкетку и начал доставать какие-то бумаги, документы из своей старой, выдавшей виды планшетки.

– Уважаемый...

– Монзиков, Александр Васильевич, – быстро вставил в многообещающую речь Ивана Петровича.

– Так вот, Александр Васильевич! Вы, если не передумаете, запишитесь, пожалуйста, ко мне на прием. В часы приема мы с Вами все и обсудим, хорошо? А сейчас – до свидания! Иван Алексеевич, проводите, пожалуйста, нашего коллегу. – Президент говорил спокойно, не спеша.

– Нет, Вы меня неправильно поняли! Не надо ждать приема. Можно прямо сейчас. Вот послушайте. Я получаю у Вас удостоверение и зарплату, и организую работу Вашей колле-

гии по нескольким направлениям, понимаете мою мысль, а? Зарплата моя будет чисто символической, пару-тройку миллионов плюс гонорар от каждого дела, которое я буду себе оставлять, плюс всякие там консультации и т. д. – Монзиков хотел, было сказать что-то еще, но его перебили.

– Иван Алексеевич! Попробуй-ка срочно созвать президиум.

– Прямо сейчас? – с изумлением спросил молодой управделами.

– Да! И, побыстрее, пожалуйста! – Иван Петрович встал из-за стола и подсел к Монзикову. Достал пачку дорогих сигарет, зажигалку и предложил Александру Васильевичу.

– Если будете выходить на улицу, то купите, пожалуйста, «Аргументы и Факты»! – бросил Монзиков вдогонку выходящему из президентских апартаментов управляющему делами.

– Александр Васильевич! А какие у Вас с собой есть документы?

– Диплом, паспорт, трудовая книжка, выписка из приказа.

– Знаете, в нашей коллегии работает ни одна сотня адвокатов, но таких как Вы, еще не было!

– Это – да! Кстати, есть у меня несколько хороших друзей из следствия, которые могут за вознаграждение подбрасывать клиентов. Догнал, а?

– Александр Васильевич! У любого адвоката есть такие следователи! – и Иван Петрович, вставая, дружелюбно по-

хлопал Монзикова по плечу.

Через 40 минут состоялся внеочередной президиум коллегии адвокатов. Решался один, но важный вопрос – прием в члены коллегии адвокатов Монзикова Александра Васильевича.

Через два часа, после заседания, молодой адвокат Монзиков звонил от секретаря Наташи к себе домой. Икая от счастья, Александр Васильевич жене сообщил радостную новость, – он стал адвокатом.

Первое дело Монзикова

На следующий день Монзиков пришел на свою новую работу. Он сильно удивился, увидев среди адвокатов бывших сотрудников милиции. Несмотря на то, что в следствии он проработал недолго, многих он узнал безошибочно.

Не долго думая, Александр Васильевич подошел к Власикову и фамильярно хлопнул его по плечу.

– Здорово! – восторженно приветствовал Монзиков бывшего коллегу по 34-му отделению милиции. – Давно здесь?

– А, Монзиков!?! – не то обрадовано, не то с легким испугом произнес Власиков. На лице застыло жалкое подобие улыбки бегемота.

Представьте себе толстого, очень сального индийского бегемота трехлетку. А теперь мысленно сделайте из него Власикова. Все-таки работа в милиции стороной фигуру не обходит. Не только гаишники, но и доблестные следователи, овиловцы и многие другие специалисты очень любят вкусно поесть, на халяву, разумеется. А к этому делу надо добавить винцо, водочку, пиво. И так каждый божий день, из года в год. Ну, разве что в месяц случается один-два выходных. Либо жена не дает, либо организм не принимает. Он ведь не железный! Вот и растет трудовая мозоль, вот и «обабивается» мужицкая задница. От постоянного безделья трудовые навыки, если они когда-либо были, утрачиваются

напрочь.

Кто самый несчастный? Это уволенный без пенсии милиционер. На службе он имел власть, деньги, халяву. А на гражданке – власть, но у его начальника. Деньги, которые надо еще суметь заработать. Халява теперь уже в прошлом. Халява кончается тогда, когда изымается красная книжечка, называемая служебным удостоверением. Самые счастливые мгновения обволакиваются в прозаические радости, которые случаются сначала нечасто, потом редко, а затем и вообще пропадает всякое желание смотреть на окружающий нас мир и просто радоваться жизни. Радоваться тому, что ты есть. Что есть солнце, что есть небо, есть деревья и озера. Что есть жизнь. Ходят среди нас такие уродцы и ворчат, ворчат, ворчат. От малого достатка вместо былого роскошного животика и холеных щечек с детским румянцем остаются, как правило, складочки и морщиночки. Вместо уверенной и горделивой поступи появляется услужливость и покорность. Иногда, но редко, походка делается не в меру наглой. И стоит только нарваться на какого-нибудь лихого парня, как вся крутизна исчезает в один миг. Ведь за душой-то ничего-то и нет.

Душа болит постоянно, а голова – гораздо реже. Некоторые полагают, что это – от полного отсутствия всякого присутствия. Другие считают, что просто нечему болеть. Не знаю, кто прав, кто ошибается!? Могу сказать только одно, что лица у большинства из «бывших» не обезображены ин-

теллектом. Зато вместе с ущербностью всегда есть какая-то желчность, неудовлетворенность. Большинство бывших всегда винят своих врагов. Кто же вдруг станет искать причины в себе?

Власиков уволился из органов примерно с полгода тому назад и теперь вел только уголовные дела. Он находился в таком состоянии, когда клиенты еще не шли к нему табуном, а редкие телефонные звонки не давали надежд на потенциальные договоры и хорошие заработки. А ведь как только адвокат заключил договор, так сразу начинается процесс доедания. Сначала идет предоплата, затем появляются транспортные и прочие расходы, затем, вдруг, оказывается, что дело-то весьма и весьма сложное и требуется дать одному, другому, третьему. Список берущих часто превышает разумные пределы в 20-30 раз. И тогда клиент начинает «соскакивать», т. е. уходить в кусты, или, проще говоря, отказывается от адвокатских услуг. Возникает паника. Адвокат начинает запугивать клиента. Бывают даже случаи, когда испуг переходит в инфаркт. Вот интересно, а бывает наоборот? Еще как бывает!

И было все это в середине 90-ых. Еще не было 18 августа 1998 г., когда киндер-сюрприз прилюдно констатировал бессилие власти и финансовую несостоятельность правительства. Именно тогда полным ходом шла прихватизация. Малиновые пиджаки, пейджеры были также модны как нынче мобильные телефоны и DVD.

Но об этом Монзиков пока ничего не знал. Он знал лишь то, что ему позарез нужны были деньги. Пенсия-то откололась мизерная, по его представлениям, а желания его всё росли и росли.

– Серега! Ну, как оно ничего? А? – Монзиков радостно улыбался, ковыряя левым мизинцем в ухе.

– А у тебя что? Проблемы? – Власиков уже начал было радоваться потенциальному клиенту, т. к. знал, что просто так в коллегию никто не приходит.

– Ха, это у тебя я вижу проблемы! Я правильно говорю, а? Кстати, если тебе нужен хороший адвокат, то имей ввиду меня! Догнал?

В одну-две секунды, максимум в три, Власиков посерьезнел и стал периодически, важно и старательно надувать щеки. Нет, он не тужился. Вовсе нет. Только выглядело все весьма и весьма нереально. Представьте себе хомяка, прожевавшего все защечные запасы. Во рту – ничего, а щеки – висят за спиной, болтаются. И чтобы они не били по шее, приходится постоянно их надувать. Надул – выдул, надул – выдул и т. д. Вид у барсука солидный, важный. Но выдают бегущие по сторонам глазки, ищущие какую-нибудь добычу.

Власиков отличался тем, что старался изобразить полное равнодушие. Корм искал уже крохотный мозг. Трудно себе представить, но мысли скакали с одной извилины на другую, постоянно спотыкались, падали. Мозговая суета отражалась на глазах, губах, кончиках пальцев рук.

У Монзикова возникшая надежда быстро подзаработать на Власикове начинала крепнуть. Однако отвердеть она так и не успела.

– А у тебя, случайно, нет лишнего клиентика по убийству или групповухе? – Власиков как-то робко поинтересовался у Монзикова.

– Да ты чего? Я сам хочу взять сегодня пару-тройку дел, чтобы денжат срубить по-легкому.

И тут у Власикова родилась коварная мысль. Он решил сыграть с Монзиковым нехорошую шутку. Вот уже несколько дней подряд в коллегию приходит одна пенсионерка, проживающая в коммуналке. С соседями она судится по всяким пустякам. Одевается всегда очень солидно, респектабельно. Говорит красиво, правильно. Одним словом, располагает к себе с первой же минуты. И бедные адвокаты – те, что из молодых – клюют. Заключают договоры. Но что интересно, денег с бабульки они не получают, а работу делают. Когда начинают понимать, что с нее денег им не получить, расторгают договор. Иногда бабуля жалуется, иногда – нет. Когда как.

И вот Монзикова подвели к этой бабуле.

– Ну, здравствуй, рыбонька! – Монзиков погладил по голове бабулю так ласково, что хотевшая было закричать, бабуля только разинула челюсть, да так и осталась стоять с раскрытым ртом. Когда оцепенение прошло, бабуля чуть заикаясь что-то пролепетала: то ли здравствуйте, то ли еще что-то.

– Извините, пожалуйста, а Вы – адвокат? – бабуля начала приходить в себя.

– Да! А ты как думала? Давай лучше потолкуем о твоих делах! Ну, давай, выкладывай.

Монзиков очень быстро сориентировался: взяв галантно бабулю под руку, вошел в чуть приоткрытую дверь небольшого, но хорошо обставленного кабинета, и сев на здоровенный, черный стол, достал пачку сигарет и спички. Пятая попытка зажечь спичку не увенчалась успехом и Александр Васильевич начал ею чиркать по абсолютно чистой тефлоновой поверхности стола. Когда сломались несколько спичек и на столе появился от них большой белый след, Монзиков подошел к окну и что-то, бормоча себе под нос, повторил чирканье уже по стеклу. Убедившись в тщетности процедуры, Александр Васильевич достал несвежий носовой платок и смачно высморкался. Наступила пауза, которая была прервана радостным криком адвоката.

– О! Нашел! – Монзиков, сев за стол, увидел рядом с пепельницей новенькую зажигалку.

– Простите, пожалуйста! А Вы берете гражданские дела? – как-то нерешительно спросила бабуля.

– Да я все беру. Ну, ладно, давай, выкладывай, что там у тебя? – Монзиков откинулся назад, пуская большие клубы дыма в потолок.

– Видите ли, я живу в коммунальной квартире, и мои соседи все время пытаются меня изжить. Более того, каждый

день они повторяют мне, что я, мол, старая карга, должна свою комнату отдать им, т. к. все равно скоро помру. Хотя мне уже нимало лет, но... – договорить бабуля не успела.

Монзиков, затушив сигарету, насмешливо глядел на своего первого в жизни клиента.

– Короче! Либо ты мне говоришь кратко суть дела, и мы заключаем договор, либо я пошел к другому клиенту. Видела, сколько народу меня ждет?

– Подождите, подождите, голубчик! Ведь Вы поймите меня, пожалуйста, ведь я же так волнуюсь, что у меня... – бабуля даже привстала и собиралась подойти к Монзикову, но Александр Васильевич жестом правой руки преградил ей дорогу и опять бесцеремонно прервал.

– Все! Баста. Давай так, нужна тебе моя помощь?

– Конечно, конечно!

– Готова заключать договор?

– Готова, готова! Ради бога, не бросайте меня, пожалуйста. Я все сделаю, как Вы скажете. – Бабуля впервые в жизни видела столь решительного мужчину, который, видимо, быстро расколочил замыслы старой пройдохи.

– Значит так! Деньги в кассу, культурку в массы! Понимаешь мою мысль, а?

– Простите!?! Как Вы сказали?

– Сейчас заключаем договор и ты платишь деньги, после чего начинаем базар-вокзал. Лады? – и Монзиков решительно направился к выходу за бланком типового договора на

оказание правовой помощи доверителю, т. е. клиенту.

Не прошло и трех минут, как Монзиков вернулся с двумя листками бумаги и с силой закрыл дверь, бросив в пустоту коридора ставшую впоследствии знаменитой фразу – «Ждите и не нервничайте! Войдете, когда выйдет клиент!»

Монзиков решительно сел за стол и начал внимательно заполнять договор, опуская непонятные фразы и термины. Заполнив графы: *Фамилия, Имя, Отчество*, Монзиков сразу перешел к разделу *Оплата услуг*.

– Так, значит, для начала напишем пару лимонов, да?

– Простите, что напишем? – бабуля вдруг начала лихорадочно ломать пальцы.

– Или нет. Давай запишем четыре. Понимаешь, половина останется, а половина пойдет мне. Я правильно говорю, а? – и Монзиков начал аккуратно выводить цифры.

– Простите, а что Вы сейчас пишете?

– Что? Что? Договор! Вот что! – Монзиков никак не мог сформулировать суть своих услуг.

Недолго думая, Монзиков кратко и емко записал: *правовая помощь бабушке*.

– Так, давай, ставь свой автограф и иди платить в кассу. После оплаты зайдешь и покажешь. Поняла?

И тут произошло чудо. Бабуля сначала поняла, что если она не заплатит, то с ней просто никто не будет разговаривать. Затем она представила сумму в 4 млн. рублей, и только потом она смогла чего-то промямлить.

– Видите ли, у меня таких денег нет.

– Ха! На нет, и суда нет! Я же сказал, что на перспективу я не работаю. Кому нужна помощь? Тебе или мне? Догнала? Я правильно говорю, а?

– Да, но...

– Все! Когда будут деньги, приходи! – Монзиков скомкал исписанный договор и, открыв дверь, громко спросил: «Ко мне есть кто-нибудь? А, ну давай, заходи».

Бабуля в растерянности, глядя на скомканный договор в мусорной корзине, бросала искрометные взоры то на Монзикова, то на вошедшего «нового русского». Такого с ней еще не было.

Выйдя из кабинета, бабуля прочла табличку на двери:

***ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ
КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ***

САМОХИН НИКОЛАЙ ФОМИЧ.

Теперь читателю понятно, почему к Монзикову стояла живая очередь?

Дверь в кабинет Самохина была оставлена открытой из-за забывчивости уборщицы тети Гели, которая, торопясь к внуку, забыла ее закрыть и вынуть из замка ключ. Сам Николай Фомич уехал в Архангельск по очень сложному делу –

защита молодого армянина, который обвинялся в убийстве троих молодых женщин.

Когда бабуля вернулась в коллегия с деньгами, а случилось это через три часа, Монзиков заключил семь (!) договоров на общую сумму в 15 млн. рублей. На каждого клиента Монзиков тратил не более 20 минут. Договоры заполняли сами граждане. Монзиков только расписывался и подкалывал квитанции.

Когда бабуля вошла к Монзикову с квитанцией на 4 млн. рублей, то особого восторга на лице адвоката она не увидела. Однако Монзиков позволил ей сесть на прежнее место и предложил в пяти-шести фразах изложить суть проблемы.

– Понимаете, Николай Фомич, я обратилась к Вам за помощью, т. к. ... – договорить бабуля не успела. Монзиков несколько вяло, но очень отчетливо ее перебил.

– Во-первых, я – Александр Васильевич Монзиков. Во-вторых, я же говорил тебе, что надо говорить только суть! Давай.

– Ой, простите! Александр Васильевич, месяц тому назад у меня пропали золотые часы, а спустя еще день – исчезли золотые сережки. Ко мне никто не заходит. Значит, это сделали соседи. Тем более что они говорят, что если у меня начали пропадать вещи, значит надо мне из комнаты моей выметаться. Не то пропадут и зубы вставные. Представляете, какие хамы?

– А ты в милицию ходила?

– В милиции заявление не приняли, а сказали, чтобы я лучше закрывала дверь на замок. Что это, мол, наше, семейное дело и нам самим надо разбираться. Сказали, что если кто из соседей и взял, то, мол, это не так и страшно, потому что какие бы соседи ни были, а соседи – это почти как родственники, т. е. не посторонние.

– Короче, чего ты хочешь? А?

– Я хочу, чтобы Вы наказали этих мерзавцев, потому что...

– Все, понятно! Пошли.

Монзиков вышел с бабулей на улицу и стал ловить такси. Дорога до бабулиного дома заняла 10 минут или 15 тысяч без счетчика. Бабуля даже крикнуть не успела, как Монзиков уже вышел из машины и пытался стрельнуть у прохожего огонек.

Поднявшись в квартиру, Монзиков заметил, что время сейчас самое подходящее – 3 часа дня, т. е. все на работе. Не снимая ботинок, Монзиков зашел на кухню, открыл холодильник и решительно взял бутылку пива.

– Ой! Это не мой холодильник! Это же Павла Васильевича! Вы что? Он же будет ругаться!

– А он у тебя брал что-нибудь, а?

– Я думаю, что он то и украл, т. к. он самый наглый из всех!

– Ну, значит правильно у меня выбор пал на Пашку-какашку! – Монзиков открыл пробку о край холодильника и

залпом опустошил бутылку. В холодильнике стояло еще три бутылки. Их постигла та же участь.

– Ой, что же теперь со мной будет, а? – бабуля стояла бледная-пребледная. Руки дрожали, на глаза наворачивались слезы.

– Не плачь, старушка, все путем! – Монзиков достал из холодильника две баночки красной икры, пачку масла. – Сделай-ка лучше бутербродики. Эх! До чего же я люблю пивко икоркой заесть! Да, а где конура этого придурка?

– Они занимают две комнаты, – и бабуля подвела к ним Монзикова.

Монзиков недолго думая, подналег на дверь своим плечом. Как ни странно, дверь поддалась и отворилась. Зайдя в комнату, Монзиков сразу же увидел лежавшие в хрустальной вазочке бабулькины драгоценности. Бабуля находилась в предынфарктном состоянии. Мысли так и путались в ее несчастной головушке. Она пыталась представить себе встречу с Павлом Васильевичем, который вот-вот, с минуты на минуту, должен был прийти домой. Она пыталась представить свою дальнейшую жизнь сначала в своей комнате, а затем вообще, абстрактно. Но ничего у нее не получалось. Слезы текли ручьем. Тихо плача, бабуля присела на стоявший у входа стул и вдруг с остервенением начала грызть аккуратно покрашенные ногти.

Тем временем Монзиков вытащил из шкатулки обручальное кольцо – вероятно, оно принадлежало главе семьи Па-

ше, – затем оттуда же извлек золотую цепочку грамм на 350, а потом достал золотой портсигар, в котором лежали новенькие сто долларовые 12 купюр.

– Так! Со мной пойдешь или подождешь меня здесь?

– Здесь я уже оставаться больше не смогу! Придется идти с Вами... А куда мы пойдём? – бабуля, казалось, одной ногой стояла в могиле, а другой выбивала стул, на котором стояла с петлей на шее.

– Да чего ты боишься? Все будет оккейно!

Через два часа Монзиков с бабулей опять зашли в квартиру. Все жильцы были в сборе. Обсуждался главный вопрос: почему не идет милиция?

– А!?! Вот и наша старая карга приперлась! Видишь, кража у нас!?! – Павел Васильевич почему-то Монзикова сразу не заметил, а когда увидел, то как-то виновато спросил, – А Вы, товарищ, из милиции будете?

– Я тут буду жить! Только еще не решил: с бабулей или без нее, ХА-ХА-ХА! – Монзиков подошел к Павлу Васильевичу – владельцу двух коммерческих ларьков, которые приносили то доход, то одну головную боль – и неожиданно для всех крепко схватил того за щеку. Потрепав чуть-чуть щеку, Монзиков хлопнул ошалевшего от такой наглости мужика по животу и, повернувшись к стоявшей рядом женщине спросил, – А эта жаба – твоя чувырла?

Ситуация несколько походила на одну известную интермедию Аркадия Райкина, которая мастерски показала в свое

время как надо бороться с хамством и бескультурьем в коммунальной квартире. Однако разница была еще и в том, что Монзиков, вдруг, перешел на сплошной уголовный жаргон. Жесты его были настолько красочны, а слова настолько емки, что все три семьи, не считая бабули, вдруг сразу поняли, что в дом пришла беда. Когда же Монзиков сказал, что все вещи из комнаты взял он и деньги, вырученные от их заклада в ломбард пропил с корешами, которые вот-вот должны прийти к нему, Галина Ивановна – жена ларечника Паши – упала в обморок. Паша, видя перед собой наглого до безобразия и уверенного в себе мужика, как-то сник и на все уже глядел глазами немого зрителя.

Из оцепенения всех вывел звонок в дверь. Это пришел участковый милиционер. А теперь – самое невероятное. Участковым был никто иной, как бывший гаишник, отработавший с Монзиковым в одном взводе два с половиной года. Увидев друг друга, они стали обниматься.

– Витек! Слушай, пошли на кухню, трахнем пивка. А потом я помогу тебе доставить в отделение этого уroda – украл у старухи драгоценности. – Монзиков для большей убедительности замахнулся и готов был ударить локтем обалдевшего Павла Васильевича, но участковый его сдержал.

Через час на кухне слышны были русские песни и звон стаканов. Галина Ивановна суетилась у плиты, готовя очередное блюдо для родной милиции и будущего квартиранта. В тоже время Павел Васильевич пытался отремонтировать

дверной замок, но инструмент то и дело выпадал у него из рук. Бабуля сидела в своей комнате и тупо смотрела на стенку. Плакать или что-либо еще делать она больше не могла – не было сил.

В тот день Монзиков ночевал у бабули, вместе с участковым и еще двумя милиционерами, которые зашли за участковым, не выходящим из адреса более 2-ух часов. Милиция спала на больших двуспальных Пашкиных кроватях, Монзикова положили к другим соседям. Бабуля спала как обычно одна. Все остальные соседи всю ночь провели на кухне, обсуждая один вопрос – Что делать?

К утру было принято решение – собрать какие только возможно деньги и купить бабуле однокомнатную квартиру.

Утром, приняв холодный душ, плотно позавтракав, Монзиков поехал на работу, в коллегия адвокатов, где его ждали новые клиенты. Ключ от кабинета Самохина был при нем. Единственное, что ему не нравилось, так это то, что он слабо помнил в интервале с 18⁰⁰ вчерашнего вечера до наступившего затем утра.

Эта история была со счастливым продолжением. Бабуле купили шикарную однокомнатную квартиру в престижном районе города. Помогли даже переехать и перевести вещи. А бабуля, спустя месяц после переезда, пришла к Монзикову и подарила ему золотую зажигалку с выгравированной на ней надписью: *Самому прекрасному, решительному и справедливому мужчине – адвокату Монзикову от его благодар-*

ного клиента – Валентины Николаевны Пырьевой.

Эту зажигалку Монзиков велел жене своей беречь также, как и их обручальные кольца. Ведь она была связана с его первым успехом, за которым последовали и другие удачные дела.

Дело Монарцика

Как-то ранним июньским утром капитан первого ранга запаса Монарцик Виталий Сергеевич пришел в коллегия адвокатов, где уже несколько месяцев более чем успешно работал Монзигов Александр Васильевич. Заняв в углу коридора «тихое место», он с неподдельным интересом наблюдал за началом рабочего дня. А начало у адвокатов, как ни странно, начинается после 12⁰⁰.

Интересно, есть масса профессий, где люди реально работают не отведенное законом время, а лишь его часть. Например, милиция эффективно работает до обеда. Кстати, обед у доблестного, отслужившего более 5 лет, милиционера никогда не бывает 45 мин. Обед либо есть, либо его нет. Даже те сотрудники, которые работают с гражданами и привязаны к расписанию, умудряются не соблюдать трудовую дисциплину.

Кто не бывал в МРЭО ГАИ, где сотрудники сидят, точнее – восседают за перегородкой, и, где граждане с ними общаются только тогда, когда им это разрешат?! А паспортно-визовая служба? А есть ли вообще подразделения, где идеальный порядок и где действительно все делается для людей? А что, только в милиции бардак? Или медики не без греха? Или работники жилконтор со своими ремонтниками качественно обслуживают население? А дороги?

А есть ли вообще хоть что-нибудь хорошее в этой жизни? А как же! А природа? А наши дети? Да надо быть просто уродом, чтобы не видеть все то хорошее, что окружает нас с самого рождения и до последнего вздоха в этой бременной жизни... Да, уродов у нас немало. Не надо брать в расчет инвалидов, которые в большинстве своем живут отдельным своим мирком. 18 млн. на 140 млн. Это – нормально? Это – жизнь, это наша действительность. Не бог определяет нам судьбу, а мы сами. Пусть мне все верующие приведут десятки, тысячи примеров божьего промысла, но я все равно буду считать Человека – венцом разума и созидания.

Самое обидное, что собственное бессилие, лень и необразованность многие пытаются не только скрывать и оправдывать, но и всячески обосновывать, ссылаясь на Высшую Силу, на Бога или Аллаха, что в принципе одно и то же. Человечество находится лишь в самом начале своего развития и впереди у него – масса свершений. И нельзя ответить на все вопросы сразу. Так не бывает. Так не может быть, чтобы не было тайн, загадок...

Вот для меня, например, многое из того, что случилось с Александром Васильевичем, было загадкой. И его быстрое перерождение, его переквалификация – это всё звенья одной цепи. И лишь когда все выстраивается в одну линию, в одно целое, тогда только находится объяснение поведения, поступков и Монзикова, и других героев романа века.

А почему романа века? Да потому, что пройдут годы и

многих из героев уже не будет в живых. Изменится общество, изменится и качество жизни. И обо всем этом сначала можно будет лишь только вспоминать, а затем и сама необходимость в этом отпадет. Ну, разве грустит человечество по каменным орудиям или наконечникам для стрел? Разве сожалеют люди о том, что кануло в прошлое всеобщая безграмотность? А кто сейчас читает Радищева или Фадеева? А ведь еще совсем недавно они были на гребне славы и всеобщей любви! И, тем не менее, их и тысячи других прекрасных писателей продолжают читать. Многие их по-прежнему любят и ценят, многие восторгаются их произведениями... Но в процентных величинах эти многие составляют жалкие цифры. Достаточно включить телевизор и вслушаться в тот рекламный бред, который обрушивается сегодня на нас и который не несет ничего духовного, ничего ценного. Мы теряем самобытность, мы теряем многовековую культуру, мы утрачиваем высокие человеческие ценности. И не стоит искать ответа на вопрос – кто виноват? Крайним можно сделать любого, было бы только желание! Но пока человек мыслит, он – существует! И вот этого нельзя никому никогда забывать!

Виталию Сергеевичу предстояло решить трудную и нелегкую задачу – кого взять из адвокатов. Молодого, энергичного, не избалованного, но профессионально слабо подготовленного? Или старика? Который ни одну собаку на этом деле съел, но который заломит столько, что мало не покажется! Или что-то среднее? Или, может быть, женщину? Ведь

именно они – самые дотошные и самые внимательные.

На третий этаж, в коллегия адвокатов подходили люди. Одни приходили впервые, другие – к конкретному адвокату. Однако слишком часто все время упоминалась одна и та же фамилия. Причем о Монзикове все говорили по-разному. И когда Александр Васильевич поднялся по лестнице и на секунду остановился, чтобы перевести дух, к нему сразу же подошли двое, а затем еще один и начали в коридоре что-то рассказывать. Кто-то просил, кто-то доказывал, кто-то пытался бросить последнюю реплику. Все говорили одновременно, а Монзиков с равнодушным видом поглядывал поочередно на каждого из своих клиентов.

Монарщик «добрался» до Монзикова только в 15²⁵, когда от него вышел последний из его клиентов.

– Здравствуйте! Монарщик Виталий Сергеевич. – Отчетливо произнес мужчина и протянул Монзикову руку для рукопожатия, по которому надеялся определить характер и тип адвоката.

– Здравствуйте! – Монзиков быстро протянул свою руку, не прилагая почти никаких усилий к рукопожатию.

Монарщик, обхватив и крепко сжав ладонь, вдруг, словно его ударило электричеством, быстро выдернул руку и начал внимательно ее разглядывать. Она была в мякоти от банана.

Монзиков до прихода Виталия Сергеевича чистил три банана. Сначала, он хотел их съесть один за другим. Но затем пришла чудесная мысль: *надо сделать сок!* Мякоть он уже

сьел, а сок только собирался выпить. Тем более что всего-то в чашке было с гулькин нос. Как ни старался Монзиков облизать свою руку, но она была в мякоти. Очень помогло рукопожатие, после которого она стала чище, и... штаны, о которые он ее все-таки вытер.

– Так! Ну, что там у Вас? – Монзиков приготовился к заполнению договора.

– Видите ли, Александр Васильевич, я пришел к Вам с очень необычным делом! У меня есть очень большая...

– Сумма денег, которую Вы хотите со мной разделить? – и Монзиков заразительно засмеялся.

– Насчет денег можете не беспокоиться! Деньги будут! Проблема в том, что у меня стряслась беда, – Виталий Сергеевич старался подойти к своей проблеме издалека. Но Монзиков – великолепный психолог – разгадал перспективу исповеди и тут же перешел в контрнаступление.

– Короче! Вы вляпались! Во что? Где? С кем? Когда? Понимаете мою мысль, а? – и Монзиков настолько глубоко засунул в ухо карандаш, что даже подпрыгнул. На кончике обгрызенного со всех сторон кохинора видна была сера. Комок был таким большим, что Монзиков радостно хрюкнул. Затем аккуратно скомкал его и начал тихонечко обнюхивать. Когда прошло секунд 5-6, Александр Васильевич внезапно выпрямился и заливчатски бросил свой «ушной серный комок» в открытую форточку. – Попал! Ай да я, ай да молодец! – Монзиков по-детски улыбнулся подобной удаче.

– Хорошо! Буду краток. – Виталий Сергеевич вдруг увидел, как дверь отворилась, и на пороге появился мужчина, при виде которого Монзиков подскочил от радости.

– Гога! Гога, ты ли это? Сколько лет, сколько зим? Знакомься, это – Гога! – Монзиков стал представлять друг другу мужчин. – Гогу все знают и все любят! Правда, Гога? А это мой клиент. Ну, Гога, рассказывай, как ты и где ты?!

– Да я, наверное, не вовремя? Может, вечером или... – Гога явно был смущен.

– Александр Васильевич! Позвольте, я доскажу свою историю... – Виталий Сергеевич вдруг отчетливо понял, что Монзиков мысленно уже не с ним. Более того, если Монзиков, встретив этого Гогу, уйдет, то день будет потерян окончательно. А впереди суббота и воскресенье.

Гога был давнишним Монзиковским приятелем. Судьба его была весьма и весьма оригинальна.

Гога, или Игорь Семенович Ляхов, был мужчиной среднего роста со среднестатистическими параметрами. Лицо было, можно сказать, неказисто. Лысоватый, чуть сутулый, с едва торчащим наружу животиком и большим, как у Монзикова, задом. Впалая грудь, сутулость и тоненькие ножки Игоря Семеновича делали похожим на вопросительный знак.

Ляхов в последние годы носил от младшего сына школьную форму синего цвета, где были отпороты погончики и блестящие пуговицы. Во внутреннем кармане курточки всегда были:

- зубная паста «Лесная»;
- зубная щетка;
- маленький кусочек туалетного мыла турецкого или цыганского производства;
- здоровенный носовой платок, который сильно смахивал на детскую пеленку;
- большие комки ваты;
- бельевая прищепка;
- одеколон;
- бутылочка из-под Пепсиколы с питьевой водой.

Игорь Семенович был уверен, что когда человек испражняется, то газики выходят не только *оттуда*, но и из ушей, носа, рта, глаз. А раз так, то надо не только вкладывать в нос и уши вату, но и закрывать глаза, чтобы процесс происходил как можно быстрее и эффективнее. После того, как процесс заканчивался, Игорь Семенович снимал с носа прищепку, вынимал из ушей бируши, чистил зубы пастой и мыл лицо и руки, вытираясь своим замечательным носовым одеялом.

Игорь Семенович был чем-то похож на чайку: поел – испражнился, поел – испражнился.

С Монзиковым они были знакомы давно и обоих друг к другу тянуло с такой силой, что бывали моменты, когда им достаточно было просто побыть вдвоем, молча посидеть на скамейке или пройти по улице, и сразу же оба получали положительный заряд бодрости на неделю, а иногда и на ме-

сяц.

Ляхов видел в Монзикове верного и преданного, чистого и непорочного, с непростой судьбой друга. И Монзиков мнением Ляхова очень и очень дорожил. Если возникали трудности, то каждый из приятелей все бросал и спешил на помощь к другу.

Игорь Семенович говорил несколько высокопарно, не спеша. Он редко улыбался и все происходящее вокруг воспринимал очень и очень серьезно. Когда кто-нибудь задавал ему вопрос, например, «Который сейчас час?», то Ляхов, крепко задумавшись, надув щеки, начинал ответ примерно так: «Да! Как я полагаю, сейчас, вероятно, около 18 часов дня. Хотя на моих часах без трех минут шесть, но, возможно, они спешат или отстают. Я утром проверял и время, и завод, и должен заметить, что существенных корректур в работу часового механизма я не внес. Поэтому, с вероятностью, близкой к 95 % можно полагать, что мои часы идут достаточно точно и времени на них около 18 часов дня».

– Ну, Гога, пойдем пивка попьем, а? – Монзиков весело подмигнул и начал собирать вещи, т. к. решение о бурном и многообещающем отдыхе он уже принял.

– Санька! А что ты будешь делать с товарищем? Надо бы закончить...

– Дружба и дружбаны – это святое! Я правильно говорю, а? – Монзиков подошел вплотную к Монарцику, взял крепко-крепко среднюю пуговицу пиджака и посмотрел на свое-

го клиента так, что тому ничего не оставалось, как выжать из себя слова, ставшие последним аргументом для ухода из коллегии.

– Правильно, правильно...

– Вот видишь, Гога, все считают, как и я! Догнал, а? – Монзиков, выходя из комнаты, весело подмигнул растерянному Монарцику.

Через два часа Гога и Монзиков, ужасно пьяные, с двумя пакетами, в которых лежала водка и закуска, сидели на берегу озера.

Лирическая, обломная...

– А литр пива – это много?

– Смотри, какой он по счёту.

Анекдот от И. Раскина

– Эх, Зяма-Зяма! Вот здесь я и Гога вспоминали прошлое.

Да-аа! – Монзиков взглянул на меня и сладостно вздохнул.

– А дальше-то что? Дальше? – я слушал захватывающий рассказ, который наверняка был очень и очень многообещающим. И действительно. Все, что потом я услышал, было подобно крутому детективу в стиле Агаты Кристи или может быть даже Виктора Пронина.

Пение птиц, которые то и дело подлетали к нашей скамейке, стоявшей невдалеке от переполненных мусорных баков, редкие, сильно ободранные кусты сирени и здоровенные грязные лужи нас не радовали. Откуда-то издалека раздавалось пьяное пение, которое все время прерывалось громким залихватским свистом и отборнейшим матом. Да, чуть не забыл, несколько дней тому назад я попытался устроить литературное чтение отдельных глав своего романа, которые больше всего нравились Петровичу. Читал на улице, затем в ресторане, где работал мой знакомый швейцар. Кстати, там меня даже накормили на халяву. Сказали, правда, чтобы я сматывал поскорее удочки и не распугивал клиентов своей хренотенью. Но я-то знаю, что выгнали меня только из-за то-

го, что истинные поклонники литературы не могли от меня оторваться. Все слушали меня с раскрытыми ртами. А ведь в ресторан идут для того, чтобы набить брюхо, показать даме свою крутизну, попить коньячку и т. д. А если же просто сидеть и слушать, то дохода от таких клиентов не будет. Это уж точно! Вот они и турнули меня, чтобы я им бизнес не подрывал. А то, что вдогонку мне кричали всякие оскорбительные слова, так это тоже легко объяснимо. Страна должна знать своих героев. Не легко сегодня живется настоящим талантам. Зависть, злоба – так и сквозят на лицах примитивных уродов, которые и читать-то толком не умеют. Ведь, например, почему в театрах или в филармонии всегда дают программки? Да очень просто! Дают их только для того, чтобы было понятно, о чем поют или для чего танцуют, какая музыка и кто автор. Исполняют-то всегда чужие вещи! А тут читал *сам автор*! Это ж очень важно, потому как кроме автора никто не сможет прокомментировать или подать ценную, правильную идею. Многие сегодня имеют какую-нибудь мысль... Думают ее, думают, а результатов – ноль. А почему? А все потому, что надо всегда оставаться человеком. Надо людей любить. Надо помогать друг другу, даже за деньги, как я, например. Ставлю клиенту новую прокладку, беру чирик. Сначала, конечно, меня могут и обматерить, но на следующий день если уж спасибо и не скажут, то, по крайней мере, и морду мне не набьют. Кстати, они-то с голода не умрут! Беднее не станут. Это точно, а вот в хозяйстве бу-

дет полный порядок. Николаевна – из соседнего дома – меня даже отругала за то, что мало я пишу о природе. Она считает, что если есть такие писатели, как Паустовский, которые только о природе и писали, то значит, и другие должны ее описывать. Даже у Толстого чего-то там такое тоже есть. Но я же не Лев, чтобы описывать, кто под каким деревом целовался или куда, например, поехал на поезде, а затем лег на рельсы и любовался журавлиным клином, кудрявыми берегами и всякой другой ерундой. О природе писать могут все, и сколько хочешь! А вот о героях нашего времени – пишу только единицы. Лермонтов и тот только один раз написал про своего героя, который почему-то вдруг у него плохо кончил. А я пишу о тех, которые среди нас, которые не бьют себя в грудь и не кричат на каждом шагу «Я – герой! Я – герой!» А на самом-то деле он и есть герой, потому что живет среди сплошных героев в геройское время!

Хотел, было обратиться к фотографу, чтобы он сделал мне иллюстрации к роману. Так он заломил такую цену, что даже страшно сказать. Тогда попросил батюню своего нарисовать. А батя жалуется на отсутствие времени, сил. Вот и получается теперь – либо буду создавать творческий коллектив, либо буду гнать сюжет за сюжетом и радовать читателя без иллюстраций и без всяких там художественных изысков?! Я выбрал творческие муки. Буду писать, писать и писать.

По секрету скажу, есть идея написать классный детектив

о том, как можно брать взятки и никогда не попадаться с поличным.

Боюсь только одного – меня не правильно поймут, а ведь я точно знаю, что берут сегодня все. Не берут лишь те, кто не может, у кого нет такой возможности. Принцип *«кто что охраняет, тот то и имеет»* сегодня существенно дополнен другим – *«брать надо так и столько, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы!»*

Сколько правителей, сколько городничих, сколько министров было на нашем веку?! Вор на воре, убийцы и пьяницы... И хоть бы один из них был привлечен к ответственности? А народ только и делает, что хает и хает, материт и материт всех и всё. Вот и думаю, «А не пора ли сделать очередную революцию? А может быть, каждый из нас будет просто заниматься своим делом? И тогда страна наша станет богатой и сильной. Тогда догоним и перегоним Америку. Тогда не будет у нас и преступников. И армия с милицией нам будут не нужны, потому что не будет в них большой надобности.

Но такое уже было в истории. Были уже мечтатели и фариसेи. Были и социальные революции, которые заканчивались экономическими тупиками и политическими катаклизмами.

Вот и приходится сегодня восполнять брешь в литературе. Вот и пишу о тех, кто родился в совдепии и строит вместе с другими наше светлое будущее.

Мне иногда говорят, что многих моментов не было и быть

не может. Что все мои сюжеты – следствие алкоголизма и богатой фантазии. А как же быть с Зощенко, с Пикулем и другими талантами, которые брали исторический материал и чудесным образом доводили его до читателя?

Я обещал, что мата и политики у меня не будет. Да, стараюсь о грустном не писать. Стараюсь и... страдаю. Не пишу, а сам мучаюсь от того, что роман получается однобоким, не колоритным.

Кажется, все это уже было? Ведь я уже давал подобные обещания и что, меня опять потянуло резать правду-матку?

К 20⁰⁰ Монзиков и Гога выпили 2 литра водки под 6 кг яблок и 300 г. докторской колбасы, четыре черствых бублика и две ириски. Языки еле шевелились. Кроме мычания, сопения и пьяного бреда от двух представителей сильнейшей половины мира исходил сильный алкогольный запах.

Проходившая мимо бабушка хотела, было взять у мужичков пустые бутылки, но они ее послали на три буквы. Более того, Гога вдруг попытался еще ее и пнуть левой ногой. Попытка не удалась. Тогда, встав, он попытался сделать это еще раз, но не устоял и плюхнулся в озеро. Монзиков, тщетно стараясь вытащить из воды друга-собутельника, перелетел через него. Барахтаясь на мелководье, постепенно они заходили на глубину.

Видя такое дело, бабуля подняла шум. Прибежавшие на крик дачники, вытащили обоих из воды и отволокли... в пикет милиции, который был закрыт на всячий замок. Тогда,

не долго думая, кто-то решил, что их надо посадить на электричку и отправить подальше от города. Через 50 минут пассажиры третьего вагона с шумом вытолкали пьяных, грязных и абсолютно мокрых мужичков на перрон станции Привольное – небольшого городка с населением около 20000 жителей. Не прошло и 10 минут, как Монзиков и Ляхов оказались в ИВС, где и провели всю ночь вместе с бомжами, клопами и двумя занюханнкими алкашами.

В субботу и воскресенье ими никто не занимался, а в понедельник дежурный следователь вызвал сначала Монзикова, а затем Ляхова для составления административного протокола за *справление нужды прямо на перроне вокзала*.

Когда он узнал, что Монзиков является адвокатом, а Ляхов – его друг, то, сменив гнев на милость, Диденко – так звали следователя – начал рассказывать Монзикову историю, легшею в основу одного уголовного дела, с которым он до сих пор мучается, и не знает что с ним делать и как ему дальше быть.

Однажды, во время дежурства Диденко, в милицию прибежал заявитель – весь в слезах, со следами побоев и большими дырами на почти новой, импортного производства, куртке.

– Помогите, пожалуйста! Товарищи, дорогие. Что же это такое? Прямо на моих глазах творится беззаконие? – мужчина, с виду вполне приличный, активно размахивая руками, пытался схватить любого милиционера, который оказывался

около него.

– Уважаемый! Не надо суетиться! Успокойтесь! Давайте лучше рассказывайте всё по порядку. У Вас заявление?

– Да. Я буду делать заявление. А где начальник? – мужчина, разговаривая на повышенных тонах, продолжал метаться из угла в угол грязной комнаты.

– Диденко! Диденко, оглох что ли? К тебе пришли! – сипатым голосом, не выговаривая половины букв алфавита, кричал прапорщик милиции Кубайс – помощник оперативного дежурного.

Диденко, старший лейтенант юстиции, следователь г. Привольное, которому было уже далеко за 40, жуя солёный огурец, подойдя к крикуну, раздраженно спросил: – Ну, что там у Вас?

– Беда, товарищ начальник! Изнасилование! Понимаете?

– Так! Значит так... Сейчас пойдём ко мне в кабинет и составим протокол. А затем выедем на место преступления. Понятно?

– Так точно, всё будет, как Вы скажете.

– Серёга! Позвони операм! Будем брать насильника. Пусть не пьют и пусть ждут меня. Я через полчаса буду готов.

И Диденко отправился в соседнюю комнату, где находились еще двое сотрудников милиции, и где он планировал сразу же завести уголовное дело по ст.131 УК РФ.

Следователь Диденко сидел за ужасно захламленным бумагами столом, на котором лежали разного рода документы.

Там же россыпью валялись обгрызенные карандаши, остатки картофельных чипсов, окурки, грязные ложки, нож без ручки, два справочника для сантехников и чистые бланки протоколов. Комната была в таком состоянии, что первое впечатление было – это склад гоголевского Плюшкина.

Маленький, почти лысый, с аккуратным животиком и кривыми ножками Диденко тщетно искал на столе свои очки, которые он оставил при выходе. За правым ухом торчал огрызок красного карандаша. Вместо ручки он держал обыкновенный замусоленный стержень от шариковой ручки.

После того, как Диденко записал полные данные заявителя, он начал задавать вопросы по существу преступления.

– Итак, Виталий Сергеевич, кто, кого и когда изнасиловали? Кто свидетель? Где был совершен... – договорить он не успел, т. к. Монарчик принялся отвечать на первый вопрос.

– Дину, мою маленькую Диночку. Она у меня...

– Стоп! – Диденко старался разговаривать спокойно, но этого ему не удавалось. – Не расстраивайтесь!

– Да как же мне не расстраиваться, если Дина была ещё девочкой. Маленькая такая, бедненькая моя девочка. – Виталий Сергеевич даже заплакал. Когда он несколько раз всхлипнул, на лице каждый раз появлялась страдальческая гримаса. Видно было, что что-то его огорчало. Диденко даже показалось, что что-то у заявителя болело внутри.

– Простите, пожалуйста, а Дина – это Ваша внучка? Или она Ваша дочь? – Диденко пытался подобрать «ключик»

к сердцу еще не старика, но уже и не молодого человека, который то кричал, то рыдал как маленькая дитя, то вдруг на всё смотрел с таким равнодушием, как будто он был совсем ни при чём и его ничего не касалось.

– Ну, Вы даёте! Какая же она мне внучка? Вы хоть понимаете, что несёте ерунду? – Виталий Сергеевич достал белоснежный носовой платок и вытер со лба пот. При этом его лицо опять передёрнулось страдальческой гримасой. Он даже слегка вскрикнул.

Диденко, пытавшийся во всё вникнуть, уже больше не мог спокойно слушать. Он взорвался. От добряка не осталось и следа.

– Ты, дед, не умничай, когда с тобой следователь говорит! Понял, да? – И Диденко достал из чайной кружки, служившей не первый год пепельницей, окурок сигареты и начал по карманам грязных брюк искать спички. Затем, когда сделал первую затяжку и выпустил густую струю дыма прямо в лицо заявителю, добавил – Ты, этиткина жизнь, пойми, это самое, значит, ведь я ж тебе помочь хочу, а ты, этиткина жизнь, не въезжаешь! Понимаешь?

– Так Вы – следователь? Да? То-то же я смотрю на Вас и думаю, как же Вы стали начальником? Какой идиот мог такого дурака назначить начальником милиции, если простую болонку принимаете за внучку?! Да-а-а-а... Попал я в передрягу!

– Ты мне не хами! – Диденко даже подпрыгнул на своем

ветхом стуле. Теперь уже он вытирал пот с лысины и маленького лба.

– Во-первых, не ты, а Вы! Салопон хренов! Во-вторых, перед тобой всё-таки капитан первого ранга запаса. Понял, шнурок недоделанный? – Монарцик попытался распрямить грудь, но от сильной боли чуть было не лишился чувств.

Допрос длился около четырёх часов. В конце концов Диденко, сделав над собой невероятное усилие, сменив гнев на милость, дослушал историю Монарцика и возбудил уголовное дело против Педрищева Николая Залмановича – заведующего третьей баней, который специально, как утверждал Виталий Сергеевич, натравил на 10-месячную болонку Дину кобеля Вовена – породистую восточноевропейскую овчарку. Когда Монарцик, разговаривавший с соседом, услышал дикий писк Дины и злобное улюлюканье Педрищева, который с остервенением кричал «Трахни её, трахни!», не раздумывая, Виталий Сергеевич бросился разнимать собак, но наткнулся на кулак верзилы Педрищева.

Разнять Вовена и Дину было не просто, т. к. Вовен никого из чужих к себе не подпускал, а полупьяный двухметровый Педрищев грозился врезать любому, кто помешает его Вовену сделать важное дело. Кстати, четыре ребра и переносицу Монарцику сломал именно Педрищев. Он же и порвал ему куртку и брюки. Если бы не выбежавшие на шум соседи, то трагедии было бы не миновать.

Диденко долго сомневался, но, в конце концов, возбудил

уголовное дело по заявлению Монарщика против Педрищева Н.З. по ч.2 ст. 112 УК РФ «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью».

Когда в кабинет зашел следователь Первухин, Диденко заваривал чай и был готов отметить *клёвое* дело, за которое рассчитывал срубить по лёгкому премию. Ведь есть свидетели, есть обвиняемый и есть потерпевший. Первухин, бегло пробежав глазами по протоколу, тут же включился в беседу.

– Дед! Ты что, совсем или почти? – Первухин был в крайней степени удивления.

– А что? Что не так? – Диденко изумленно глядел в косые глаза напарника.

– Да ведь тут совсем другой состав. Тут в чистом виде 116-ая «Побои».

– Какие побои? Сам-то посуди!?! – Однако былой уверенности у Диденко уже не было.

– Да говорю тебе побои, значит – побои! Драка была? – Первухин посмотрел на Монарщика, но тот никак не реагировал на косой взгляд корифея следствия. Было неясно: то ли Первухин смотрит на входную дверь, то ли в окно.

Монарщик, вспомнив классный анекдот про окосевшего, а затем погибшего чукчу от неумелого врачевания жены, наблюдавшего одновременно за полетом в разные стороны двух вертолётов, громко засмеялся. Он вдруг отчетливо представил, как жена чукчи стала одновременно греть яйцо следователю Первухину и натягивать его ему же на пере-

носицу. От сотрясения тела, вызванного гомерическим смехом, его сломанные рёбра дали о себе знать, и Виталий Сергеевич от боли моментально потерял сознание.

Началась паника. Советы Диденко давали все. Назвать их гуманными – было бы ошибочно. Так, например, Кубайс – интеллектуал районного масштаба, он же – помощник оперативного дежурного, посоветовал зажигалкой взбодрить старичка.

– Надо перед носом его сжечь расческу. Да не просто расческу, а с содой. Завернем всё в газетку, зажжём, а затем прямо ему в нос! Тут он и оклемается. Ну, а если и это не поможет, то можно палец поджечь. Меня так тёща с женой из бодуна выводят. Я как нажрусь...

– Слушай, Кубасик, ты вечно придумываешь какие-то сложности. Можно же гораздо всё проще сделать. – Первухин ходил по кабинету взад-вперед и все время сплевывал себе под ноги. – Вот надо, значит так, отнести его в ИВС. Там – блохи и вши. Две минуты и он будет свеженьким, как огурчик!

– Нет. Надо придумать что-то такое, что может его взбодрить, но, это самое, чтобы он не того! Он же может взять и капнуть! Я уже вижу его насквозь! Подумаешь, отодрали его шавку, ну дали в рог, так ведь за дело же, если разобраться. Сам-то, когда хочет трахаться, ведь не ждёт? А это дело он наверняка любит! Все военные как нажрут, так сразу по бабам. А он ещё и моряк – спички бряк. ХА-ХА! – Диденко

вдруг заметил, что Монарцик лежит на полу без признаков жизни. Лицо его стало белым, как у покойника.

Зашла Гюльнара – уборщица. Она и посоветовала дурью не маяться, а вызвать скорую помощь. Да, баба – дура душой, а совет всё же дала дельный! Надо же?!

Скорая помощь прибыла ровно через 52 минуты. А спустя три часа из больницы пришла телефонограмма, в которой сообщалось, что у поступившего в тяжелом состоянии Монарцика В.С. состояние средней тяжести. Имеются переломы четырех ребер, переносицы, левой ноги и сотрясение головного мозга 2-ой степени. О множественных ушибах сообщить просто позабыли. Дело в том, что когда пришедшего в сознание Монарцика санитары несли на носилках, то идущий впереди споткнулся. Монарцик упал. Упал не просто, а прямо в лужу. Вскочив на ноги, он поскользнулся и снова упал, но на этот раз на поребрик. Сотрясение и перелом он получил в трёх метрах от входа в приёмный покой больницы.

Выписавшись из больницы ровно через месяц, Монарцик вдруг узнал, что дела уголовного никто и не возбуждал. Оказывается, Педрищев обслуживал практически всю милицию. Все милиционеры мылись и пьянствовали в баньке у Николая Залмановича.

Мылись на халяву, пили на халяву, отдыхали ни о чем не думая. Одним словом – у Педрищева всё было куплено.

Тем не менее, Монарцик начал писать жалобы, обивать милицейские и прокурорские пороги. И только после того,

как он побывал на приёме начальника УВД города и области, дело было возбуждено. И возбудил дело всё тот же Диденко, который так и не знал, куда и кому спихнуть весь материал, т. к. мыться он любил, а денег из принципа никому и никогда не давал. Он всю жизнь работал в режиме «сухой губки» – только брал. Жена его в магазине покупала лишь хлеб да булку. Все другие продукты Диденко, впрочем, как и большинство его коллег, доставал сам. Удивительное дело: СССР давно уже нет, появилось засилье новых русских, капитализм всё увереннее и увереннее набирает силу, а «отваривание с заднего хода» как было, так и долго еще будет. Многие бизнесмены прикармливают, дают на перспективу силовиков и чиновников. Принцип этот – достаточно проверенный, не дающий серьёзных сбоев.

Диденко был в крайне затрудненном положении: с одной стороны – его понуждали остатки совести и вялые распоряжения руководства к производству и вынесению постановления по уголовному делу против Педрищева, с другой стороны – тоже руководство, купленное перекупленное Педрищевым и его компанией, через сослуживцев и подчиненных настоятельно рекомендовало закрыть дело.

– Ты не печалься! Понял? – Монзиков с уверенностью смотрел на Диденко, пытаясь уже в который раз достать клопа из-за спины.

Последняя ночь в ИВС была особенно трудной, т. к. сил бороться с гнусными животными ни у Ляхова, ни у Алек-

сандра Васильевича больше не было. Спали они около 5 часов, но и этого оказалось достаточно для 100-процентного контакта с клопами и другими ползающими, кусачими престежками ИВС.

– Васильич! Как же мне быть? Ведь мне уже ничего и на ум-то не идёт? Что ж теперь со мной будет, а? – Диденко готов был зареветь, но что-то его сдерживало.

– А хочешь, я возьму Монарчика в оборот и это!? Пони-маешь мою мысль, а? Догнал?

– Не понял?!

– Ну, я же могу его того! Теперь-то догнал? Я правильно говорю, а? – Монзиков смотрел то на сидевшего неподалеку Гогу, то на смотревшего с легкой надеждой Диденко.

– Ты что, хочешь его того? – Диденко подался вперед. Тол-стенький, слабо просматривающийся подбородок и нижняя губа моментально придали лицу форму писсуара в мужском туалете.

– Ха! А ты как думал?! Ведь я же, всё-таки, адвокат?! Понимаешь мою мысль, а? – Монзиков наконец-то разда-вил проклятого кровопийца и теперь тщательно обнюхивал пальцы рук, которые больше всего пахли не давленными кло-пами, а самым настоящим дерьмом. На правой ладони было какое-то коричневое пятно. На левой – пятна не было, был лишь гнусный запах. Да, было над чем призадуматься!

– А как же ты его будешь, это...? – Диденко смотрел на Монзикова с такой жадностью, с таким интересом, что мож-

но было подумать, что следак тронулся!

– Завтра я встречусь с Монарщиком и всё будет о'кей. Он сам ко мне придет. Это точно.

– И ты что же, сразу его возьмёшь и?.. – Диденко сделал странное движение правой рукой – как будто в воздухе пролетел меч секир-башка.

– Не понял?! Ты что, не въехал? Ведь я ж тебе сказал, что я – это самое, значит, ну – адвокат!? Понимаешь мою мысль, а? Зачем же мне его, это самое, значит? – Монзиков хлопал глазками, и по виду был похож на голубя, у которого отобрали корм, а другие голуби всё клевали и клевали.

– Так ты, значит, его не будешь? То есть ты его не того, а только так? Да! А я, было, решил, что ты это! Вон, значит, как ты?! – Диденко пытался с честью выйти из тупика.

– Да ты не печалься. Я с ним заключу договорчик и через пару недель – месячишко подведу к мысли, что дело – жвах. Я правильно говорю, а? – Монзиков искал глазами курицу, т. к. во рту всё пересохло, и на душе скреблись кошки.

Ляхов пытался уловить суть дела. Он так старался, что не заметил, как голова его застряла в прутьях решетки. Стараясь как можно больше услышать, Игорь Семёнович незаметно для себя протиснул голову через металлические прутья двери камеры. В неудобной позе он просидел с полчаса. Шея затекла, слегка распухла. Когда же Монзиков и Диденко подошли к Ляхову, то тот активно пытался убрать голову, но у него ничего не получалось. Из красной шеи раздавалось мы-

чание. Сопел Игорь Семёнович так громко и так часто, что набор звуков вполне подошёл бы для киностудии, где проходило озвучивание движения паровоза.

Через полчаса Монзиков и Ляхов, поджидая электричку, стояли на перроне вокзала. Друзья остро ощущали потребность выговориться, но времени у них на это уже не оставалось. Надо было ехать домой.

Happy end

*Не бросайте бычки в писсуары!
Они долго сохнут и плохо раскуриваются!
Из практики бомжей-курильщиков.*

Усевшись за стол, перелистывая еженедельник, Александр Васильевич пытался войти в привычную колею. Однако состояние прострации его не покидало. И только приход Монарчика в 10⁰⁰ вывел его из столь необычного состояния.

– Здравствуйте, Александр Васильевич! Как прошёл уикенд? – Виталий Сергеевич старался начать беседу с совершенно нейтральных вопросов.

– Вашего Педрищева я не видел, а с Диденко мы поговорили! – Монзиков внимательно вглядывался в Монарчика.

Виталий Сергеевич от изумления раскрыл рот и так бы и сидел, если бы не атака Монзикова.

– Ничего хорошего в Вашем деле я не усматриваю, понимаете мою мысль, а?!

– Не совсем... А...?

– Я не отказываюсь от Вас, но работы будет много, вот! Поэтому, готовьте лимон в кассу и пять – мне в карман, ха-ха! Старыми, конечно. Начинаем работу, – Монзиков достал чистый лист договора.

– Да, да, конечно... – Монарчик уже всюю отсчитывал

6 млн. рублей. Купюры были стотысячные, абсолютно новенькие.

– Но, это только начало, а всё остальное будет чуть позже. Я правильно говорю, а? – Монзиков аккуратно заполнял договор.

Через три дня Монзиков позвонил Монарцику. Надо было встретиться. То, что удалось узнать о банном магнате и вороте районного масштаба позволяло Монзикову рассчитывать на крупную премию от Виталия Сергеевича, на несколько бутылок коньяка от Диденко и тысяч на «ндцать» от Педрищева.

Организовав самое настоящее наблюдение за Педрищевым, Монзиков заполучил на него видео-доказательства (видеозапись он сделал лично в момент передачи наркотиков) торговли гашишем. Были прекрасно записаны два эпизода купли-продажи партии на 100 000 баксов.

Диденко уже был сориентирован. Руководство решило сдать Педрищева вместе с потрохами. Однако пока Педрищев еще не был арестован, у Монзикова возник гениальный план, согласно которому он берет с потенциального клиента крупную сумму денег и помогает ему уйти от ответственности за побои Монарчика. Решив эту задачу, у него есть шанс помочь за еще большие премиальные в деле с наркотиками, где он может поспособствовать Педрищеву получить не ч.4 ст.228 УК РФ «Незаконные изготовление, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических средств или пси-

хотропных веществ» (от 7 до 15 лет с конфискацией имущества), а ч.1 ст.228 УК РФ, по которой светит небольшой для Николая Залмановича штраф.

Далее события развивались молниеносно. Монарцик получил от Педрищева 10 000 долларов США в счет компенсации морального ущерба Монарцика. Монзиков, якобы, за 5 000 долларов США закрыл уголовное дело (Монарцик-Педрищев). Это стоило ему плотного вечера с Диденко, когда на двоих под хорошую закуску было выпито ни много, ни мало – 3 литра водки. Педрищев очень порывался принять активное участие в попойке, но у Монзикова хватило решительности и сообразительности ограничить его только материальным участием. Кроме того, с Монарцика Монзиков для обоюдной пользы взял еще 5 млн. рублей и расписку, что доверитель к адвокату претензий не имеет.

За 15000 долларов от Педрищева Монзиков сумел сделать переквалификацию на ч.1 ст.228 УК РФ. Более того, на суде Педрищев получил 2 года лишения свободы условно (!). Диденко после этого уволился из органов и стал торговать на привокзальной площади своего города шавермой, зарабатывая при этом ежемесячно 20 тыс. рублей (новыми).

Вскоре после суда Педрищев переехал из Привольного в Москву, где стал владельцем двух казино на Арбате и в Южном Стане.

Монарцик на полученные деньги уехал в Севастополь, где купил в самом центре города прекрасную трёхкомнатную

квартиру и где устроился на преподавательскую работу в Приборостроительный институт. Одновременно занимается ремонтом (по договоренности) квартир. Одним словом – не бедствует.

Ну, а Монзиков... Монзиков купил себе новый костюм и новый из кожзаменителя дипломат.

Лирическая, забойная

*«Fortune non penis, in manus non renis».*²⁰

Адвокат Монзиков, ковыряя спичкой в зубах, сидел на берегу озера и сосредоточенно размышлял над странным стечением обстоятельств. Как мог водитель иномарки не заметить разворачивавшегося грузовика? И почему грузовик не пропустил иномарку? Не понятно было и то, почему именно Монзикова – специалиста по «расстрельным» статьям – рекомендовал сам Президент коллегии адвокатов, где Александр Васильевич успешно работает всего каких-то несколько месяцев, что уже само по себе, мягко говоря, удивительно.

Александр Васильевичу Монзикову этим летом исполнилось 40 лет, и он твердо знал, что ему надо урвать от жизни всё. Принцип, которому он научился в ГАИ – работать в режиме «сухой губки», т. е. брать от каждого по максимуму и отдавать, желательно не всегда и не всем, по минимуму, а лучше – ничего не отдавать, в большинстве случаев срабатывал идеально. Правда, бывали и осечки. Например, однажды, а было это совсем недавно, Александр Васильевич познакомился в «Колобке» – второразрядном кафе на ул. Чайковского, с приятной во всех отношениях женщиной без вред-

²⁰ Любимая поговорка Изи Шлеппенпопа, гражданина двух стран, отца четырех несовершеннолетних детей.

ных привычек, весьма неопределенного возраста.

Он сидел и сосредоточенно разжевывал горячую сосиску в тесте, когда, вдруг, услышал тонкое щебетание: «Извините, пожалуйста, можно?» Взглянув на обладателя столь милого и тоненького голоса, Монзикову стало несколько не по себе. Не часто, вот так запросто, он знакомился с женщинами, к тому же весьма симпатичными. То есть, женщины у Александра Васильевича были. Можно сказать даже, что и немало. Но, во-первых, они были раньше, а, во-вторых, инициатива всегда исходила от Монзикова.

– Садитесь, пожалуйста. Ой, то есть присаживайтесь...

– Спасибо. А Вы, наверное, следователь? – опросила дама.

– Да, а как Вы догадались? – парировал Монзиков.

– Да манеры у Вас, извините... Хотя...

– Вообще-то, я – адвокат! – Не без гордости, но и без особого энтузиазма буркнул Монзиков. – Кстати, если у Вас есть проблемы, то я могу Вам помочь, – и Александр Васильевич решительно запихнул в рот почти целую сосиску в тесте. Сосиска была, как ни странно, большой и поэтому пришлось прибегнуть к помощи указательного пальца правой руки.

– А Вы всем помогаете, или только незамужним?

– А Вы тоже не замужем?

– Да. А Вы? – даме явно было нужно поговорить с таким необычным посетителем кафе.

– Да, и давно! – не долго думая, выпалил Монзиков.

Можно было бы и опустить подробности первого разго-

вора с Ириной Михайловной, так представилась Монзикову приятная во всех отношениях дама, но именно тогда Александр Васильевич понял, что эта встреча просто так для них обоих не кончится. В тот день Александр Васильевич получил с клиента 1 млн. рублей в счет предстоявших «транспортных расходов».

Дело, за которое он взялся, сулило большие деньги, т. к. надо было доказать, что Рашит Хабибулин убил свою жену. Монзикова наняла мать погибшей – энергичная и неглупая пенсионерка Зоя Владимировна, основным достоинством которой, по мнению Монзикова, были 25 000 долларов, которые она получила от продажи двухкомнатной квартиры зятя. Монзиков узнал об этом при первой же встречи и сразу же «подвинул» бабушку на перевод в практическую плоскость их отношений. Без промедления они заключили договор, по которому Александр Васильевич внес в кассу 500 000 рублей (старыми), а небольшой остаток – 1000 долларов – положил в левый нагрудный карман своего пиджака.

Заканчивалась вторая неделя работы по делу Хабибулина, а положительных результатов всё не было, не считая 1000 долларов и 1 млн. рублей, да половины гонорара от 500 000 руб., которые он надеялся получить после 10-ого числа месяца, когда «спишет деньги». Судебно-медицинская экспертиза нашла у Яны – дочери Зои Владимировны – сперму и наркотики в крови. Пикантность ситуации заключалась в том, что 32-ух-летняя балерина Яна Хабибулина, мать двоих

несовершеннолетних детей, 29-ого числа после очередного спектакля решила «смазать тему», для чего поехала с молодым, еще не искушенным Вадиком к Инге Рабинович, у которой всегда было что выпить и которая охотно принимала участие в оргиях и коллективных попойках. Инга была моложе Яны, но это нисколько не мешало им дружить.

Приехав на такси с Вадиком и тремя литрами водки к Инге, Яна начала обзванивать своих подружек и приглашать к Инге на «междусобойчик». Как всегда, в тот роковой вечер, у Инги были: Альберт Хегин – иллюзионист (за три года – ни одного привода в милицию, ни одного задержания, тьфу, тьфу, тьфу! А в наперстки и карты он играет без малого вот уже 5 лет (!), Игорь с Викой – молодая пара, любимым развлечением которой был туризм «на халяву». Оба знакомились с «потенциальными Викиными хахальями», раскручивали их на Турцию или Кипр, покупали в одной турфирме путевки, отбывали на отдых, а дальше происходил полный разрыв отношений. Но, одно но, – все это было уже там, за кордоном и в кармане лежал обратный билет на самолет. Плюс полный пансион на три недели. Правда, два раза Виду избивали так, что вместо отдыха у ласкового моря приходилось лежать с компрессами, делать примочки и считать деньки до отлета, прикидывая, где достать денег на билет домой, т. к. «хахаль» забирал все, что считал нужным, оставляя лишь косметику, полбутылки шотландского виски, кое-что из одежды, да здоровенные синяки. Но у кого не бывает

осечек?

Был и Вася. Просто Вася. Ростом – не выше нанайца или пигмея, но с таким «достоинством», что как только взгляд падал ниже пояса, женщин прошибал холодный пот. Несколько раз я слышал истории о половых гангстерах. Вася, как мне кажется, был из их числа. Дело в том, что он никогда об этом не думал. И все получалось само собой. Само собой – утром. С двумя-тремя – в обед, и еще вечером. Вася работал грузчиком в одной коммерческой фирме, где было столько молоденьких девочек, что...

Обычно Вася много не пил и всегда любил от слов переходить к делу. Он был не словоохотлив. И на вопрос «А как Вас зовут?» он отвечал «просто Вася». При этом правая ручища стискивала женскую руку, а левая быстро, стремительно расстегивала и застегивала молнию на штанах. Чаще всего, с застегиванием выходил казус, т. к. «гигант» высовывался наружу. При этом женщина (девушка) сразу же начинала визжать. Бывали случаи, когда люди падали в обморок при виде здорового полена, выпиравшего из трусов. Змейка рвалась на глазах. Вася по началу тушевался, но, примерно с восьмого класса, понял, что промедление – смерти подобно и начал действовать, не забывая поговорку «*Куй железо пока стоит*». Обычно проблем с женщинами не было, т. к. никто не верил в рассказы «пострадавших». Какие еще лопаты? Какие поленья?

Да, без крови дело не обходилось, но ведь и смертель-

ных исходов тоже не было. Это было, все равно, что наркотик. Сначала страшно, больно и где-то даже неприятно, а затем девушка привыкала. Появлялась зависимость, перерождавшаяся через неделю в непреодолимое хотение. Желание росло и крепло с каждым днем. Однако проблема состояла лишь в том, что круг Васиных «жертв» расширялся с каждым днем, а Вася был один. Да и в сутках было всего лишь 24 часа, из которых 8 – Вася спал. Выходных или просто таймаутов Вася не любил. «Раз надо, значит надо. Так тому и быть», повторял Вася. Для Васи женщины делились на две половины: те, которые прошли через Васю и те, которым это предстояло. Других критериев у Васи просто не было. На возраст, национальность, красоту и т. д. Вася смотрел как сквозь пальцы. И было тогда Васе 27 лет.

Именно о Васе, а не о поручике Ржевском, ходит анекдот о том, что на каждой станции, где поезд простоял 20 минут и более – там у него по ребенку.

Вася пришел в 11 вечера, когда все были уже тепленькими, кое-кто уже успел «спариться», а Яна сделала это уже дважды.

К двум часам ночи от всей компании остались лишь Инга с Васей, пьяный «в хлам» Вадик и абсолютно голая, лежавшая как дрова, Яна.

Зоя Владимировна сообщила номер телефона Инги Рабинович, у которой Рашит «снял» кое-какую информацию, представившись любовником Яны. Кстати, это была не луч-

шая идея, т. к. Инга чуть даже не протрезвела от подобной наглости.

– Зачем нам Алик? – спросила Инга Рашита.

– Как зачем? Ведь я ее любовник!

– Да ладно п...ть! У нас есть Вася! – не без гордости заметила Инга.

Рашит замешкался с ответом. Дело в том, что о Васе он был не только наслышан, но и однажды видел его на очередной жениной тусовке. Правда, тогда он ничего с ним сделать не смог, т. к. именно Вася помогал ему поздним вечером добираться с Яной домой. Именно с Васей Рашит выпил на пошонок две по 0,75 л. и именно Вася для смазывания темы трахнул на глазах у мертвецки пьяного Рашита Яну, приговаривая при этом: «Ничего, не печалься. Сегодня – я, а завтра – ты». Рашит прекрасно помнил те кошмарные минуты, когда он, двухметровый 27-летний бугай не мог даже подняться и врезать пигмею Васе с поленом между ног по его слащавой физиономии. Яна тоже была хороша. Звала на помощь Рашита, который валялся в кресле в той же комнате, и одновременно яростно подмахивала половому гангстеру Васе.

– Ладно, я сейчас приеду, и ты меня сравнишь с Васей. Лады?

– Ну-ну, давай. Только в дверь не звони сильно, Вася откроет. Правда, Вася?

Рашит прилетел с Кабиром – так звали его двоюродного

брата – к Инге через 20 минут. Он успел только спросить у Васи, где Яна, а дальше... Дальше из материалов уголовного дела Александр Васильевич узнал, что у Яны были выбиты левый глаз, откусано правое ухо и нос, сломаны все пальцы рук, перебит шейный позвоночник, проломлен череп. Яна скончалась до прибытия скорой помощи, после ухода Раши-та и Васи. В 7 часов утра милиция арестовала Раши-та у него на квартире. Пьяный Рашит даже не сопротивлялся. Он не мог представить, что жизнь его повернула вспять. Бизнесмен Рашит Хабибулин, мужчина в полном расцвете сил, отец 3-летней девочки, обладатель «шестисотого мерса» и отдельной, отделанной по евростандарту, трехкомнатной квартиры, владелец «каменной трехэтажной времянки 10×12 м., находившейся в 20 минутах езды от города, имевшем тягу к граффити, из-за какой-то сучки должен был теперь идти в тюрьму? Да, он, зарабатывавший по три-четыре тысячи баксов в месяц, кормивший всю эту ё...ую шоблу (в основном – это была его теща, Зоя Владимировна) теперь будет сидеть на нарах, есть баланду и смотреть на небо в клеточку из коммунальной камеры? За что, почему? Рашит еще не знал, что смерть его Яны наступила не от его зверских побоев, которые он учинил жене, а в результате чрезмерного приема алкоголя и наркотиков. Врачи зафиксировали смерть в 2 часа 05 минут, а Рашит приехал в 2 часа 15 минут. Все это крутилось в голове Монзикова. Да тут еще была Ирина Михайловна!? Конечно, на суде Монзиков будет «биться» за честь и

достоинство Яны, за сиротство ее дочери, ... Но что делать с фактами и деньгами? Да, деньгами, которые ему уже передала Зоя Владимировна, и которые он рассчитывал еще получить. Ведь одно дело – результат, а другое дело – когда просто нужны деньги. Было и еще одно обстоятельство, о котором Александр Васильевич пытался не вспоминать. Зоя Владимировна обратилась к директору одной из охранных фирм с просьбой помочь ей «решить вопрос», а именно – грохнуть Рашита, если его не осудят. Она посулила 5000 баксов сразу и столько же потом, когда будет праздновать 40 дней Рашита. Виктор – знакомый Монзикова – директор «Защиты», охранной фирмы, контролировавший добрую половину всех районов города, послал бабку на х... Во-первых, это не те деньги, которые можно было получить за голову татаро-чеченского бизнесмена Рашита, а во-вторых, с каких это пор пенсионерки стали нанимать киллеров за 10 000 баксов?

– Может, Александр Васильевич, Вы поделитесь со мной своими проблемами, и я Вам помогу? – несколько кокетливо спросила Ирина Михайловна.

– Да, уж... А, кстати, Вы любите гулять по парку? – спросил с широко открытыми глазами Монзиков.

– В парке? Может быть, лучше зайдем в бар? – с нескрываемым удивлением спросила Ирина Михайловна.

– Вы знаете, мне надо сделать одно дело, а потом – я свободен. Вы где живете? – Монзиков стал как-то нервно озираться по сторонам.

– На Сухобздеевском переулке, – удивленно ответила Ирина Михайловна, которая никак не могла понять, почему Монзиков, адвокат, купивший 7 сосисок в тесте и два чая, вдруг как-то странно стал себя вести.

– Тогда, если Вы не против, мы быстренько все доедаем и пошли.

– Куда?

– К Вам, Ирина Михайловна.

– Как? Так сразу?

– Понимаете, мне надо срочно позвонить в два места! Да, а у Вас дома есть телефон?

– Есть, – промямлила Ирина Михайловна, в чьи планы вовсе не входило приводить адвоката в помятом костюме, без галстука, с салными пятнами на брюках и застывшим жиром на пшеничных усах к себе домой.

Монзиков отработанным движением запихнул в рот последнюю сосиску, тихонько рыгнул, допил остатки чая, незаметно для Ирины Михайловны, очень профессионально вытер руки о брюки, встал, взял потертый дипломат и, протягивая в жире и крошках от хлеба, что был на столе, руку Ирине Михайловне, после второй легкой отрыжки повторил вопрос: «Ну, так как, идем?»

Да. Ирина Михайловна была, что называется, ошарашена. Всякое может быть в жизни одинокой женщины, но чтобы вот так, сразу?

«Нет. Ничего страшного не должно произойти. Глупо-

сти!» – думала Ирина Михайловна. А Монзиков уже прикидывал, кому он сможет позвонить.

За 15 минут ходьбы до дома Ирины Михайловны Александр Васильевич успел узнать, что замужем Ирочка – так он ее уже называл – была всего один раз. Что 15 лет тому назад, после окончания Ленинградского СанГика (санитарно-гигиенического института) она разошлась с мужем, который ей всё время изменял и очень не нравился ее маме.

– Так у Вас и мама есть? – неожиданно спросил Монзиков.

– Да... – как-то растерянно и неуверенно, несколько с удивлением ответила Ирина Михайловна.

– И Вы, что же, вместе живете, или как? Догнала, а? – Монзиков при этом прищурил правый глаз и цыкнул. В зубах застряла то ли сосиска, то ли неизвестно что, но это так мешало ему...

– Вообще-то мама два года тому назад умерла и...

– О, это очень хорошо! – прервал Ирину Михайловну Монзиков.

– Что хорошо? Что мама умерла? – с испугом спросила Ирина.

– Нет. Хорошо, что это... Ну! В общем, что это, блин, уже – всё! Вы понимаете мою мысль? – спросил адвокат, прищурив еще сильнее правый глаз и пристально посмотрев на даму, выпалил адвокат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.